

Надеюсь, никто не станет кричать, что Санта-Клаус — подстилка Гренландская. Хотя, и журналист, и Святой Клав, несомненно, похожи: а) никто не знает, на кого эти оба реально работают; б) редким удается вступить с ними в личную переписку; в) и тот, и другой лучше всего проявляются в режиме дед-лайн.

ЮЛЯ ПАНЬКОВА

ВОЙНА НЕ

МИР

★ МОСКВА

2007

Анти-роман

Журналистская проза

В дембеля проникает Единый Интуитивный Образ Порядка. Какие вопросы? .. Отъем хлеба у салаги происходит быстро, машинально и без осечек, как и было обещано высшим разумом. И тогда дембельнутая душа попадает в рай... Слушай, че там шахидок натаскивают? В армию всех. Вот религия...

Война не Мир |

ВОЙНА НЕ МИР

Анти-роман

<http://indybook.name>

Макет iPages

Панькова Ю.

Война не мир: Роман — Москва. 220 с.

На правах анти-издания

Анти-роман — публикация, свободная от маркетинговой политики и рекламы, решающей за нас, что говорить или читать.

© Юля Панькова, 2009

Часть 1

I

Чтобы вывести из помещения крыс, берут железную бочку. В нее сажают с десяток грызунов. Кормить их не нужно. Через неделю в бочке остается последняя крыса. Еще через день проголодавшегося убийцу отпускают к сородичам.

На блатном цветном телевизоре моей тетки стоял сушеный варан. Он стоял на лакированном ящике в атакующей позе и злобно смотрел на каждого, кто смотрел телевизор. Рот чучела был распахнут, и небо аккуратно заделано красной материей. Моя тетка привезла этот сушеный сувенир из Алжира, где прожила 10 лет. Когда она вернулась в Россию, я уже ходила в начальные классы. Алая пасть варана под звуки вечерней программы «Время» — таковы мои первые впечатления о глобальном слиянии культур. У нас дома не было телевизора.

Я училась в обычной школе, где могла бы узнавать о текущей политической ситуации в мире. Но как-то так повелось, что я пропускала политинформацию — специальные уроки, где дети вслух читали вырезки из газет и осуждали военную агрессию гниющего запада. Я опаздывала на эти уроки. Так что, мировые разногласия оставались для меня чем-то глубоко историческим, далеким, как эпоха портянок и гимнастерок. Но однажды из нашего класса отобрали несколько учеников и стали готовить их на случай воздушной атаки. Это была середина 80х.

По некому плану учебной тревоги отобранных для военных учений учеников снимали прямо с уроков. Нас собирали учителя. У них были тревожные лица. Нас вели в школьный подвал и там раздавали боевые задания. На картонках с заданиями были начерчены схемы школьных этажей и точками помечены виртуальные возгорания и разрушения. Учеников делили на группы, раздавали картонки и разводили по этажам. По сигналу мы разбегались по школе и до звонка перемены отрабатывали разные способы эвакуации ученического состава в подвал (ака бомбоубежище). К моменту предполагаемой воздушной атаки мы должны были освоить миссию школьных

спасателей. Никто не говорил, когда будет атака и кто конкретно на нас нападет. Но именно в те дни сурового ожидания мне впервые пришло в голову, что мир, должно быть, безумен, независимо от того, какая его половина в данный момент права. При звуковом сочетании «Брежнев-Рейган» мое сердце до сих пор загадочно замирает.

Сегодня четверг, я беру диктофон. По четвергам я хожу в студию к популярному художнику и записываю его мемуары — о звездах, галереях, академии им. Сурикова и просто за жизнь.

Студия, где сидит мой художник, расположена между цирком на Цветном Бульваре и Сретенским монастырем. Я могла бы указать более точные координаты. Скажем — у роскошного киоска с модифицированным виноградом и персиками размером с бройлерных кур. Или «последний вагон из центра, из стеклянных дверей направо. Как дойдешь до банка, отдай честь. В переулке увидишь «Корвет». Набери, я тебя встречу». Любую точку земного шара можно рассматривать со множества колоколен.

Я еду к «Корвету».

Метро последнее время исчеркано и выглядит, как в кино. Так и должно быть, наверное, иначе, как бы общественный транспорт отличался от персонального. Одна моя подруга (или как называть человека, с которым ты схавал пуд тонера и на протяжении нескольких лет ходил в один туалет?), так вот, одна моя подруга успела купить свою первую машину еще до пересмотра пошлин на иномарки. Перед пенсией ее родители несколько лет работали на Французской дипломатической миссии. Тогда они и подкинули моей подруге списанный посольский автомобиль. Внутри, на всех дверках автомобиля было что-то написано — значительное и важное. Я не читаю по-французски, а подруга не колется. Загадочные надписи завораживали меня каждый раз, как я попадала в это авто. С пассажирского кресла я обычно разглядываю виды в окне. Но, путешествуя по городу в расписном посольском автомобиле, я не отрывала взгляда от дверок. Мне даже казалось, что надписи в салоне все время менялись, словно мятежный дух бывшего хозяина машины являлся из-за границы и черкал на кожаной обивке канцелярской замазкой, пытаясь что-то нам сообщить иноземным почерком.

Иногда мне верилось, что едва я узнаю, в чем смысл этих надписей, как жизнь наладится, ситуация в мире придет в равновесие, и ни одно яблоко больше не отравит раздором змий. Хотя, собственно, последнюю проблему мы решили успешно. Современные яблоки не червивы.

В каких-то смыслах цивилизация полезная вещь. Во всяком случае, я люблю ее знаки. След, оставленный человеком в окружающем мире, почти так же красив, как груда камней на дороге после того, как с горы сошел сель. Особенно след человека хорош, когда наследивший

уже свалил, а результат его действий успело упорядочить время. Расковыранный паз от шурупа в вагоне — это прекрасно. Ковыряя, хомо пытался что-то сказать. Время нанесло на его сообщение благородную патину, приняв человечесье рукоделие как дар. Какого ж фига я буду нудеть: вот, загадили все метро? Мне столько раз говорили, что то, что проверено временем, — качественно.

Про старый проверенный способ вывести крыс мне рассказал популярный художник, к которому я езжу по четвергам, чтобы записать его мемуары. Мне нравится эта работа. Воспоминания художника похожи на голливудский фильм. Тот, кто раньше был неудачником, победит, преграды разрушатся и белые титры побегут по черному фону под музыку глобального счастья. Это мой любимый сценарий. Герой похож на тебя и меня, но на деле он истинный чучельник.

ЧУЧЕЛЬНИК — я не знаю, кто выдумал это слово. Первый раз я услышала его от моего приятеля Димы, за ужином.

Ужин был поздним. Мы с Димой сидели на высоте 10 метров, на теплой и скользкой жести - на крыле памятника космонавтике, что на проспекте Мира. Мы пили чай с пончиками. Черт его знает, зачем нас туда понесло, но было приятно оторваться от земли и не чувствовать себя в ресторане. Мы болтали, под гул вечернего трафика булькал наш чай и шуршал пакет с пончиками. Слово ЧУЧЕЛЬНИК слетело в ночь и воспарило над эстакадой.

Дима — один из моих старых приятелей. В отличие от других, активных и цельных личностей, описать его родом занятий нельзя. Он не занимается, он живет. Последний раз он звонил мне из Киева. Там он следил за событиями и помогал поднимать знамя рыжих. Потом он затерялся в Крыму или уехал в Грузию. Кого он там поддерживал я точно не знаю. То ли друзей, то ли друзей друзей, то ли их географических братьев.

В любой момент истории Дима дружит. Он есть в телефонных книгах депутатов, докторов, наркоманов, рокеров, скинхэдов, футболистов, дальнобойщиков, дочерей олигархов, сыновей проституток и других представителей современности. У Димы нет телефонной книжки.

Мне кажется, мы познакомились на осаде белого дома. Но это не важно.

Когда Дима сказал ЧУЧЕЛЬНИК, я почему-то сразу поняла, о чем речь. Бывает так, что чужой вокабуляр оказывается как бы из одного с тобой информационного поля. Ты слышишь слово и просто понимаешь его значение. Есть, правда, опасность, что тебе только кажется, что ты понимаешь, но это, как и многие вещи, проверяется временем. Как говорил поэт Владимир Высоцкий в известной постановке по мотивам Алисы в Стране Чудес: «Не произноси слова только за то, что они красивые и длинные». Я стараюсь.

Чучельник - это просто тот, кто никуда не вписался.

Причины, почему нормальный человек остается за порогами общества, могут быть разными. Возможно, этот человек нелепо рассеян или крайне занят собой. Может быть, он не соблюдал условных традиций или оказался загружен психическими проблемами.

Чучельник - это тот, кто не вписался по особым причинам. Он родился такой же, как ты и я, и никогда не старался быть белой вороной. Кто тут пытался отличаться, так это все остальные.

Если наша жизнь — действительно, поле, то чучельник — это тот, кто продолжает висеть на своем шесте, пока общество носится от межи до межи по воле актуальных тенденций. Там, откуда схлынуло общество, автоматически образуется новый чучельник. Он остался таким, как был. Это мы поменялись.

Я думаю, каждый из нас хоть однажды остался чучельником - ровно настолько, насколько еще не воспринял острых социальных тенденций. С чучельного шеста мир представляется причудливо искаженным. В силу своего положения над полем чучельник имеет иной доступ к внутренностям системы и может выпотрошить ей мозги. Правда, последнее случается так же редко, как рождение Джордано Бруно или Элвиса Пресли. Обычно чучельник просто слегка одинокий и чего-то глобально не понимающий человек.

Однажды, давно, мне заказали статью про зоофилов. В очередной раз я была без работы, и нужно было хоть что-то писать, чтобы завтра купить еды. Накрапывал дождь, я тупо читала журналистское сообщество «Папарацци» и думала о том, что в запасе у меня нет ни одного скандала.

Почти у всех, кто писал в сообщество, был скандал. У меня не было. Плюс ко всему, мне не требовалось срочно узнать у коллег мобильный номер Димы Билана, чтобы взять интервью (мобильный Билана у меня был). Газета «КП» не поручала мне свистать народ на политические дебаты. Журнал «Гламур» не просил разместить объявление о забеге блондинок на шпильках. Проще говоря, мне нечего было сказать в сообществе «Папарацци». Возможно, не только в нем.

Оставив Папарацци в покое, я поползла по сети искать своих зоофилов.

Заказ на узконаправленный секс мне дали в отвязном молодежном журнале, который позиционировал себя на редкость крутым. Появление журнала на рынке я пропустила. Это как со скандалами – наверное, мне просто слабо переваривать горячие новости, скажем, у меня информационный дисбактериоз.

Еще в юности, на журфаке я пропускала свежие сплетни. Позже, в редакциях, мне пришлось научиться достоверно имитировать код здорового собеседника:

- Привет, Лопухова, ну и как тебе?.. Уже в курсе?

- А, ты об этом? Да кошмар, полный абзац!!!!..

На самом деле я почти никогда не знала, о чем, собственно, речь.

Всемирные события интересовали меня больше, чем местные, но тоже несколько де-факто. Новость о падении башен-близнецов, например, дошла до меня, как до крайнего в очереди. Но о той новостной задержке я как раз не жалею.

В одном из офисов твин-тауэрз остался мой бойфренд. Скорее всего, последнее, что он видел, был какой-нибудь взорвавшийся ксерокс. Хотя, мне приятней думать, что напоследок он любовался вспыхнувшим сейфом и зелеными купюрами, взлетевшими в воздух как птицы...

Сообщества зоофилов в Интернете не оказалось (а кого им ловить в виртуальной среде?). Но журнал, который заказал материал, настаивал на личном опыте.

- Все авторы, с которыми мы работаем, пишут не с потолка, - презрительно и жадно вглядываясь в мой вырез, пояснял главный редактор, парень лет 20-ти, - если ты пишешь о сноуборде, ты должен уметь кататься с горы. Если собираешь материал о тантрическом сексе, то идешь и пробуешь на себе. Мы специально доставали нашему репортеру пропуск в закрытый клуб.

Ожидая, что я забываюсь в истерике от восторга, главный редактор недоуменно пнул мусорную корзину, потому что я просто смотрела в окно. На улице было уже темно, и кружили большие белые хлопья, как растопыренные ладони, они прилипали к стеклу.

- Моя тетя преподает эту пургу, - безраздосто объяснила я, - но сама занимается сексом по-русски.

О тантрическом интима тогда не писал только журнал «Колобок». Чтобы попробовать на себе, не нужно было тащиться в закрытый клуб.

Главный редактор сел. Как я помню, его звали Петя. По крайней мере, на вид он точно был Петя. Шагая под зимним дождем в редакцию отвязного молодежного журнала (в метро я изучила их свежий номер), я ожидала увидеть что-то такое, отвязное. Например, недонюханные дорожки на распечатанных текстах или штатных гениев, играющих в регби надувным фаллосом. Главного редактора я представляла на телефоне с Мадонной – они обсуждали преимущества кальяна перед вело-прогулками. В углу, как мне казалось, должен был сидеть тибетский монах, общаясь с душой загипнотизированной секретарши. По крайней мере, я привыкла, что если издание пишет о моде, в редакции обязательно будет свалка коллекций.

Все оказалось не так. Во-первых, секретаршей был мальчик. Он сидел в отдельной стеклянной ресепшн, и мягкие очертания его округлой спины тонули в перспективе длинного темного коридора, уходившего в закрытую дверь. Во-вторых, в помещении стояла такая

тишина и порядок, что невольно приходила мысль о евро-клинике в Аптекарском огороде. Главный редактор Петя оказался юношей со злым лицом и животом, выпиравшим под клетчатой жилеткой. Шею юноши стягивал пыточный воротничок, а кисти рук были наполовину скрыты манжетами.

Я знаю, как ведут себя девственники. Петя был девственник. Но он был девственник перед показом «Глубокой глотки». Его тошнило. Чуть больше жизни и, казалось, Петю начнет полоскать свежими вишнями. Должно быть, поэтому в редакции, где он был главным, не водилось ни запахов, ни звуков. Странно, что окно не занавесили черными тряпками. Впрочем, оно выходило на глухую серую стену.

- Итак, - Петя ожесточенно повозил мышкой по коврику, куда-то нажал и вынул из принтера пачку листов, - вот правила к нашим текстам. Их обязан соблюдать каждый автор. Мы платим 5 долларов за килобайт. Пожалуйста, оставляйте поля!

В метро я изучила врученные мне листы. Про поля там было сказано шесть раз. Журнал был, действительно, крут. Круче только красная пасть варана.

Петя ничего не сказал об объеме статьи и, выходя из метро, я произвольно решила, что напишу из расчета пять долларов зоофил, плюс репортерские комментарии. Итого, через месяц, ко дню выдачи гонорара в моем кармане должно было прибавиться, по беглым прикидкам, 25 грн. Очевидно, в них же входил личный опыт. Какое счастье.

Странно, но меня ни разу не увольняли с работы, не вынуждали уволиться и не вытесняли. Но уже на втором году моей журналистской карьеры стало понятно, что я просто ходячий телеканал ТВ-6. Настоятель буддистского дацана, куда меня затащили друзья, чтобы очистить карму, сказал, что карма тут ни при чем. Некоторых людей, сказал настоятель, просто притягивает разруха и запустение. В моем случае - о-пустение. На первый взгляд казалось, что издания мрут, как мухи, не успею я там окопаться и обложиться словарями, телефонами, диктофонами и образцами эксклюзивной продукции для заказухи. Но потом становилось ясно, что я всего лишь пришла в неподходящий момент, и, как обычно, с моей способностью видеть новости, разобралась в ситуации слишком поздно.

Зоофилы не находились. Редкие сайты, выплывавшие по запросу, выдавали «Извините, страницы больше не существует». В лучшем случае, ссылки отправляли в медицинскую энциклопедию, в худшем - на порнорассказы трехлетней давности. Я почти было решила, что за зоофилию снова ввели статью. Расстрел. 25-ти баксов не будет.

Сотрудникам милиции мне звонить не хотелось. Про то, что от контактов с животными люди попадают по скорой помощи с разрывами половых полостей, я еще не узнала. Со скуки я взяла телефон и набрала Диму, друга депутатов, звезд, наркоманов... Я набрала его

номер без особой надежды. Впрочем, и рвения. Я уже начиталась выразительной прозы о домашних питомцах - Джеках и Принцах. Набивать голову этой инфой мне стало невмоготу. Тем более, примерять на себя, чтобы потом за четвертак продать в молодежный журнал «непредвзятые, достоверные сведения». Абстрагироваться, в принципе, можно от чего угодно, даже от того, что ты когда-нибудь дообстрагируешься. Но, представив, с какой жадностью достоверные сведения будет читать девственник Петя, я поняла, что он заразил меня тошнотным синдромом. Хотелось на свежий воздух.

- Зоофила? - радостно спросил меня Дима, ответив на мой звонок, - ну, найдем тебе зоофила!

Я думаю, приспичь кому-нибудь взять интервью у зеленого человечка, Дима подогнал бы на МКАД парочку НЛО с надписями «Марс» на бортах.

Он припер мне не одного, а целых 5 зоофилов. Как я и мечтала.

Если крутой журнал говорит, что тебе нужно знать, о чем пишешь, тебе нужно знать. «Авторы у них - небожители», - стараясь придать мысли необходимый оттенок уважения, думала я. Все статьи у них очень значительны. Обо всем есть свое мнение, очень крутое. У меня так все равно не получится. Мои мысли о мире чаще всего не канают, это много раз проверено опытом, но я буду стараться. Я уже забыла, что в Петиной редакции все было не так, как нужно, а если и помнила, то это только подтверждало мою идею о небожителях.

Люди вообще — боги. Они знают очень много вещей, о которых ты не имеешь понятия. Однажды в конце рабочего дня, например, 10 небожителей столпились вокруг макинтоша нашего бильдиредатора (человека, который ищет картинки). Лица небожителей, которые столпились вокруг макинтоша, стали бледны в отблесках монитора, а с божественных уст посыпалось: «Вот уроды! Смотри, смотри! Ааафигеть!». Я наблюдала за ними и думала: «Надо же! Они говорят о чем-то таком, чего я никогда не пойму! Может, быть, о футболе?..».

Восхитившись каждым по-очереди (итого 10 раз), я осталась сидеть за своим макинтошем, набивая какой-то жалкий текст про любовь — письмо моему бойфренду. Я пила кофе, мне было спокойно. Стояла теплая осень. Через пару часов уже весь издательский дом знал, что в международный торговый центр врезались самолеты. По компьютеру бильда небожители как раз наблюдали тот знаменитый первый взрыв, который кто-то выкинул в интернет.

Когда до меня дошло, что случилось, я допила свой кофе и просто не стала отправлять письмо моему бойфренду. Ни один чертов компьютер в башне его не получит. Но все-таки здорово, что я дописала. Эта мысль как-то греет меня...

Зоофилы пришли в полночь.

Они собрались все сразу, ввалившись в прихожую хаты, где мы договорились пересечься на вечеринке у пары геев, дизайнеров, чтобы

разбавить обстановку интервью непринужденностью. Несмотря на внешне пристойный повод, каждый заметно парился. Один зоофил был звездой русского рока. Остальные занимали социальные должности поскромнее: директор, менеджер, мой коллега и танцовщица. Открытый доклад по теме был только у рок-звезды, прочие стеснялись своих увлечений. Предполагалось, что с каждым я побеседую потом, тет-а-тет. На крайняк, возьму визитки, чтобы в ближайшее время созвониться.

В квартире, где мы встретились, было два этажа. Немного потолкавшись и набрав на тарелки еды, мы расселись внизу в белых креслах, как на ладонях. Кроме Димы, меня и самих зоофилов никто не знал, что они зоофилы. Но новость постепенно распространилась, и внизу, в зале с белыми креслами, собрались почти все. Геи-дизайнеры спустили стол с едой и бутылками. Мы с Димой хлестали кофе. Мы его глушили. Растворимый, с молоком, по-венски, из черной кофеварки и прозрачного кофе-пресса - Дима всегда берет на себя половину твоей работы. Диктофон я не доставала из деликатности. Приходилось писать на память. Мы с Димой работали, остальные, я надеюсь, хотя бы слегка развлеклись. Всего за час монолога рок-звезды о принципах зоофилии гости надрались в дерьмо.

Но за следующий час они протрезвели. Рок-звезда как раз рассказывал о голубях, кенарах и попугаях. Циклам опьянения и трезвения оказался не подвержен всего один гость. Возможно, ему было трудно удержать нить разговора. Он спустился вниз уже, кажется, суточно пьян. Пока рок-звезда рассказывал, как на бездники друзья дарили ему пушистых щенков, пьяный гость сидел, привалившись к стене и, как кошка, смотрел в никуда. На попугаях он без сил упал за кадушку с пальмой. Утром я видела, как он тихо плачет.

Я думала - о чем мне писать? О том, как звери склоняют тинейджеров к дружбе? Или о матери маленького зоофила, которую однажды на новый год прямо на кухне насмерть запрыгали ножами любовники? О сиротах, поющих в цыганском таборе? Или о русском роке? Это был обширный доклад.

- О чем ты плачешь? - спросила я утром того парня.

- Он такой клевый! - всхлипнул тот, - ты видела, какие у него белые ноги?

Надо написать о белых ногах, догадалась я. И написала обо всем сразу. Если бы статью удалось продать, получилось бы много баксов.

В ночь после зоофила я не смогла уснуть. Мне снились кошмары. Голос у рок-звезды был могучий. Он выходил из маленького тела, как молния из сморщенной тучи. К третьему алкогольному циклу громогласный шоу-мен метался между диванами, разгоняя сам себя до истерики. Вместо одежды, в которой он пришел на вечеринку, на нем был черный шелковый халат одного из дизайнеров. Что обозначало переодевание, я не помню. Наверное, рок-звезде мерещился концерт в

Лужниках. Ноги у него, действительно, были белые. В купе с черным халатом походило на фильм Чарли Чаплина. Интересно, что явно ощущая себя на сцене, рок-звезда так и не спел, только иногда переходил на мелодичный шепот. Очевидно, дело было в том, что его пение слушали много лет, а рассказывать о том, как дохли питомцы, ему не доводилось ни разу.

Когда он был маленьким мальчиком, никто не учил его ухаживать за животными. А он их любил. В маленьком теле, наверное, было столько же много любви, сколько голоса. Из скромности его возлюбленные животные сначала брыкались, но потом привыкали, если не успевали скопытиться. Только став взрослым, рок-звезда понял, как был не прав. Он сказал, что зверей, по уму, нужно было приручать постепенно. Остальные зоофилы на это согласно кивнули. Но спешащая юность тратила силы. Любимцев было много, один за другим. Рок и зайцы. Умирая, они предавали его, не любили.

В пятом часу утра разговор шел начистоту. После попугаев и голубей уже никто не стеснялся любви к парнокопытным. Мы глушили кофе. Танцовщица рассказала, что на самом деле значит мода на маленьких песиков, и как приручить крошечного любовника на сметану. Мне казалось, что в носу у меня стоит запах фермы. Манагер рассказал, что с тельном лучше, чем со свиной, особенно, если есть табуреточка. Телка вообще идеальное существо — температура, форма, размер... Ладонями я почти ощутила сено и ворсистую морду. Я поняла, что совсем не знаю природу.

Мой коллега, журналист, говорил о том, что на Кавказе существует обычай посвящать юношу в мужчины путем прилюдного секса с ослицей. А чабаны, уходя далеко от селений со своими стадами, даже не вспоминают про женщин. На зоне есть развлечение - обрывать мухе крылышки и сажать на торчащий из воды член. А что до сайтов, то их давно погрехал грин пис. Я вспомнила, что в детстве у меня тоже был пудель. Его отловил наш дачный сосед, алкоголик. Говорят, что он съел моего друга в качестве средства от печени. Надеюсь, что так и было. Люди — небожители, они всегда умеют что-то такое, чего ты не поймешь никогда.

Статья вышла мрачной. Даже самый пошлый главный редактор в Москве (и области), прочитав ее, сказал: «Ужас». Но переделывать мне не хотелось. Заказчик Петя поставил под сомнение Кавказ и его обычаи. Он сказал, что не нашел такой информации в Интернете. А раз нельзя проверить в сети, сомнения вызывает и все остальное.

- Мы же просили, чтобы сведения были достоверными, из первых рук. И вообще, что это за пассаж про телок?

На интервью с доктором, которому приходилось лечить зоофилов, покалеченных сексом, в статье не хватило места. То есть Петя не все читал.

Вы хотели круто? Их есть у меня. Какое счастье...

Сегодня четверг. Я куплю на перекус шоколадку. И чипсов. И какой-нибудь пирожок. Я включу диктофон и буду слушать веселые мемуары художника. В прошлый раз он обещал рассказать мне, как рисовал фигуру Ленина в армии.

Я добираюсь до его мастерской по бульварам. Навстречу мне поднимается с асфальта разнеженный летний московский вечер. Я торможу у высокой двери, забираюсь на крыльцо особняка и жму знакомые цифры на домофоне. Я захожу в помещение и улыбаюсь – кондиционеру, витой лестнице и готовым к просмотру портретам, расставленным у стен в галерее. Я приехала вовремя. На лестнице меня встречает художник и, как обычно, пожимая его творческую ладонь, я готова к чему-то светлому и жизнеутверждающему. Мы идем в большой зал, и я сажусь на диван для клиентов.

Художник возвращается на свое рабочее место и начинает воспоминания о творчестве в армии с крыс.

Сидя на нежном кожаном диване в прохладной, но солнечной мастерской, я слушаю про железную бочку и визги грызунов, съедающих друг друга живьем. Я не верю. Я принимаю сегодняшнюю историю художника за дикую байку. Но не замечая моих сомнений, художник рассказывает, как однажды в части, где он служил, случилась осечка: в железной бочке, в которой готовили грызунов-убийц, через неделю осталась не одна, а две крысы. Оставшиеся особи почему-то не съели друг друга. Вместо этого они прожили вместе, сколько смогли, и просто умерли в один день.

- Ты не шутишь? - спрашиваю я, не в состоянии решить, можно такое выдумать или нет, и почему мемуары на этой неделе начинаются так необычно красочно.

Художник смотрит - я бы сказала «поверх мольберта», но он в этот вечер обводит на большом мониторе какие-то фотографии.

- Знаешь, - объясняет он мне, кивая на монитор, и пожимает плечами, - заказчица сказала, что я перестал стараться. Типа люди на портретах выходят не настоящие... Я долго заглядывал в свой внутренний мир, а потом понял: какого хера? Возьму настоящих и обведу... Нет, про крыс кроме шуток, натуральная правда, можешь в интернете посмотреть... Кофе будешь?

Прежде чем согласиться на кофе, я успеваю подумать о том, что этому художнику давно не надо доказывать, что он не верблюд, но каждому в жизни может попасться заказчик, который считает, что он умнее. Тогда профи берет фотографии и обводит настоящих людей.

Художник ждет моего ответа про кофе, и я торопливо киваю. Я никогда не отказываюсь от кофе. Я его все время хочу. С тех пор, как пять лет назад от верхушки твин-тауэрс ни осталось ни одного ксерокса, я, кажется, застряла во вкусе. Хотя, мне больше нравится запах. Но заваривать чашку, чтобы нюхать и выливать добро в

раковину, как-то не очень. Однажды я пробовала перейти как бы на нюхательный наркотик. Я завела себе небольшую коробочку, куда насыпала молотых зерен. Когда мне хотелось кофе, я подносила коробочку к носу и нюхала. Давным-давно я читала, что если выпивать больше двух чашек в день, климакс наступает на 10 лет раньше и обостряется целлюлит. Но оказалось, что мне по фигуре. Только от горячей воды кофейные зерна пахнут тем самым.

Художник приносит мне кофе.

(Примерно через полгода после того четверга я посмотрю про крыс в интернете. Согласно множеству найденных ссылок, крысиная экзекуция окажется довольно известной. В народе ее называют «крысоед» или «крысинный король». Основное преимущество казни – дешевизна, особенно, если нужно уничтожить большую колонию крыс).

Художник, не спеша, обводит увеличенный нос заказчицы на мониторе и рассказывает о том, как призывники после проводов в армию отправляются на срочную службу.

- Молодые солдаты, - говорит он, - напиваются в поезде и блюют.

Художник передвигает фотографию на мониторе и обводит ухо. Я понимаю, что рассказ о службе, начатый с крыс, уже никак не будет жизнеутверждающим и, глядя в большое бежевое ухо на экране компьютера, пытаюсь настроиться на волну.

- Блевать в поезде это плохо, - поучительно говорит мне художник и кладет ногу на ногу, - но ребята блюют не от того, что они хулиганы. Им просто страшно.

У художника приятный южно-русский акцент. Говоря о солдатах, которым страшно, он медленно ерошит волосы – как это делают персонажи Диснея перед тем, как сморозить что-то серьезное – например, про мужскую дружбу. Я слышала, что многие считают армию ключевым периодом в жизни мужчины.

- Что?

- Нет, я ничего не сказала, - я отрицательно трясую головой.

- Им страшно, - повторяет художник, качая ногой.

- Почему? - спрашиваю я и неуверенно затыкаюсь, хотя это не праздный вопрос.

Мое дело записывать, но о срочной службе я знаю только очень общие вещи – перловую кашу, таблетки от эрекции, альбом дембеля и дедовщину. Я могу только представить, из чего состоит страх солдата.

- Почему? - повторяю я и мне самой не понятно мое любопытство.

Художник смотрит на меня без эмоций. Я уже немного привыкла к тому, что у профи особый взгляд на натуру. Он не сравнивает, он смотрит. Обычный человек, ориентируясь в обстановке, сравнивает предметы – он сличает их с когнитивными моделями и готовыми культурными образцами и выносит свою оценку: ага, тупой журналист,

не кондиция. Профи просто слышит вопрос «почему?». Он кивает и объясняет.

- Солдатам страшно, потому что они не знают, куда попадут.

Я мысленно пожимаю плечами, хотя обычно верю всему, что мне говорят в интервью.

Один мужской журнал как-то напечатал неплохую статью о страхе. В качестве примера в статье был описан эксперимент на мышах. Сначала в мышиную клетку кидали змею. Змея немного охотилась, и ее забирали. На следующий день в клетку мышам кидали веревку. Увидев простую веревку, мыши принимались визжать, истерить и в ужасе убиваться ап стены.

Таким образом, согласно очевидному, сначала нужно познать опасность, и только потом возникает страх, который заставляет реагировать неадекватно, например, кидаться на стены или блевать в поездах. Но, возможно, призывники более продвинутые существа, чем мыши. Вместо логичного хода эмоций, они испытывают страх неизвестности – то есть эмоцию, которой, как видно, не бывает в природе.

- К страху невозможно привыкнуть, - говорит художник.

Я согласно киваю и мимоходом думаю об эффекте веревки и его влиянии на восприятие актуальной реальности.

На самом деле, думаю я, призывники не могут не знать, куда попадут. Насколько я помню, дедовщина, суицид караульным оружием и прочие ужасы, породившие комитеты солдатских матерей, стали темой СМИ еще в конце 80х годов, и уже тогда армейские кошмары не были новостью. В истории каждой страны, наверное, есть времена, когда гражданам сложно удивиться плохим новостям — зло привычно петляет между шеями и не затягивается только потому что кто-то должен присутствовать на политинформации...

Солнце за окном все сильнее сливается с геометрией крыш. Московский воздух от этого становится розовым, как в Париже. Сидя на нежном дивне, я думаю о том, что тоже кое-что знаю про страх.

Так вышло, что со второй половины 80х я жила параллельно с Родиной. Мои родители к тому времени переехали из России, и мы поселились почти у границы с Афганистаном, в Мертвой Долине, как на местном среднеазиатском языке назывался наш город. Таким образом, катастрофы, террористы и застрелившиеся мальчики стали моей актуальной реальностью задолго до того, как новобранцы из рассказа художника могли прочитать об этом в газетах.

Рядом с городом, где мы жили, возвышался знаменитый Пик Коммунизма – самая высокая гора в зоне ру. Каждый видел ее на карте. Но не многие знают, что ближнее гористое зарубежье и по жизни было загадочным пиком, таким высоким, что он двоился в тумане, как две близнецовые башни. Политические и социальные парадоксы,

свойственные родине, там зашкаливали за небеса, и уровень бытовых ощущений поднимался на баллы выше, чем необходимо белому человеку для полнокровной жизни. Наверное, поэтому в Мертвой Долине никто не блевал по таким пустякам, как страх: организмы белых крепчали. А может быть, никто не блевал, потому что в разряженном воздухе экстремального существования все веревки легко отличались от змей.

Я не сохранила своих впечатлений от первого землетрясения. Зато я помню, как мы удивились в 88ом году, глядя первый репортаж о советском землетрясении по TV — из Степанакерта.

Толчки, за два года до этого разрушившие близкий к нам город Кайраккум, разбудили нас поздно ночью. Кайраккумская катастрофа была на два критичных балла сильнее Степанакерта. Эта трагедия занесена в список жесточайших землетрясений истории. Я тогда не была журналистом, и могу лишь догадываться, почему о Кайраккуме не сказал ни один телевизор. Тогда мы этого не обсуждали.

Мало кто в Мертвой Долине даже после Кайраккума высказывал на улицу в ночных рубашках, но, когда начинало трясти, мы косились на косяки и думали, что в целях безопасности неплохо бы оторвать зад от стула и расположиться в дверном проеме. По конструкции сейсмо-домов дверные проемы - самое крепкое место. В нашей квартире над всеми проемами висели национальные сувениры — огромные тяжелые блюда с лепными узорами или часами внутри. Почему мы их не снимали, не знаю. Наверное, если страх все время с тобой, однажды ты просто не замечаешь, как принимаешь вызов или бросаешь свой.

Я не в курсе, воровали ли на строительстве наших сейсмо-домов цемент, заменяя его песком, как это было в Армении. Но у каждого в доме была своя почетная трещина. Люди, дружившие семьями, любили собираться друг у друга в гостях. Стены наших квартир скрепляли по всем углам железные скобы. Скобы были в каждой квартире, словно кресты на окнах блокадного Ленинграда. Грубо сваренные железки нельзя было заклеить обоями. Торчащие из них дюпеля рвали бумагу. Но никто не обращал на это внимания. Должно быть, если страх все время с тобой — это уже любовь.

Инструкций по эксплуатации землетрясений в экстремальной зоне не раздавали и не печатали. Хотя нечто подобное давно существовало в виде монографий и научных работ. В России были известные сейсмологи. Существовали карты сейсмического районирования. Однако, детей в школах опасных районов не тренировали на случай возможной трагедии.

Может быть, это не правильно, но в отличие от российской привычки, за разговорами на кухне в Мертвой Долине мы не боролись с несправедливостью и не обсуждали недочеты системы. Мы строили планы: что из имущества хватать, что оставить. Если проляжешь что-нибудь нужное, подведешь товарища. Паспорт и ордер завалит

обломками. Без кастрюль и спичек не сможешь пожрать. Почему-то никто не думал о том, что его расплющит. При штучном перечислении оказывалось, что для жизни после того, как расплющится все, необходимо слишком много вещей.

Строя планы, мы не болтали попусту. Землетрясения в 2 или 3 балла почти не оставляют на стенах следов. 4-5 баллов – это мелкие разрушения: падают вазы, картины и полки с книгами. 5.5 – повод собраться и лишний раз все хорошо обсудить. Собираясь, мы перечисляли ущербы и обменивались идеями. Когда дельные мысли кончались, мы развлекали друг друга историями. Должно быть, с тех пор травить байки я люблю больше, чем смотреть новости по ТВ.

Например такая история: одна заводская кассирша считала зарплату. И тут началось...

(Чтобы было понятней, о чем речь, — деньги в зарубежье были больше, чем капуста, бабос и лаве. Свободный нал был суровой необходимостью — запасным люком, альтернативной планетой с наличием кислорода в атмосферных слоях. Наверное поэтому деньги в Средней Азии любили легально. В планах спасения рублям отводилось особое место. Успешность местного жителя автоматически измерялась не маркой пиджака или баком машины, а пассивами в спальных трусах. Представив себя у горы кирпичей, без зубной пасты и надежды на будущее, первым делом подсчитывали, хватит ли нала в пижаме на новую жизнь — дрова, еду и, главное, дорогу на родину.

В том, что касалось родины, в экстриме нашего существования был смешной парадокс. Трагедия — это плохо, все согласны. В то же время, каждая возможная катастрофа для каждого эмигранта была шансом рвануть на родину. Не многие застревали в Мертвой Долине по доброй воле.

«В Россию», - говорили мы, и это было почти священно. Никто не может любить родину сильнее эмигранта.

Люди с большой земли попадали в Среднюю Азию по разным причинам. Как правило, переселение было вынужденным. Но я не могу утверждать, что такой же была ностальгия. На родине в те времена были продовольственные талоны, а в зарубежье, если не считать катаклизмов, — райская жизнь.

Сложность парадигмы «родина - рай» заставляла нас плакать над нашей судьбой, и породила среди эмигрантов крылатую фразу: "Самолеты отсюда не летают". И это было метафорической правдой. Тот, кто приезжал в Мертвую Долину скрипя сердце, в расчете на то, что вернется домой через пару недель, застревал в раю почти навсегда — почти, потому что в один момент рай кончился (это типично для рая), как до этого для нас кончилась родина.

Эмигрантское общество, в которое ты попадал в Средней Азии, делилось на салаг и дедов. Деды знали про самолеты. Салаги страдали. Им было трудно привыкнуть. Местные жители пахли местным кислым

кефиром. На глазах у салаг они употребляли наркотик «нас». Нас - это зеленая пыль из трав, известки и птичьего помета (известь и помет изменяют кислотность среды для лучшего усвоения наркотика в кровь). Эту пыль кладут под язык. Сплевывая на асфальт вонючую жижу, местные не догоняли, почему эмигрантов тошнит. К чужому запаху, цвету и ритму трудно привыкнуть. Но зарплаты были большими. Квартиры... дайте две (и все в новые красивые дома). По три не брали, наверное, только потому, что это не приходило в советские головы. Гламурный загар на нордическом теле появлялся в марте, клубника в магазинах — в апреле, остальные фрукты были всегда. Кем бы ты ни был, салага или дед - ты работал раисом (с местного - «босс»). Аборигены читали с трудом. На большую землю в отпуск, провести родню, ты ехал не как с золотых приисков, но тоже ништяк. Ты мог любить деньги, не вступать в комсомол и делать бизнес, какой тебе хочется — эмигранты относились друг другу щадяще, невзирая на должности, наверное, потому что нас было мало. После переезда новички ходили в салагах примерно 4 сезона – полный год. После этого, намеки салаге на то, что где-то люди живут по талонам, партийным билетам и без бассейна во дворе, он бы решил, что ты из Камбоджи или сектора Газа. Шаг за шагом сравнивая родину с раем, салага начинал сомневаться. И именно в этот момент самолеты для него переставали летать. Послушно срываясь в небо со взлетной полосы, миражившей горячим бетоном, воздушные лайнеры, идущие на Россию, застревали где-то в атмосфере. Они кружили над мертвой долиной ровно 24 дня официального отпуска и потом садились обратно. Ты ничего не мог с этим поделать. Глубокие слои твоей дермы уже пропитались натуральной фруктозой, и вчерашним салагам в отпуске снились сны - крученая дорога в горах, жара, маки и унылая песня Аллаху. Мы сходили с ума по родине, но всегда возвращались на свои небеса, в пыльный котлован в Памирских горах. Перед отпуском кто-нибудь говорил:

- Меня пригласили в Россию, раисом. Новая лаборатория, Новосибирск. От моей родины далековато, но лучше, чем здесь.

Вернувшись из отпуска в котлован, салага прятал глаза.

- Не срослось.

Скорее всего, так и было. Срастись в России уже не могло. Далеко от нее, от социально-алхимической родины, в жаре и горах для каждого сосредоточилась маленькая свобода. Отказаться от нее удавалось только по воле землетрясения, если тебе, конечно, хватит наличности на дорогу домой)...

Так вот, байка о заводской кассирше.

Кассирша сидела в кассе и считала заводскую зарплату. На нашем заводе работало около трех тысяч человек. Средняя зарплата по Средней Азии была раза в три больше, чем по России — примерно 250 рублей. Итого, кассирша раскладывала на пачки много денег. На столе

перед ней лежали взъерошенные ряды купюр и монеты в жестяных коробках.

За зарешеченным окном на улице курили бухгалтерши. Кассирша насчитала уже до хрена. Машинок в то время не было, деньги считали пальцами.

- Семьтыщпятьсотпятьдесят три, семьпятьчетыре...

Неожиданно затрясло.

Бухгалтерши за окном завизжали на разные голоса, хотя на улице тряска не так заметна: на открытом пространстве меньше ориентиров, и толчки растекаются по земле. В помещении хуже. В бетонной коробке ты от А до Я чувствуешь, как крупно попал. Интерьеры смещаются с геометрически понятных позиций, родные стены странно трещат, и не за что уцепиться. Можно сесть в ожидании на пол. Говорят, неприятней этого только оказаться в разгул стихии в горах.

В кино землетрясение снимают почти похоже на жизнь: бутафорские камни валяются вниз, изображение начинает вибрировать. За кадром играет страшная музыка, и овалы испуганных лиц плывут не в такт с компьютерным задником. Вряд ли получилось бы то же самое, если снять землетрясение без прикрас, допустим, камерой слежения, какие обычно ставят на двери. Технически достоверная съемка трагедии, полагаю, возможна. Но кто бы стал смотреть этот подлинник жизни без хорошего монтажа и озвучки.

Я, например, помню одну салагу, которая переехала в Мертвую Долину в сезон дынь. Дыни – прекрасная компенсация за утрату родины. Салага ела их увлеченно, как Нуриев танцует балет. Но однажды за десертным столом она почувствовала, как ее немного покачивает. Она стала оглядываться за кресло, решив, что за ее спиной балуются дети. Она крикнула: «Прекратите там!» и положила себе еще два ломтя. Когда ей сказали, что это землетрясение, и пора бросить ужин, она не поверила. Она сказала: «Вы меня дурите. Землетрясение бывает по-другому».

Так вот, кассирша. Эта храбрая женщина не была салагой, чтобы путать детские шалости с гневом господним, и точно знала, что следует делать, когда затрясет – хватать по плану самое ценное (лучше большими банкнотами) и валить туда, где никто не спросит, откуда ты это взял. Но едва ее тело почувствовало, что дело бензин, как пальцы, делившие зарплату завода, разжались. Кассирша отбросила от себя кучу халявных денег и, поскальзываясь на купюрах и меди, побежала к выходу. Она не взяла ни монетки. Она вообще вспомнила про деньги и про то, что их нужно было хватать, только когда перестало трясти.

В связи с этим я думаю, что страх (как любовь) стоит делить на две существенных категории – настоящий (глубокий, большой и светлый) и поверхностный (типа иллюзорной влюбленности). Тем, кто не знал настоящего чувства, фиг объяснишь, каким оно должно быть на

самом деле.

У нас не было пенсионеров, и с детьми не сидели бабушки. Но иногда старики приезжали в гости. За несколько часов до того, как от города Кайраккум ничего не осталось, одного гостевого деда увела в поле кошка. Разрушенный дом засыпает все вокруг на две трети своей высоты. То есть, если рядом с домом стоят еще две пятиэтажки, бежать тебе некуда. Дома специально строили на расстоянии, между ними оставляли огромные дворы. Кошка, которая спасла старика, разволновалась к обеду. К вечеру она скоростижно сошла с ума - кидалась на дверь и орала. Дед не знал, чем ее успокоить, он крикнул внукам, что прогуляется, открыл дверь и побежал провожатым. На середине кукурузного поля, семена за кошкой, он вдруг ненароком вспомнил, что животные чувствуют приближение катастроф. А дети - нет. Нелепый гул в атмосфере затих. Характерный гул катастрофы затихает как раз в тот момент, когда хрен - насос. Компьютерный задник уже завибрировал. Дед не вернулся к домам. Он сел в посевы и вытирал слезы кошкой. Великое обрезание истиной сошло на него. До разрушения Кайраккума он не знал, что катаклизм приходит без Рахманинова за кадром. Увлечшись иллюзией, бедняга не распознал большое и светлое чувство, когда еще можно было что-то спасти. О Кайраккумском землетрясении до сих пор не сказал ни один телевизор. Это было, так называемое, техногенное землетрясение, то есть, такое, которое возникло не по вине природы, а из-за случайного или сознательного вмешательства человека в естественную среду, например, по причине строительства ГЭС там, где есть риск вызвать колебания коры. Погибли три города и несколько кишлаков. Связи с пострадавшими не было несколько дней. Потом останки сровняли экскаваторами, не разбирая завалов. Наверное, так было дешевле. И безопасней...

Художник смотрит на меня почему-то печально.

Он молчит. Возможно, его отвлекли мои посторонние мысли.

Я тоже молчу.

Беседуя с людьми по работе, я редко пытаюсь повлиять на естественный ход монолога. К кому обычно идут журналисты? К людям, которым есть, о чем рассказать. Байки о том, что одни журналисты умеют раскручивать, а другие - нет, полное молотилово. Никого не надо раскручивать (разумеется, если у тебя на руках не торчок-маляр, который белил плитуса в криминально рухнувшем доме). На крайняк в случае осложнений на интервью у меня есть безотказное средство. Как только человек начинает выпендриваться, я собираю манатки и делаю вид, что сейчас уйду. На заре карьеры, беседуя с людьми, я пробовала демонстрировать знание темы и нападать на собеседников с бодрым вопросом: «А скажите, как вы...», скажем, дошли до такой жизни. Интервьюируемый тут же углублялся в себя и начинал сильно думать.

Для хорошего долгого разговора это конец. В большинстве случаев, нужно искать кого-то другого. Но с художником я спокойна. Хотя мемуары писать трудней, чем узконаправленное интервью, до грустной темы о солдатах мы нормально одолели несколько часов о нелегкой артистической жизни украинца в Москве.

Художник кидает в рот пол-эклера и, не прожевав, говорит:

- А первым делом у них забирают одежду.

Я поднимаю бровь. Я понимаю, что он имеет в виду свежий армейский призыв, но одежду, на мой взгляд, забирают только в тюрьме и родильном доме.

- Ну как, как? - объясняет художник, - вот человек слезает с поезда, приходит в часть, и первым делом у него забирают одежду. Вот я помню, приехал, на мне были нормальные джинсы, какие-то туфли. Все это отобрали, - пару секунд он вспоминает, как это было, - и взамен выдали что-то такое, не по размеру... Назад твою одежду не отдают. Насколько я понимаю, прапорщик, который сидит на раздаче, шмотки с новобранцев потом как-то... перерабатывает.

Художник вдруг начинает смеяться. Ему стало весело.

- Прапорщик в армии, - хихикает он, - это вообще очень серьезная такая фигура.

Поскольку я не знаю, кто такой прапорщик по официальному определению, то машинально хмрюсь. Художник подсказывает:

- Прапор – это младший офицерский чин. Звание прапора дают без обучения. Обычно, чтобы получить офицерское звание есть два пути. Первый путь – это нужно начать военную карьеру с солдата и дослужиться до офицера. Второй – пойти в училище и, минуя солдатский опыт, освоить офицерскую роль по книгам. Прапор - нечто среднее между ними. Прапор начинает карьеру с солдата, но...

Художник перебивает сам себя и спрашивает:

- Функция солдата тебе понятна? Задача солдата - умереть за Родину. Солдат приезжает и умирает. Взамен родина его как-то так кормит, не очень, потому что по дороге разворовали. Родина солдата одевает, если товарищи не...

Художник хитро улыбается и продолжает:

- Ну, армия выдает солдату положенную одежду, еду, но... то, что положено от государства проходит через несколько рук.

Я вдруг вспоминаю, что когда моей бабушке было 16, красная армия забрала у нее все юбки, кроме той, что была на ней.

Художник уточняет:

- Я не говорю, что мои джинсы сейчас носит какой-нибудь офицер, - он улыбается, очевидно, представив, как это может выглядеть, - то, что у тебя забирает начальство, ты даже не видишь. Скажем, к чаю тебе дали кусок сахара, и ты думаешь: обана, бонус! Ты же не знаешь, что по честному меню тебе положено два куса, и вместо того, чтобы грузиться обидой, грызешь и радуешься. Получается, что

при подобном отъеме вещей, все остаются счастливы. Но! У начальства тут же возникает другая проблема. Когда солдат счастлив, до него трудно донести его солдатскую функцию. Отдать за родину сытую жизнь куда сложнее, чем мерзкую и голодную. С сахаром к чаю ты как-то не врубаешься, что твоя прямая задача – не гнушаться нелепой смерти. И вот, на помощь начальству в трудной воспитательной ситуации приходят твои товарищи – деды. В официальных случаях воспитывать солдата начальству помогают прапорщики. Когда-то прапорщики тоже были товарищами, но со временем они стали чем-то другим. Понимаешь? Прапорщика никто не учил чему-то особенному, но он прошел ситуацию «быть солдатом» и при этом не умер. Больше того, он, как бы мистически, без прямых указаний познав замысел хозяина, овладел навыком выживать в любой ситуации. Ну, как крыса в анти-антропологических обстоятельствах. Ты должен был погибнуть, но не погиб. Это прапорщик.

"Никита", Люк Бессон... Я представляю большую крысу в кожаной юбке. В лапах крыса держит окровавленный бластер.

Художник говорит:

- За ловкость в выживании среди своих прапору выдают погоны. Прапор подписывает контракт и отныне считается профессиональным военным.

Теперь мне все стало понятно.

- Ну, - художник обводит глазами потолок, - до контракта прапорщик еще немного занимается в школе прапорщиков. Не знаю, чему там учат, но после курса по специальности он начинает работать. В руки прапорщику сваливается бытообеспечение – то есть как раз все то, что полагается солдату от родины. Это может оказаться еда, обмундирование, машины... Всем этим распоряжается прапорщик. Приличной зарплатой такая материальная ответственность, как ты понимаешь, не грозит, но это уже парадокс курицы и яйца, а не то, что нельзя обойти на практике. Что было вперед: воровство или маленькая зарплата?.. У нас в полку, скажем, работали два мощных протоархонта. Экономической теорией они, думаю, не заморачивались, им некогда было. Один из них был начальником горюче-смазочных материалов. Второй - шеф столовой. И еще их друг поменьше, тот заведовал продуктовым складом. Короче, при нулевых зарплатах все трое ездили на работу на Мерседесах. А ехать было - четверть километра от дома, так что, мерседесы, видимо, были типа пляжных тапочек, так, в огород сходить. Помощник прапора по солярке, солдатик, дембельнулся на «Волге». В общем, я бы сказал, что прапорщик – это малый государственный бизнес.

Художник замолкает. Я прикидываю объемы. С учетом протяженности наших границ, совокупный доход прапора по России - это не 25 зоофилических баксов.

- Полк, - продолжает художник, - маленький греческий полис.

Там есть свои боги, жрецы и весталки. Если все они вовремя получили откат, жертв не будет. Главное, чтобы при проверке не всплывала какая-нибудь фигня. Ну, это известно. Если ты умеешь хорошо оформить и списать, ты на месте. Если никак не получается это сделать, тебя заменят. Это же твой бюджет!

Я киваю и думаю о роли весталок в истории отката. На гражданке, кажется, уже все по-другому.

- Да, - мечтательно говорит художник и кусает пирожное, - если бы все продукты, которые прапорщик проваливает налево, доходили до солдат, у призывников бы, знаешь, были такие огромные тела, как у борцов сумо, и лень даже ложку поднять. Но так как все это понимают, то первые полгода солдат вообще ничего не ест.

Я тупо улыбаюсь. Мне снова приходит на ум моя бабушка. В то время, когда у нее еще не отняли юбки, у ее братьев была традиция спорить на миллион, кто из них съест больше жеванных пирожков. Мои предки, наверное, были такими же дикими, как американцы в реалити-шоу на MTV. Но еще Лао Цзы говорил, что для успешного управления Поднебесной ее подданные должны иметь полные животы и пустые сердца...

- Вот, представь, - перебивает мои мысли художник, - за столом 10 человек. Первыми разливают себе еду старослужащие. Так что молодым достается капуста на дне, если вообще что-то осталось.

Я хочу молчать, но не выдерживаю.

- Что, - говорю я, - на столе общий таз что ли?

- Да, - говорит художник и продолжает, - ну, что такое солдатский стол? Это 10 человек, и для них ставят кастрюли с первым и со вторым. Если к обеду дают котлетки, значит, на столе общая тарелка и в ней 10 котлеток — на всех по одной. А вдруг старослужащим было мало?.. Вдруг они не удержались и съели по две?

Я считаю медленно, но представляю быстро. Я думаю: а что, если старших за столом будет больше 5-ти?..

Художник выразительно поднимает брови.

- А есть еще фиша. Я, например, не ел отнюдь не потому что кому-то требовалось больше котлет. Меня оставляли голодным сознательно. Такая была политика. Типа: ага, ты хитрый художник? Ты не желаешь вписываться в коллектив? Ну так мы тебя и не кормим.

Я быстро хватаю со стола сливу и что есть скорости пихаю ее рот, в виде подсознательного протеста. Я запиваю фрукт глотком кофе, и на секунду мне становится грустно. Я давлюсь, и на глазах у меня появляются слезы.

- Из-за бойкота моих сытых товарищей, - продолжает художник, - мне приходилось работать своей персональной Родиной. Я сам себе выписывал пропитание. Я ходил к поварам и устраивал им ребрендинг дембеля. Я спрашивал: ну что за альбом у тебя дембельский, такой страшный? Разве это гордость солдата? Давай я тебе новый сделаю...

За дизайн нового дембельского альбома старички давали мне еду. А потом это вылилось в прочные связи на кухне. Когда я с честью прошел свой голодный период и стал в столовой родным братом, товарищи по казарме просили меня вечером сходить на кухню, что-нибудь поклянчить у моих особых клиентов.

- Погоди, - говорю я, - а те старослужащие, когда ты был молодой, с чего они взяли, что ты художник?

Он оживляется.

- А вот как быть художником в армии, это отдельная тема!.. Эту линию приходилось мучительно двигать.

- Непонял! - говорю я, - зачем ее двигать, если за это не кормят?

Я кошусь на художника с подозрением. Он улыбается и объясняет:

- Первая реакция была: ты художник? На фиг нам художник? Иди копай!

II

Слушая воспоминания художника об учебной части, куда попадают новобранцы после поезда, в котором напиваются от страха, я задавала себе вопрос: если есть стройбат, то это учбат что ли?

В ближнем зарубежье, где я выросла, молодые люди почему-то жутко ненавидели это слово «стройбат». Мертвая Долина, город, в котором мы жили, изначально был поселением химиков. «Химики» - это люди, которые уже отсидели срок или выпущены досрочно, но возвращаться в культурные центры им до определенного времени запрещено. Таким образом, наша Долина, помимо того, что Мертвая, была так называемым городом-тюрьмой. В средней Азии вообще было полно городов, образованных вокруг каких-нибудь экстремальных мест, которые не годилось иметь где-нибудь рядом с Москвой. Часто жизнедеятельность таких городов-отщепенцев была связаны с химией. Например, это могли быть секретные разработки урана. На азиатские разработки - благо добычей урана заведовало НКВД - свозили разных анти-системных личностей: политических осужденных или офицеров, которые побывали в германском плену. Туда же ссылали вагонами немцев Поволжья с указом о расстреле за самовольный выезд из Азии, и корейцев из Забайкалья. Позже, в мирное время, в Азию, кроме студентов, специалистов крупной промышленности и больных астмой, отправляли обычных уроков. Урокам надлежало съезжаться из своих тюрем в некое место подальше от цивилизации и там работать на опасных производствах, отмечаясь каждый вечер у коменданта. Практически все они, в конце концов, забивали на посылки с родины и оставались на местных фруктах, образуя новые поселения. Наш город, в частности, начался с уголовников. Исторически он условно делился на старую часть и новую. В старой части города жили сплошные химики, в новой - разбавленные, то есть, те, кого прислали уже на готовое место, чтобы

освоить его и превратить в обычный промышленный центр.

В старой части Мертвой Долины стояла большая тюрьма — почти антик, но принимала арестантов исправно. Вокруг тюрьмы возносился высокий забор, со щелями между неструганных досок. В горах мало дерева. Сквозь щели в деревянном заборе всю тюрьму было видно — с собаками, вышками и туалетами. Из-за чередования щелей, если двигаться вдоль забора, движения тех, кто находился внутри, казались замедленными. Для лучшей фиксации изображения нужно было встать под деревом смирно (чтобы сливаться с природой и не выпячивать свою призрачную свободу). Еще годилось выбрать дом с восточным балконом напротив, воссесть там, жуя виноград, и без уколов жалости изучать жизнь на зоне — сверху. Только в старом поселении химиков никто так не делал.

Новую половину Мертвой Долины начали строить, чтобы расселить правление химического завода. Первые дома для правления были примерно на 30 лет младше тюрьмы. В домах второй волны эмиграции селились служащие высокой квалификации, дальше просто все подряд и их дети. Когда появились дети, стали нужны учителя и дополнительный отряд милиции. Опорный милицейский пункт квартировался в моем подъезде. Так вот, «стройбат» каким-то образом ассоциировался у тамошней молодежи с угнетением свободы и духа — синей формой, забором и замедленно шагающими собаками. На тупую шутку вполне годилось ответить: «Твоя мама — стройбат».

Армейская учебка в рассказе художника почему-то сразу нарисовалась мне непочетным местом типа стройбата. Сложно сказать, почему весь мир опутан цепями ассоциаций.

- Прежде, чем переехать в настоящую часть, ты полгода тусуешься в учебном подразделении, — рассказывает художник.

Он уже закончил обводить портрет недовольной заказчицы и теперь только рассказывает, не отвлекаясь на работу.

- Полгода — это твой армейский учебный год. Отучившись, ты едешь в часть и там, по идее, спокойно служишь уже до конца, если дадут. Некоторых и после учебки могут перекидывать с места на место каждые несколько месяцев. Тебя когда-нибудь переводили в другую школу, в чужой класс?.. — спрашивает художник.

Живо представив ситуацию, я киваю в ответ, вытянув губы трубочкой. Переезды мне очень знакомы. Убедившись, что я его поняла, художник тоже кивает и продолжает рассказывать.

- В учебной части ты получаешь профессию. Ты получаешь профессию и дальше шагаешь с нею по армии. Но есть вариант...

Неожиданно, по причинам, которых я пока не могу понять, он приглушает голос, потом трет глаз и вдруг замолкает совсем. На его лице застывает непрошенное выражение протеста. Он смотрит в одну точку и молчит, явно испытывая какие-то трудности. Мне не

нравится эта пауза. Я мельком смотрю на часы. Наше время еще не далеко кончилось. Обычно мы работаем по три часа, иногда задерживаемся на дольше. Я жду и гадаю: чего ему так не хочется говорить.

- Нам намекали, - наконец выдыхает художник и опять стопорится.

Мой первый импульс при таком осложнении - налить ему чаю. Но я думаю о том, что тогда он согреется и, боюсь, сменит тему, а мне хочется знать, какого фига он замолчал. Чтобы слиться с природой, я делаю отсутствующий вид. Мой бойфренд при жизни работал с политиками. Он говорил, что когда смотришь в окно, тебе рассказывают самое интересное. Думаю, у него были натренированы уши и, медитируя на окно, он мог засекать фальшивые интонации. Окна нет, бойфренда тем более. Иногда, не чаще, чем остального, мне хочется, чтобы весь мир исчез, словно гэдэровская стена. Стена разделила живых и мертвых. Когда мир исчезнет со всеми, кто жив, я, возможно, увижу целые близнецовые башни или хотя бы их призрак.

Наверное, пользуясь тем, что мои глаза замылила нежность, и я явно не здесь, художник быстро берет себя в руки и выговаривает:

- Нам намекали, что если мы захотим, то можем своих товарищей... в общем, можем за счет наших товарищей...

У меня нет журналистской паранойи, чтобы за каждым словом подозревать грязный скандал, но я резко возвращаюсь в реальность. Художник смотрит, как бы спрашивая, говорить ему или лучше держать язык за зубами, может у меня душа невыносливая. Я поднимаю глаза от чашки. Мой кофе остыл, и на сердце тревога. Но глаза журналиста всегда ясны.

- За счет товарищей можно набирать баллы, - твердо заканчивает фразу художник, - если ты время от времени сдаешь товарищей по учебе, если ты выполняешь приказы и в письмах на родину как бы мечтательно рисуешь нашивки прапора на полях, тебе говорят: оставайся! Нам такие нужны на фабрике сержантов, муштровать следующих.

Он выпаливает это быстро, почти скороговоркой, и сундук моей памяти вдруг опять распахивается, словно отвратительная шкатулка с чертом из мучительных сказок Андерсена. Мне становится не по себе. Я смотрю на художника и думаю, о каких еще вещах меня заставит вспомнить его рассказ. Должно быть, мемуары – это заразно, особенно, если речь идет о глобальном.

В нашем азиатском городе, в Мертвой Долине, на фоне мирных обычных будней тоже были свои товарищи, набиравшие баллы – мальчики и девочки, которые навели ментов на своих.

Я перестаю слушать художника.

Свеженьким могильным венком на меня словно плюхается сверху что-то тяжелое. Мне хочется встать с дивана, но я остаюсь сидеть. Я понимаю, что моя работа – слушать и записывать. Но еще я понимаю, что в текущих обстоятельствах мне уже не отделаться от привидений Мертвой Долины. Возможно, если впервые вспоминаешь о том, о чем однажды забыл, это по любому будет кошмаром чисто от неожиданности. Шаря рукой по лицу, я стаскиваю очки. Наглядный мир в близоруком зрении слегка расплывается. Я криво улыбаюсь и мысленно вижу перед собой двор, бассейн, плакучие ивы и старых ушедших друзей.

- Ты чего?

- Ничего.

Художник недоуменно оглядывается. Я надеваю очки и делаю вид, что протерла стекла. Я думаю о том, что будет неплохо, если в память об ушедшем художник пару минут помолчит.

Мне будет довольно пары минут — с набиравшими баллы товарищами все было просто.

Чтобы закрыть дело о краже велика или вандализме в здании ПТУ, милицейский опорный отряд Мертвой Долины не бегал на территорию химиков. Он вообще никуда не бегал. В средней Азии жарко, плюс 50 в тени. Это плохая погода для упражнений. Но по вечерам, когда дети отучили уроки, вынесли мусор и могли спокойно потрепаться под ивами, отряд выходил на закрытие дел.

После шести мы предпочитали прятаться. Мы уходили на заброшенную на стадии строительства новую почту — огромное многоэтажное здание. Там, в футуристических интерьерах бетона и полутьме, мы рисовали на стенах людей в кимоно, и это был наш спортзал. Или мы просто трепались, сидя по окнам, или громили осиные гнезда. Кто-то целовался на лестнице. Я выносила почитать эротические рассказы и врала, что переписала из Мопассана. Время от времени мы меняли места тусовок, перемещаясь всей разрозненной кучей за поля на канал, или уходили в пещеры, в горы. Но были среди нас дети без интуиции, они оставались под ивами в огромных дворах нового города, играть в шахматы. Вот их и сажали за украденный кем-то велик. Или за что-то еще.

Свидетельские показания по «велосипедным» делам давали те самые мальчики и девочки, набравшие баллы. Их имен мы не знали. Мы вообще точно не знали, существовали они или нет. Вычислить, кто проходил свидетелем по какому-то делу, не представлялось возможным: открытых судов по детской мелочи не было. По более крупным делам заседания проходили, но на таджикском. Делопроизводство тоже велось на чужом языке. За малостью города правосудие творилось молниеносно. Абсурдность наказания за велосипед заставляло подозревать, что преступления, которые

закрывали детьми, в реальности были более тяжкими.

Дела обрастали слухами. Родители из зала суда выходили заплаканными (обычно это не были семьи правления). Друзей осужденных подростков в ближайший месяц мистическим образом тянуло к зоне. Мы прилипали к дальним деревьям и смотрели сквозь кривые дыры в заборе. Фиг мы там видели наших товарищей. Нам казалось, что мы теряли их навсегда. В принципе, так и было.

Иногда безымянные осведомители помогали органам привлечь и закрыть тех, на кого милицкий отряд положил зуб. Иногда, говорят, осведомители что-то подбрасывали или писали нужные заявления. Я помню, как кто-то из наших после выпускного хвастался направлением в высшую школу милиции. Может быть, у меня паранойя. А, может быть, хорошо, что кого-то из прошлого я больше никогда не увижу.

Если в город приезжал кто-то новенький, мы без разговоров брали его в компанию. Мы оберегали его и никогда не рассказывали о приговорах на чужом языке.

Я выключаю диктофон.

- Передохнем?

Художник удивленно кивает.

- Я покурить хочу, - объясняю я и иду в коридор.

III

Стабильность материального бытия мне иногда важно почувствовать легкими. Выйдя из галереи, я поджигаю вог, с чувством затягиваюсь и тут же тушу.

Кофе, сигареты, цветы, смс-ки – как и остальным современникам, желающим время от времени не отказывать себе в сложных эмоциях, в душещипательные моменты мне нужны эмоциональные костыли: конструкции из символов и условных обозначений, подпирающие мой шаткий психологический мир. Смс-ки условно обозначают любовь. Кофе – комфорт. Сигареты – волнение. Мне дороги эти подпорки, сформированные культурой и стоящие на грани между материальным и чувственным. Если опираться на них, мои нервы, может быть, сохранятся до старости.

Я догадываюсь, от чего каменный человек умирал молодым.

Отсутствие в быту йода и мыла – это критично. Но быть один на один с дикой реальностью, без культурных подпорок, должно быть, хуже.

Настоящее, как говорят, субъективно. Мне трудно представить себе большую опасность, чем окончательно субъективный мир: ты субъективно видишь, что кошки лиловые, и ничего не можешь с этим поделать. Чтобы не сбрендить от собственного уникального взгляда на вещи, надо как-то опираться на то, с чем согласны все остальные. Нужно признать, что кошки лиловыми не бывают, иначе тебя признают больным. Наверное, именно так возникали условные знаки и символы –

не важно, что ты там чувствуешь субъективно, и насколько это отличается от того, что знает кто-то еще. Важно все упростить: если даришь цветы, значит, любишь.

Перестань мы хвататься за знаки и символы, возможно, настоящее оголится и утянет нас из материального бытия, как атмосферу утягивает в озоновую дыру. Это страшно (вероятно, изначально мы знаем, каково там, в холодном небытие). Будто из боязни упорхнуть из совместного обжитого мира, мы утяжеляем свои индивидуальности общими смыслами и даже метим тела печатями. В 70-е, например, на телах рисовали синие «Л-И-Д-Ы» на костяшках пальцев и розы на бицепсах. В миллениум твоя печать — это разноцветный дракон на заднице. «Пять колючек на хвосте обозначают месяц, когда мы трахнулись, а форма треугольника на морде»... Смысл дракона зашифрован и понятен только двоим. Из салона тату каждый день выходят по 40 одинаковых смыслов. Одинайцовых близнецов бережно разносят по городским кварталам, и воздух вокруг наполняется чем-то значительным. Только ты и я. И с нами еще 38.

Найди меня в этот каменный век! (Если продерешься сквозь парадоксы общего в частном).

Я застегиваю боль на все пуговицы и возвращаюсь. Я включаю свой цифровой дивайс, и художник опять начинает рассказывать, на немного растерянной ноте. Я тепло улыбаюсь и делаю вид, что хорошо покурила.

- Тем, кто после учебки соглашается остаться в учебном полку, - промаргиваясь, говорит художник, - дают звание «сержант».

Я киваю. Мне почти полегчало.

- Учебные сержанты никогда в настоящей части не были. Ты понимаешь? Сержанты пришли новобранцами на учебку и в ней остались. Они не были в настоящей части. Никогда. Все, что они видели, это учебка. Но именно они, понятия не имея о настоящей солдатской жизни, создают этот устойчивый миф про персональный мужской ад за забором. Сержанты хором убеждают новобранца, что если его не оставят в учебке - всё. Лучше вешайся или поимеешь все ужасы, какие еще можно придумать.

Я ежусь. «Какие еще можно придумать». Если разобраться, врожденных опасений у человека не много - тех, что достались нам от природы, с молоком матери. Страх умереть, страх остаться голодным. Еще ужас — потерять уважение соплеменников. А страх, например, переночевать без сигарет? Похоже на смерть, но... Мужской ад, да, мы в него верим. Любой из страхов — как природный, так и культурный — не проблема распространить. От великого до никчемного, сквозь екнувшее сердце, как проводник тока, только екни. Белым шепотком в темноте. Кто-то вскочит и включит свет. В казарме не вскочишь. Я спрашиваю:

- Сержанты запугивают салагу, чтобы показать, как они были правы, когда согласились муштровать молодежь, или по приказу командира? В смысле, им приказывают пугать? Или они сами?

Художник кидает взгляд в угол и начинает внимательно рассматривать свой большой палец. Потом он неохотно пожимает плечом.

Проехали, — разочарованно думаю я и жалею, что не узнаю, от кого пошел страх новобранца. Я все еще не в курсе, зачем знание про солдатский страх лично мне, но часто бывает, что информация как бы посылается тебе свыше заранее. Художник вздыхает.

- Понимаешь, дистанция между офицером и новобранцем в учебке огромна, - осторожно говорит он, - офицеры в учебной части вообще могут не появляться. Вся работа офицера в учебке — свалить работу на сержантов. Офицеры приходят в часть к 12ти часам дня, на развод. Они проверяют, все ли хорошо и уходят домой. С солдатами они не общаются. Задания на день выдаются сержантам, в крайнем случае, прапорщикам, которые охраняют добро и... Знаешь, получается, что вся власть над солдатами в учебке сосредоточена у сержантов...

Не проехали, — смекаю я и продолжаю тему об истинном источнике страха. Мне хочется разобраться.

- Исполнительная власть у сержантов, - чуть вопросительно говорю я и прищуриваюсь, - а законодательная у кого?

Художник кривится. Я чувствую себя мерзким газетчиком, падким на розыски негатива.

- Ну, - неопределенно отвечает художник, - сержант же не бог иерархии. Скажем, если он плохо себя ведет, напивается или открыто нарушает элементы здоровой службы и общий режим: в такое-то время построиться, час простоять не месте или строим пойти в столовую с песней... В общем, если он это все открыто нарушает, на него спускается гром и молния. В наказание сержанта отправляют в обычную часть, ужасы про которую, кстати, он же и разносил.

Я киваю.

- И, знаешь, - говорит художник, - в ночь перед отъездом бедняга плачет от того, что сейчас попадет в настоящую дедовщину.

«Не рой другому легенду», - думаю я и чувствую себя полной ехидной.

- Нет, я не хочу сказать, что обычной части не нужно бояться, и там нет никакой дедовщины. Но что в учебке, что в части - везде ж одинаково. Везде одинаково. Всего-то и ужаса там только в том, что с каждым новым переездом тебе приходится адаптироваться. Ты когда-нибудь адаптировалась?.. Кажется, я уже спрашивал... Ну, понятно, что адаптация к среде — это стресс. Это новые товарищи и прапорщики. И ты снова голодный салага. Но через полгода, если постараться, ты уже практически в полном порядке. Ты занял свою нишу, и тебя глобально никто не трогает. Нет никакого ада.

Я улыбаюсь.

- Так ты хочешь сказать, что новобранцы в поезде зря блевали? - спрашиваю я.

Художник разводит руками, как бы говоря: «Наконец-то ты поняла».

- Наверное, смотря как к этому относиться... У меня, например, начальная адаптация проходила так. Все, что творилось в учебке, мне не нравилось. Я постоянно конфликтовал с сержантами, потому что видел, что они сволочи. Нормальные люди в учебке не остаются. Это мое мнение. Вот. Ну, одного, ну двух сержантов я мог побить. Группу — нет. Но наезжать на меня группой было уже чревато для них. Если со мной в разборках что-то случится, и это не удастся замазать пластырем, накажут сержанта. А какому дураку хотелось в обычную часть? Этот принцип надо было просто быстро понять. Я сначала немножко подрался, мне навтыкали. Было больно, зато я выставил себя неуправляемым элементом. И чтобы поставить меня на место, сержанты от греха подальше стали привлекать легальные методы. Например, меня официально отправляли в наряд... Что такое наряд, представляешь? Это когда ты всего-навсего не спишь почти сутки и моешь посуду или безостановочно фигачишь в столовой пол. Если нервы крепкие, от этого не тянет застрелиться. Мой наряд длился обычно месяц. Вот месяц ты не спишь и лазаешь по столовке раком. На третью неделю — каааак в сказке... Зато я доказал сержантам, что мне на них нас..ть.

Щеки художника ползут в разные стороны от еле сдерживаемой улыбки. Я беззвучно хихикаю. Мне приятно, что мы, наконец, вырулили на жизнеутверждающий мотив. Если ты чучельник, тебе не годится долго предаваться унынию. Твоя жизнь не легка снаружи, если она будет тяжела изнутри, труба.

- Да, а потом еще в качестве наряда есть свинарник. Наряд на свинарнике выглядит так: ты приходишь, и тебя первым делом просят считать поросят.

Из меня вырывается вопросительный кашель. Художник хлопает себя по коленям и ржет.

- Нет, чего? Полезное дело. На свинарнике тоже живет сержант, пастух-свинопас. Тебя посылают ему в помощь. Обычно этот бедолага, свинопас, даже не выходит за территорию. Никто ему не запрещает. Но он просто не может. Свиной запах, он, знаешь, такой мощный, мощней олдспайс24часа... От сержанта-свинопаса за километр такой штын!

Я бессердечно морщусь.

- Люди с ним общаться не будут. Но внутри свинарника он - король. У него там собственная кухня, он себе сам пищу готовит... И когда тебя присылают... Да, обычно свиношники — это такие ребята из деревни, с красными щеками, здоровые. И вот, когда к нему присылают виноватых солдат, знаешь, на свинарник, он чувствует себя очень

круто. Ты виноват, а он — нет. Поэтому первым делом он приказывает считать поросят.

Я хмыкаю. Если к жизни относится с энтузиазмом, - думаю я, - не так уж плохо.

Однажды перед каникулами наша школа зажилила денег на уборщиц, и ученики по указу директора драили плитусу. Мне понравилось. Я драила плитусу и думала о том, какую приношу пользу, и как будет хорошо — все лето школа простоит девственно чистой, с порошковыми разводами по стенам. Драя стены, я даже напевала под нос. Но вдруг из кабинета вышла наша географша и сказала: «Ну наконец-то, Лопухова, я вижу тебя на коленях». С тех пор я знаю, что энтузиазм жизни — это то, что можно легко размазать по плитусу.

Художник смеется.

Если хочется коленей, ты попроси по уму, - думаю я. Все же люди, изобразим...

-Поросята — маленькие, - перебивает мои мысли художник и показывает размер поросят ладонями, - маленьких поросят ни хрена не видно! А свинарник, где они живут вместе с большими свиньями, и их надо считать, он такой длинный, больше 60-ти метров. Одноэтажное здание с треугольной крышей. Посередине такой проход, как в поезде, не широкий, а по бокам идут такие грязноватые купе — для свиней. Для семейных. Ну, в смысле, каждая свинья вовремя рождает десяток штук и... Я правильно? То рассказываю, нет?

Посмеявшись, мы даем себе слово отныне и впредь... Армия — серьезная тема.

- Поросята прячутся! — прыскает художник, и мы начинаем опять смеяться, - пока ты их считаешь, они голодные, знаешь, и все одного оттенка. Они туда ныряют, в молочные железы... А потом половина падает куда-нибудь, наевшись, остальные еще носят, потом тоже падают, другие вскакивают. У них своя жизнь. Пока ты ходишь и тыкаешь в них пальцем... В общем, точное количество установить не удастся.

Я думаю над смыслом поросят.

- И вот, - продолжает художник, - в качестве наказания меня поставили на свинарник учебного подразделения, и я пошел калькулировать. С трех подходов к поросьям по особой системе у меня получилось разное количество материальных благ. Я старался. Но сначала поросят было 100, потом все меньше и меньше... По сценарию меня полагалось за это побить. Я принес свои подсчеты свинопасу, тот скорчил рожу и выразительно долго закатывал рукава. Я думал только о том, как бы нам не свалиться в эти купе для свиней... Не отмылись бы... Ну, мы не свалились, нет, но после драки на свинарнике меня

посадили в кутузку за срыв наряда. Так что большого опыта в животноводстве я не набрал. Дальнейшие работы на свинарнике я видел только со стороны. Вместо меня туда прислали других виноватых. И эти бедняги, которых прислали мне на замену, работали так: старая кобыла запрягалась в телегу, на телеге стояла грязная цистерна с надписью «Молоко», снятая с молочной машины. Это транспортное средство использовали для перевозки помоев из столовой. Помоями кормили свиней. Еда нереально вонючего запаха. Я жевал в своей кутузке сено и молился, чтобы ветер не в мою сторону...

Художник делает паузу.

В моем незанятом мозгу тут же встает нереально жалкая пикча. Один мой одноклассник в Мертвой Долине сезон за сезоном поднимался в пять утра и шел с большим бидоном собирать по городу корм для свиней. Это было объектом злых шуток. Семья того мальчика жила между старым и новым городом, над горной речкой, в частных домах, где все держали хозяйство.

В палисадниках частных домов росли огромные розы. В сезон цветения эти розы обрывали два моих знакомых хулигана из новых пятиэтажек. Они обрывали цветы на заре и дарили мне, кто вперед. Часов в шесть утра они звонили в мою квартиру, совали мне ворованные букеты и убегали. Однажды рано утром, стоя на кухне с букетами роз и туго соображая, куда их поставить, потому что в доме не осталось уже ни одной емкости, кроме унитаза, я увидела в окно свиного мальчика. Мальчик шел по пустой улице. Он был одет в школьную форму, видимо, чтобы не опоздать к урокам после сбора помоев. Его большой бидон стоял на останках грязной детской коляски. Мальчик тащил коляску за собой, медленно и как-то обреченно шагая. Плюх-плюх. Это было его домашней обязанностью. Вместо ручки на коляске с бидоном была смотанная вдвое проволока. Как потом оказалось, свиной мальчик собирал помои все школьные годы. Только перед самым выпускным вечером частный дом, где он жил, и еще несколько таких же домов смыла горная речка. Обычно эта речка была мелкая, в глубоких местах по пояс. Но растаявший вдруг ледник поднял ее на 7 метров, и она смыла дома, палисадники с розами, постройки и, должно быть, свиней. Думаю, для юного свинопаса стихийное разрушение стало счастьем.

- Ну так вот, - говорит художник и складывает руки на коленях.

Жалкая пикча про свиного мальчика быстро ретируется, и я с легким осадком слушаю дальше.

- Возле столовой в нашей учебной части была вырыта яма, размером с комнату. В яму сливали помои. Но пока их туда сольют, они уже десять раз перебродят. Солдаты, которых ставили в наряд на яму, обычно работали в паре. Ведром — представь — кривым скрипучим

ведром наказанные новобранцы должны были начерпать тонну вонючей байды. Время для этого было не ограничено, никто их не торопил, но других способов, кроме ведра, почему-то не разрешали. Ребятам надо было наполнить помоями цистерну с надписью «Молоко». Потом они отвозили полную цистерну на свинарник и там раздавали перебродившие помои свиньям. День такой работы, и человек так пропитывался помоями, что — 0_0 — блин, до конца жизни у него был один удел — дедовщина. Никто уже не забывал, что он работал на яме.

Я киваю и стараюсь не вздохнуть тяжело. На лице свиного мальчика в Мертвой Долине навеки застыло странное выражение. Его избегали даже сборщики комсомольских взносов. И даже на сайте «Одноклассники» он был почти одинок.

- Ну, ты представляешь, - тоже сдерживая вздох, как бы читает мои мысли художник, - работы на яме я наблюдал из кутузки. А на следующее утро я проснулся и еще до завтрака подумал, что мне активно не нравится этот свинячий наряд. Я стал размышлять, как бы выбраться. И мне повезло. Из окна кутузки я случайно увидел, как на территорию приехала знакомая машина... Да, - художник прерывает себя и хлопает в ладони, - я же забыл сказать! К тому времени, до свинарника, я уже начал потихоньку двигать линию художника. Ну, помнишь, я тебе говорил — я рисовал для дедов, оформлял альбомы красиво. Так уж вышло.

Я улыбаюсь.

- По идее, - поясняет художник и рассказывает про события, которые случились с ним до свинарника, - с самого начала в учебке мне планировали дать специальность «механик, водитель самоходной артиллерийской установки». Самоходная установка, это, короче, такая пушка, которая сама ездит, похожая на танк. На ней меньше брони и она далеко стреляет. Обучались мы на ней так: прибегали в сапогах на полигон, язык на плечо, плюхались вместе с инструктором в эту установку, только для учений с нее сняли пушку. Без пушки эта самоходная конструкция выглядит типа гроб. Да ты не смейся, типичный гробешник, с колесиками. Металлическая такая бронированная фигня, на гусеницах... В этой фигне нужно было по кругу — большой такой участок земли, покрытый грязью, с различными рельефами местности — в общем, нужно было этой самоходной фигней управлять в полевых условиях: проехать, тронуться — ну, на права сдавала? Вот. Я туда... в общем, один раз поучаствовал в сдавании на эти права. Но ни хрена не сдал, а только сделал мучительно больно обучающему инструктору. Он мне, значит, рассказывал, как надо трогаться с места, я все время трогался как-то неправильно, и он башкой бился об... в общем, лбом о броню. После удара о броню он выскакивал в люк... На самом деле, никакой травмы у него не

случалось, потому что там надевают такие прорезиненные шапочки, как в фильме «Три танкиста и собака». Но так как он был возмущен моей тупостью, что я не врубаюсь, как надо трогаться мягко с места, он выскакивал каждый раз после своего удара о броню, потом ногой впихивал мою голову в люк и кричал: Скотина, сволочь! Наверное, ему все-таки было больно. Потом он опять садился на свое место и рассказывал мне заново, как надо трогаться. И я опять точно также трогался не мягко, он снова бился, выскакивал, и так было три раза. Наконец, он не выдержал и сказал: «Х.. с тобой, едь!», и мы поехали.

Я опять улыбаюсь. Если бы новобранец был бабой, думаю я, инструктор бы вел себя по-другому. Из своего далекого мертвodoлинного опыта я знаю, что баба и средство передвижения это две вещи, которые будят фантазии. На нашей улице жила городская модистка — роскошная немка с огромной грудью, круглыми бедрами и черной косой вокруг головы. Однажды она вернулась с работы расцарапанная, в белом финском пальто, уляпанном рыжей глиной. Добредя до дома, она поднялась к соседке, у которой собирались по вечерам. Соседку модистки звали тетя Тамара.

Муж тети Тамары в то время как раз отбывал срок заключения за то, что типа долбанул мента по фуражке. Все знали, почему он его долбанул — ему пришлось защищать сына, астматика, которого менты хотели загрести за какое-то необдуманное ругательство на таджикском. Если бы астматика посадили, он бы не выжил. Тогда его отец пошел и сбил с милиционера фуражку. Пока отца арестовывали и судили, про сына забыли. Но, говорят, перед войной в 91ом он все равно угодил в тюрьму, хотя я не знаю точно. Пока семья т.Тамары была неполной, тетя Тамара — отменная хозяйка — тратила энергию дружелюбия на соседей. По вечерам она пекла офигенные разборные пироги с малиной, которую привозила с родины. На эти пироги собиралось полгорода со всеми детьми и близкими. Из столицы даже однажды привозили молодого Леонова. Расцарапанная модистка ввалилась как раз на т.Тамарины разборные пирожки.

Ничего не объясняя, она села на стул в пальто и попросила зеленки. Ей дали водки. Оказалось, что модистка вывалилась на полном ходу из незнакомой шестерки. По дороге с работы ее поймали два кабардинца и затолкали в черную тачку. Драться в салоне не слишком удобно. Инструктору художника повезло, что в танке есть люк. Иначе его радость была бы неполной.

Попав в машину к кабардинцам, модистка не стала сбивать фуражки. Добровольная романтика на заднем сиденье — это одно. Романтика на заднем сиденье с двумя злыми кавказцами — немного другое. Чувствовать себя будешь хуже. Улучив момент, модистка открыла дверь и выпала из машины. Она кувыркалась по асфальту долго и страшно, и мужчины не стали останавливаться и поехали

дальше. Модистка прихромала к тете Тамаре, выпила водки и разобралась с кабардинцами на свободе. Ее похитителями оказались два брата. Через неделю они принесли модистке конверт с тысячей рублей откупных. Из уважения они не стали беспокоить пострадавшую звонком в дверь и смирно положили конверт с деньгами на подоконник — модистка жила на первом этаже. За откупные модистка выкинула им в форточку заявление о возбуждении уголовного дела. Она была умная тетя — она шила платья жене прокурора...

- Ну и? - напоминаю я художнику, гоня ассоциации прочь, - вы поехали в гробу...

От воспоминаний художник свежо улыбается. Чучельник умеет распоряжаться прошлым, иначе что ему светит в будущем?..

- В общем мне так понравилось ехать! - говорит он, - все дребезжит и колеблется. Скорость я набрал, еду, а в этом гробу нет руля.

Я делаю большие глаза.

- Вместо руля в самоходной конструкции рычаги, - объясняет художник, - и один из рычагов на том драндулете плохо работал. Но я об этом еще не знал. Поворот в гробу выполнялся не так, как в обычной машине. Чтобы куда-то свернуть, надо было тянуть рычаг на себя. Рычаг замедляет движение гусеницы, и машина едет, куда тебе надо... И вот, мы разогнались как следует в поле, и тут этот рычаг. Я дергаю его на себя, как учили, и вижу, что мало чего происходит. Я его дергаю, но он свою миссию не выполняет, я пугливо верчу головой в разные стороны, и мы едем так хорошо по прямой, но в речку. Я не знал про рычаг, честно!

Из глаз художника разливается блеск, не похожий на муть или слезы. Наверное, просто речка запечатлелась. Хитрая речка под песчаным обрывом.

- Инструктор в этом месте мощно так испугался и бормочет: я же ща утону, б..я! Но в метре от обрыва я взял и нашел тормоз. Шеф лобешником опять о броню, но меня в люк ногой больше не впихивал. Шапочка «три танкиста» съехала на бок. Я тоже вылез, смотрю на него, и - ты не поверишь - как же стыдно было мне перед родиной! Чуть обученного инструктора не замочил. И танк едва не свалил в реку. Прикинь, как его жалко! Короче, когда мы, наконец, вернулись к своим, учитель побежал от артиллерийской установки с криками: вот этого придурка больше к танкам не подпускайте близко, не присылайте его, тупорыло! Вот.

Я усмехаюсь.

Девочка Таня из Мертвой Долины, моя одношкольница, была младше модистки на 20 лет. Попав в незнакомую машину, в отличие от опытной немки, она начала защищаться. Это случилось незадолго до

местной гражданской войны, когда эмигрантам уже открыто выражали неприязнь. Украденная Таня шла домой целую ночь, без трусов и босиком. Как ей удалось удрать из кишлака, куда ее завезли, она не рассказывала. Она спустилась с гор рано утром. Также, как модистка, сначала она пошла не домой, а к подружкам. Ее парень на тот момент как раз был в учебке и писал оттуда какие-то дурковатые письма.

Бодро улыбаясь, я смотрю в монитор. Художник шмыгает. Чучельник чутко к чужим эмоциям. Он вздыхает и произносит:

- Механика из меня не вышло. И руководство решило поучить меня другому ремеслу, в другом отделении, но там мне тут же прописали новый наряд. Надо было стоять на тумбочке.

- Чего?

Художник опять вздыхает и быстро рисует на бумажке дверь, тумбочку и на ней человечка в шинели. Человек выглядит печальным и держит в руке бутерброд. Я несколько раз задумчиво киваю, потом спрашиваю:

- Это где?

- В помещении, блин! В спальне. Там, где спят 100 человек. Пока все они спят, тебе надо стоять на тумбочке и кричать «равняйся-смирна!» при входе офицеров, например, или другого начальства. Рядом с твоей ногой лежит книжка. В книжке отмечают, кто пришел, кто ушел. А ты стоишь сугубо на вытяжку. Если зашел начальник, ты должен всем своим криком с тумбочки показать, как ты рад и твои товарищи тоже. Это официальный наряд. А я был голодный. Я стоял на тумбочке и ел хлеб из карманов. Не комильфо, да? Каптерщик тоже так посчитал.

Художник трет подбородок и объясняет:

- Каптерщик — это кладовщик, в звании сержанта. Он руководит добром. Каптерщик зашел, когда я стоял на тумбочке, и радостно усек на моей гимнастерке хлебные крошки. Увидев крошки, он начал меня воспитывать. Начальником он был не так чтобы очень большим, но занимал сильную духовную позицию: он имел связи и распоряжался материальными ценностями. Это как примерно встретились джип с запорожцем. При этом запорожец что-то по ходу жует.

Я внимательно смотрю на художника и пытаюсь представить его запорожцем. Сильно глянцевого. Хотя, если в крошках...

- Ну, сголодухи и с усталости я вмолил каптерщику сверху, с тумбочки, набил фендель, такой, на всю рожу. И джип побежал жаловаться друзьям по коптерке.

...А мне снова лезет в голову Средняя Азия. Я отмахиваюсь, мне надоело ее вспоминать.

С одной красивой гречанкой Таней (не с той, которая пришла домой без трусов, а с другой) мы любили залезть повыше. Однажды

после уроков мы сидели на крыше крайнего дома, откуда открывался красивый вид, и смотрели на горы и клеверные поля. Мы смотрели на поля и думали о будущем, как вдруг увидели сверху местного ублюдка Личина. Личин бежал к домам. Он бежал, прикрывая разбитый нос ладонью. Перебирая худыми ногами, он неся по высокой траве на полусогнутых и пугливо оглядывался. Но чем ближе он подбирался к домам, тем его прыжки становились уверенней.

Мы с Таней догадывались, кто побил Личина. И примерно знали, какой будет месть. Но мобильных телефонов тогда еще не было, и мы не могли предупредить ребят, которые оказались в опасности. Пару минут спустя, шурша жухлой травой, от домов в сторону очистного канала погнала свора малахольных подонков с Личиным на корме, а нас с Таней затошнило и мы отползли на другую сторону крыши.

На очистном канале, куда с подмогой понесся побитый Личин, по традиции собирались мальчишки ботаны. Они там рыбу удили.

- Ну, так вот, - продолжает художник, - джип сбегал за своими друзьями. А друзья там были нормальные, почти дембельнутые. Они проводили время, в основном, с гирями и со штангами. Знаешь, такие под два метра ростом, два парня со Львова, бендеровцы. Ожидая, когда они прибегут, я смахнул с груди крошки и понял, что мне надо куда-то с того наряда валить, иначе вообще... гантелей дадут по шее. Я слез с тумбочки и закрылся в сушилке, на швабру.

Художник не замечает, что рассказывая, машинально сжимает кулак и легонько стучает им по раскрытой ладони. Я чувствую, как внутри меня разливается нежность...

У моего американского ангела, которому я не отослала свое последнее письмо про любовь, на костяшках пальцев правой руки было четыре шрама — короткие белые полоски в ряд. Как-то я спросила его, что это. Ангел с готовностью сжал кулак, осторожно поднес его к моему лицу и сказал: открой рот. Резкий парень.

Иногда я представляю разные части его тела, разбросанные в строительной пыли, на обрывках линолеума и самолета. А что мне еще представлять? Его бессмертную душу на облаках?

Художник закашлялся.

- Ты слушаешь?..

Я разглядываю свой кулак. Художник смотрит на меня слегка удивленно и рассеянно говорит:

- Ну, я заныкался, короче, в сушилке и сидел там, пока, это... короче, пока офицеры придут. При них как-то не корректно бить друг друга гантелями.

Интересно, - думаю я, - что у меня внутри, кроме слив, кофе и

дыма? Адамант, заварные арматуры или просто цемент? Говорят, что через полвека цемент превращается в пыль и приходит в негодность.

- На следующий день, - неуверенно продолжает художник, косясь на меня с подозрением, - все поняли, что я их конкретно достал... Ты чего?

- Проголодалась, - киваю я и кладу ладонь на живот, улыбаясь, как в рекламе йогурта.

- А! Так поешь что-нибудь... Офицеры с сержантами посоветовались и решили вместо армейского ремесла научить меня чему-нибудь мирному.

Я беру себя в руки и улыбаюсь душевней.

Если когда-нибудь, паче законов биологии, я вдруг снова увижу своего бойфренда, я возьму гантель и хорошо тресну его в челюсть. Уматывать из жизни — предательство, что бы ни заставило тебя умотать. Если у меня внутри арматуры, то это только потому что кое-кто не научил себя выживать. Но в комитет солдатских герлфренд я все равно не пойду. На фиг...

IV

- И вот, - говорит художник, поерзав на стуле, - руководство постановило научить меня чему-нибудь мирному. И меня снова перевели. Мне сказали, что дадут мне профессию топогеодезиста. Работа топогеодезиста, оказалась, лафа: надо было только шарахаться по лесу, время от времени расставлять треногу и смотреть в маленькое окошко. Интеллигентная фигня. Я бродил по природе, рисовал на карте миниатюрные елки, а сержанты, которые несли ответственность за мое обучение, забредали поглубже в лес и спали. И с их легкого невмешательства я практически стал топогеодезистом. Но вместо елок я как-то увлекся и разметил местность на карте спящими человечками. Я не успел их замазать, пока сержанты не проснулись, и пришлось мне опять подраться — со всеми — не было выхода. Вот как раз после этого меня и отправили на свинарник.

Понимая, что мы восстановили часть упущенных досвинарных событий, я радостно киваю и присматриваюсь к его бицепсам. Художник машинально отряхивает что-то с короткого рукава.

- На свинарнике в наряде я опять пользу родине не принес, как ты помнишь. Зато, на утро после поросячьего счета, я увидел в окно машину. Это была обычная «Волга». Но я узнал ее и закричал в окошко кутузки: берите меня, я тут! Дело в том, что в этой «Волге» возили одного офицера, который давно уже был в курсе, что лучше всего я могу махать кисточкой. До этого он все пытался получить меня для работы, но не мог договориться с моим начальством, которое художника во мне не признавало. А тут такой случай, наряд!

Наказанного солдата с наряда мог забрать кто угодно — типа раба. Поэтому офицер побежал и договорился насчет меня. Он забрал меня от свиней и вывез за территорию части подальше, на полигон...

Художник окидывает студию гордым взглядом. В моем кармане трещит телефон, и я нажимаю отбой, чтобы никто не мешался.

- И вот, - продолжает художник, - я освободился от кутузки и оказался на полигоне. На полигоне был практически рай, целый месяц я реставрировал сапоги - на плакатах. В тот же период полигонного творчества я познакомился с Толиком. Это также было очень удачно. Тема этого Толика была - протест против всего. До армии он тоже занимался борьбой...

«Ага», - думаю я и снова разглядываю его бицепсы.

- Но Толик протестовал концептуально, без нервов. Например, у него была операция «в гробу я вас видел».

- ???

- Он выходил маршировать в тапочках.

- В чем?

- В тапках. Из казармы Толик выходил на построение в тапках. Я честно не в курсе, на каких это было условиях, но в медсанчасти на Толика истратили три рулона бинтов, чтобы перебинтовать его ноги. После этого забинтованный Толик выпросил себе больничные тапочки и зашаркал к победе над врагом - супер медленно. На ходу он всем улыбался, показывал на бинты и говорил: извините, быстро шагать не могу.

Бывают же счастливые люди, - думаю я.

- И вот у нас с Толиком возникла нежная дружба, и он стал отвечать за мое пропитание. На полигоне еды было мало! Из части на машине привозили термос на 10 человек. А нас на полигоне было 15: я сам-реставратор, Толик в тапочках и солдаты, которые выкапывали какие-то траншеи. Солдаты трудились весь день - разрывали территорию, не разгибаясь. Я видел, как приезжает выездная столовая с обедом, но когда доходил до стола... В общем, Толик взялся за мое пропитание. Он сказал: не волнуйся, - художник делает заверяющий жест и таинственным голосом завершает, - ты голодный не будешь.

Я смеюсь. Голод — проверенное средство от мятежей, хотя в учебниках написано по-другому. В СА (Сейсмоопасная Азия) была одна приятная вещь.

Я вспоминаю и хищно облизываюсь.

В Мертвой Долине было полно еды. И там никогда не вводили талонов. В то время, как Россия голодала, сидя на полпалке туалетной колбасы в месяц, у нас была вареная, докторская, салями, буженина... Плюс парнуха с мясокомбината, арбузы, инжир и виноград за 12 копеек (кг). Сначала местные аграрии не догоняли российских денег, и все на базаре стоило рубль: огромная дыня, маленькая дыня, вязанка лука. Но

азиаты быстро поняли, что эмигранту как новому покупателю равенство странно, и завели весы (чашку они вытирали халатом, перед тем, как положить на нее персики).

Некоторые приверженцы ретро, в отличие от базарных торговцев, продолжали продажу не килограммами, а сетками, из протеста, наверное. Ретровые продавцы привозили свой товар на мотоциклах прямо во дворы новых домов. Особенным кайфом такой распродажи были треснутые гранаты из люльки. Трескаются гранаты, когда поспеют, кто не знал. Два полных пластиковых пакета лопнувших от жизненных соков гранат ретровцы отдавали за 30 копеек. А гранаты — это наркотик. Оба пакета съедались на троих примерно за час. Лучшего ужина я не знаю.

Но 30 копеек за два пакета наркотика — плохая торговля. Ретровые развозчики на мотоциклах скоро сгнули. Все развивается, особенно, при хорошей погоде. Дети аграриев в один прекрасный день просекли, что в природе есть магазины — как особая экзотическая форма торговли. Дары природы новое поколение оставило консервативным отцам. В крайнем случае, новые местные предприниматели распахивали частные и колхозные урожаи по «Овочи-Фрукты» (вывески — это то, что аборигенам почему-то никак не удавалось скопировать).

Постепенно молодые бизнесмены совсем оставили аграрный ритейл и окончательно перешли на фирменные коллекции шмоток и даже познакомились со словом «моды». Поначалу они вываливали на прилавки все поставки по региону — Англия, Италия, Франция, США и другие товары. Потом кто-то объяснил бизнесменам, что так не делают, и они начали торговать по-русски, «из-под полы». То есть, снаружи бутик выглядел нормальным сельпо — ситчик с унылыми кантами, белые трусы для холодной погоды, закаточные машинки для консервирования. Но каждого покупателя продавцы водили на склад и давали рыться в товаре. Круче не одевался Париж во времена молодой Коко. С приходом азиатских бутиков, отпуска в Россию мы стали отбивать шмотками — барышни от кутюр возили в Россию тележки со швейцарскими чемоданами, набитыми итальянскими сапогами. Это восток. Я даже скучаю. В СА не было только картошки. Она там не росла. Природу своей культуре обучить, видимо, сложно.

- А картошкой вас там кормили? - спрашиваю я художника. Художник задумывается.

- Знаешь! — восклицает он, и я верю, - с тех пор, как за наше питание взялся Толик, у нас было все. Прихожу я, представь, на обед. Сидит Толик, рядом на столе две больших порции. Толик ничего не ест, он хочет со мной пообедать. Вокруг стоит куча голодных мужчин, знаешь, которым еды не хватило, и все смотрят. А так как Толик очень... концептуальный и в тапках, они стесняются у него попросить. А

Толик сидит такой радостный, плечистый! Он все время кричал: Руслана, ну чё ты так медленно идешь, давай уже, я есть хочу!

Мы смеемся вместе, потому что мы циничные люди и уважаем силу.

- Вот так мы нежно дружили... - говорит художник, - пока нас не спровадили с полигона, мы там прилично оформились. Толик закрыл вопросы питания... Проблему с сержантами мы тоже дружно решили... И, знаешь, это даже не было сложно: у наших сержантов на полигоне был босс — прапорщик чеченец. Он приезжал на работу на велосипеде, раз в день. Ну, я говорил, военное начальство в частях не парится. Наш прапорщик был каратист. Он очень красиво прыгал, энергичный такой, подтянутый. Я так понимаю, спортзала, чтобы заниматься, поблизости не было. И вот наш прапорщик каждый день приезжал размяться — отрабатывал серию ударов на своих подчиненных сержантах. Потом он умывался и по свежачку давал сержантам программу на следующий день: побелить казарму, выкопать 10 ям... Потом он надевал чистую майку и под таким допингом уезжал обратно. Это занимало у него 10 минут, остальное время прапорщик воспитывал детей, жену гладил. Сержанты, напуганные побоями и в ужасе от своего чеченского шефа, перекуривали и отправлялись пинать солдат... 10 ям, побелить казарму... Ощущая, что менеджмент у чеченца действенный, сержанты старались на солдатах, как полоумные. Время от времени они напивались (стресс на руководящей должности), начинали ночью всех будить и объяснять, что сержант это круто. А нам с Толиком спать хотелось! Как-то спросонья мы забили на уважение к старшим и тоже показали сержантам пару приемов. Они, наверное, подумали: вот чушь! Там ногами, здесь ногами!.. И перестали нас с Толиком вообще замечать. Предварительно, правда, они подошли к нам и сказали: делайте что хотите, только — условие, пацаны — не мешайте работать! Мы согласились. И тогда для нас вообще настал рай, пока всех не выгнали с полигона. Ям, оказалось, больше нигде было копать, всю территорию раскопали... Мы грустно вернулись назад. И тут же начали репу чесать, как нам выйти из ситуации: до полигона Толика тоже ставили и на свинарник, и на тумбочку, и полы он в столовой драил. Чем-то мы были похожи, да.

...Голос пишется на диктофон, все под контролем. Я вдруг спрашиваю себя - какой это точно год? Художник немного старше меня, значит, мы были одновременно — он на свинарниках, я в СА. Художник голодал. В мою квартиру попал снаряд. Он воевал с сержантами. У меня не сохранилось почти ни одного одноклассника. Может, мы и есть крысы в бочке? Угловые квартиры при бомбежке самые не кошерные — сносит на фиг. Но мы-то выжили.

Я устало кошуся на картины и недорисованные холсты. Аборигенов в СА мы звали «зверьки». Или «звери», зависело от того,

насколько они достали. А доставали они всегда — приходили, например, просить сухой хлеб, спозаранку оглашая подъезд звонками в квартиры. За сухим хлебом приходили памирцы. «Схой хлэб эсть?». Ты открываешь дверь и спросонья видишь лицо памирского князя, под ним полосатый ватный халат и гремющий сухими хлебными кусками мешок. Князь просит сухой хлеб и норовит повернуть к тебе профиль, наверное, это как у рыб — воинственный ритуал, во время которого надо развернуться к противнику боком, чтобы для острастки казаться большим, а не плоским. Носы у князей были что надо. Щеки покрыты своеобразным песочным налетом, какой бывает только на коже у памирских цыган. Синий глаз арабского скакуна. А может, это был ритуал дружелюбия — из вежливости не смотреть на тебя прямо. «Схой хлэб», поворот. Зачем они его собирали? Они были такими худыми.

Они всегда доставали. Памирские, бухарские, нурекские... Они мазали головы кефиром (волосы гуще), втирали в себя кондитерский ванилин (типа парфюм), клали под язык курево «нас», а потом плевали зеленой слюной на дорогу. Они смеялись над твоими привычками и одеждой. Два зверька вместе — непереносимый для европейца букет. Простыни на веревках у них были рыжими, как будто их полоскали в глине. Они не гладили платья. Их женщины приматывали на ночь к ладошкам сурьму, которая красит красным. Их мужчины пекли пирожки волосатыми лапами. Подростки заплетали косички и хихикали в платки. Их дети зимой и летом ходили в огромных галошах на босу ногу, и их пятки были черны. Вместо памперсов матери вырезали в матрасе младенца дыру. Такая же дыра была проделана в люльке. Они сидели посреди дороги на корточках. Они не работали в полдень. Не ели свиней. Головы у них были квадратные. В их домах ползали муравьи и ели сахарные конфеты, которые местные закупали коробками. Своих коров они зимой не кормили, выгоняя на волю, и те бродили по городу, костлявые, как модели. И, наконец, они не подтирались бумагой. В общественных мазанных туалетах на окнах лежали камни, примерно одной величины. Камни сушились на солнце для дезинфекции, и просохшими их использовали для подтирки — все подряд. Боюсь даже подумать, знали ли местные дефиницию «одноразовый». Если рядом не было туалета, они присаживались на дороге, накидывая на голову халат. Вот так они нас доставали... Камни — принципиальный вопрос, практически конфессионный. И головы! Эти непонятные головы были квадратными, чтобы лучше сидела национальная шапка.

Единственное, в чем круто повезло эмигрантам, так это в том, что мы на собственной шкуре узнали, какие люди бывают разные. Вся планета состоит из самых разных людей...

В моем кармане опять звонит телефон. Я виновато пожимаю плечами и беру трубку. Сначала мне слышно какой-то треск, потом прорывается голос, который слышно донельзя плохо.

- Юля? - удивляюсь я, чисто по интонации узнав давнюю знакомую, с которой мы не общались лет сто. Юля была моей соседкой по окуджавскому дому, где я жила когда-то. Несколько лет мы славно дружили. Но когда я переехала, Юля устроилась работать в православную школу и перестала звонить, видимо, от того, что я тогда уже работала журналистом в грешных журналах. У каждой конфессии много ограничений.

- Алле, - слышу я, - алле!

По голосу у Юли случилось что-то серьезное, но я не могу разобрать слова. Кто-то пропал или что-то такое. Я пытаюсь понять и, почти крича, переспрашиваю, но Юля вдруг прощается и кладет трубку.

- Старая знакомая, - объясняю я художнику и пожимаю плечами, тупо глядя на телефон.

Художник интересуется, что случилось, и я снова пожимаю плечами, отмечая себе на память перезвонить Юле, когда сяду в машину. Художник задумчиво щелкает что-то на компьютере, словно давая мне паузу разобраться с проблемой. Я вздыхаю и тревожно думаю, что могу потихоньку перезвонить, не дожидаясь конца интервью.

- Ну, и как вы с Толиком вышли из ситуации? – спрашиваю я, на ощупь пробуя перезвонить, но абонент не доступен.

Немного раздраженно я прячу телефон в карман и до времени выгоняю Юлю из мыслей. Убедившись, что я больше не занята, художник секунду вспоминает, на чем он остановился. Я боюсь, что мои уходы от темы, ассоциации и посторонние мысли, должно быть, висят вокруг топором. Но такой уж сегодня день, что мне с этим поделаться? Схой хлэб эсть?..

- А решили мы заболеть, - как бы ни в чем ни бывало, вдруг вспоминает художник, - да. Вместе с Толиком мы после полигона пошли и дружно сдались в санчасть. Ну, это типа армейский госпиталь. Там было хорошо. Это на гражданке не любят больниц. А в армии – лучшее место. Нас кормили, разрешали спать, в общем, все было круто!.. Но, чтобы туда попасть, надо было предъявить докторам болезнь. Знаешь, я даже не пытался ее придумать, я честно сказал, что буду рисовать — портреты медсестричек и медицинские атласы... А Толик... Толик оказался талантливым... симулякром. В любое время суток он мог исполнить температуру 39 и 9. Причем, в любом месте своего тела.

- Перец? - спрашиваю я про средство, которым для симуляции температуры, как известно, натирают подмышки.

- Нет, что ты. Толик симулировал жар перекачиванием мощных мышц — реально мощных. Медсестра давала ему градусник, сразу несколько градусников, чтобы проверить. До конца, конечно, так никто и не верил, что Толик болел. У него рожка трескалась от здоровья. Куда обычно градусники вставляют? В рот, в задний проход и подмышку, да? Подмышкой он мне показывал — создавал жар волнением мышц. Я

тоже сначала не верил, что у него получится. Но, шут его знает, у него получалось... Во рту я не знаю, как он создавал, в заднице — тоже не видел. Но в нужный момент у Толика всюду оказывалась температура 39 и 9, и он продолжал болеть. Может, и правда, чем-нибудь мазался? Но не суть... Мы прожили с ним в медсанчасти полтора месяца или два. От меня там вообще ничего не требовалось, главное, надо было смирно лежать и хорошо есть. Кушайте, мальчики. Кушали мы там даже больше, чем надо. Скучно было, и мы еще ночью ходили до холодильника и съедали масло сливочное, что там вкусенького, сметану. И потом с утра мы возмущенно кричали: где наша едаааа! В результате я набрал 15 кг лишнего веса, и мы еще придумали развлечение — бегали после отбоя к зеркалу, смотрели, какие мы толстые, и смеялись. Но закончилось все печально. Я уже говорил, что через полгода учебки готовых специалистов расформируют по разным частям. Нас с Толиком тоже расформировали, дали нам новую форму и новый путь...

...Я представляю художника с Толиком и нежно думаю о своих и чужих. Старый и новый город Мертвой Долины разделял огромный пустырь, который в свою очередь пересекала на две неравные половины горная речка — та самая, что снесла дом свинского мальчика. Узкая и быстрая река, спускаясь с гор, текла по глубокому руслу, на самом его дне. Вода в реке была почти нефтяного цвета и теплая до противности. Над речкой висел мост, перейдя который ты условно попадал в старый город, хотя фактически до него было топать по солнцепеку еще полчаса. Но если знать, как сократить путь, мост можно было миновать, слегка промочив ноги, выбраться на глинистый холм, где росли дикие арбузы с цветами, похожими на орхидеи, оттуда надо было быстро пересечь солнечный пустырь по болотам и выйти через дыру в заборе музыкальной школы почти в самый центр старого города.

В новом городе, где мы жили, почти не было зелени и деревьев, кроме быстрорастущих ив у подъездов. Для озеленения мы сажали ивовые палки всем двором и потом всю весну бегом носились с ведрами, черпая воду из уличных бассейнов, нам очень хотелось, чтобы деревья не сдохли. Проходя же по пустырю в старый город, ты выныривал на роскошную тенистую аллею. Это была не просто аллея «класса-А», а еще с ретровым налетом, типа мест в толстовском поместье. На самом деле старая аллея редко шумела, потому что в СА почти не было ветра (кроме пыльной бури афганца). Но когда твоя голова просовывалась в забор музыкальной школы, первое, что ты слышал, придя со знойного пустыря, — шум листьев. Это была благодать, полный улет. Если бы не таджики. Мимо банд аборигенских тинейджеров нам редко удавалось просачиваться. Они знали наши пути. Горные люди.

Самое страшное, что у них было — большие дурные собаки,

лохматые как медведи. Самое страшно, что было у нас – ощущение, что тебя выкинули с фан-зоны. Аборигены были чужие люди, чужие, враждебные, не дававшие жить, следившие из-за углов и деревьев, мешавшие ходить по аллее и слушать шум свежих листьев и прохладные звоны арыка... Это грузило. Знаете.

Мне ни разу не пришло в голову, что чужие там — мы.

Они нападали на нас, и мы дрались. Они пинались совдеповскими ботинками. Наши польские кроссовки не давали таких пинков. Они травили нас собаками, и если нам не удавалось сбежать, лупили под бешенный лай, словно под музыку. У них в банде всегда был кто-то один, кто держал собак за ошейники — худой, но решительный. Сквозь пинки было страшновато, что он не удержит собак. Удерживал. Если нам удавалось сбежать, они обкидывали нас вдогонку глинистыми камнями. Они были яростны. Они сражались за родину.

Никто из нас не догадывался, идя в старый город, надеть эти хреновы совдеповские ботинки на кирпичной подошве.

Из организованных местных бандитов самым известным был Пир. Он сам себя называл Пиром и травил легенду про могучих ориентальных фараонов. Пир по-египетски – фараон. Фараон старого города травил легенду и пускал ее бежать впереди себя, и она бежала, как волны под корму Стенки Разина.

Как-то весной мы ходили в кино. Показывали что-то хорошее, типа Танцора Диска. Нельзя было не сходить. В кинозале, как правило, держалось бедное перемирие. Как дети цивилизации, мы держали его куда лучше и без мата терпели семечки, которыми нас заплевывали. В тот особенный показ, как обычно отряхиваясь после сеанса от семечной шелухи, мы вдруг узнали, что на нас идет Пир. Он не просто идет, а на нас. Откуда донесся этот достоверный массаж про Пира, фиг знает, толпа. Паника достигла апогея, едва мы вышли на дорогу и увидели, как закрываются магазины. Был поздний вечер, и для магазинов просто наступила пора закрываться, но нам казалось, что двери захлопываются у нас перед носом из-за нашествия Пира. Мы побежали.

Мы бежали быстро и долго, молча и слаженно. И вдруг, ни с того, ни с сего, на скорости завывания ветра в ушах, мне стало стремно. Мне расхотелось бежать. Возможно, в меня вселился демон Сократа, который, обернувшись внутренним голосом, по воле богов удерживал его от поступков. Я стала как столб посреди толпы. Кто-то толкался, хватал меня за руки и требовал убежать.

- Твоя мама Пир, - буркнула я.

Демон Сократа крепче цемента. Я не сдвинулась с места, пока со мной не поравнялся сам Пир. На удивление он оказался русским мальчиком, сыном какого-то химика. Он поравнялся со мной, поздоровался, и мы пошли рядом. Мальчик был увлечен восточной историей и стал тут же что-то рассказывать, без перехода, будто его

рот не закрывался с утра, а весь учебный год он виснул в библиотеке, так что переполнился информацией. Банды быстро соединились. Мы шли и слушали Пирские байки. Трансцендируя труса в своем «я», я вдруг вспомнила, кто из наших пустил панику...

Это стало моим личным приколом, я никому не рассказала о паникере. Я где-то читала, что у солдат, раненных в лобные доли мозга, пропадает способность абстрагироваться от ситуации и возникает повышенная тревожность. Возможно тех, кто пускает волну паники, тоже можно оправдать какой-то молекулярной дисфункцией...

Никто больше не мешал нам ходить по аллеям. А за лето мы выросли и вообще забыли, что нам нельзя где-то ходить. С тех пор, если кто-то говорит мне, что сейчас будет страшно, я знаю: он просто любит, когда все бегут. И это всегда кто-то один. И он не будет держать собак за ошейники...

Из забытого на столе телефона художника вдруг вырывается унылая музыка. Я нехотя вздрагиваю.

- Послушай, интересно! Это ты мне звонишь, - вглядываясь в экран, бормочет художник. Хмыкнув, он предъявляет мне доказательства, - видишь?

Я тоже хмыкаю, глядя на отобразившийся номер, и щупаю в кармане свой аппарат. Взбесились.

- Ну, ладно, давай дальше.

Мы умирняем свои телефоны, мистический осадок осыпается у меня внутри на стенки желудка. Синхронизмы Юнга или что-то из серии дурацких мыслей. Может быть, человек пришел на Землю, чтобы лежать на песке и дурацко фантазировать... Художник продолжает.

- Так вот, нас с Толиком разделили и отправили в разные части. После учебки ты не едешь сразу в часть, а попадаешь сначала в распределитель – такое место, где руководство решает, как с тобой быть. На вид это обычный полигон. Там временно живут те же солдаты, и большинство из них ждет отправления дальше, то есть, такой массовый зависон на общем пространстве. Делать там вообще не хер, поэтому все заняты воспитанием ближнего.

Художник чему-то смеется. Мне грустно. Иногда я представляю себя Терминатором. Хорошо, наверное, не иметь никаких чувств, не только на лице, но и в сердце. Биологи говорят, что все наши чувства — это перебежки молекул внутри организма, а осознание себя отдельной и уникальной личностью — это химическая реакция тех же молекул в тот момент, когда они поняли, что перебежать из одного человеческого организма в другой не могут. По ходу биологической мысли меня самой и нет вовсе. Утешает только то, что остальные уникальные личности — тоже всего лишь молекулы...

- В накопительном полку, - говорит художник, - обычно бывает по несколько национальных диаспор. Армянская, чеченская,

туркменская... Внутри себя они все очень дружно взаимодействуют и готовы противостоять любому, кому это не нравится, или тому, кто не нравится им. По правилам диаспор это нормально — бить вдесятером одного, но ооочень противного всем. Испытывать антипатию не запрещать. Впрочем, если постараться, то можно.

Зато вызвать антипатию легче легкого, - думаю я и вспоминаю, как ничтоже сумняшеся, эмигранты в СА ходили загорать на канал.

В Мертвой Долине мы ходили на природу в бикини, с полотенцами и разбавленным морсом в бутылке, чин чинарем. За этот стриптиз на опен-эйр местные бомбардировали нас с горы дикими черепахами. Черепахи легче камней. Но размером они с хорошую сковороду, и осадок остается похуже, чем от кухонно-бытовой неприязни. Черепахи живые и, врезавшись в твою плоть, смотрят глазами. Из темноты панциря черепаший взгляд кажется полным ненависти. Отбросив первый животный ужас и приглядевшись, ты понимаешь, что это всего лишь подобие апатичности. И это вообще засада, потому что черепаха все-таки существо, со своими желаниями врезаться в кого-нибудь или нет, но на ее личную волю забили. Синяк, как память общения с живым миром, расцветает на твоём теле по своему детерминизму, словно тоже живой.

Вообще-то, ходить на природу у местных означало только одно — искать себе кого-то чужого потрахаться, чтобы в родном кишлаке никто не осудил за развратное поведение. Мы знали об этом, но со своей цивилизованной высоты, презирали местные убеждения и традиции.

- Битье личностей, противных диаспорам, - говорит художник, не подозревая о моих черепаших раздумьях, - происходит всегда в пункте А. Например, тебя все время бьют позади одной и той же столовой, или за складом. Короче, постоянное место стрелки без лишних фантазий. Это само по себе уже рождает стратегию. А конфликт в твоём новом полку всегда так же прост, как везде. Как правило конфликт всегда случается из-за жрачки. Кто-то переел, кому-то не дали. Свой стол приходится защищать. Но, извините, я уже наголодался. Поэтому в распределителе после учебки, в пункте А я припасал кусок трубы...

Я прикидываю — если он припасал трубу, значит, уже побили, за столовой, из-за стола. И он, одыбав, потихоньку нашел кусок жести и, чтобы никто не видел, принес, возможно, ночью, к пункту А, где его били. Может быть, пуговицы еще валялись в траве, и в пыли капли крови. А из столовой доносились запахи макарон. Долго слушать про голод — не то же самое, что все время ходить голодным, несчастным и бороться за жизнь, но коллективным «заодно» по моим нервам проходит легкая дрожь, а по желудочным молекулам — тщетный и алчный спазм. Я надеюсь, что за разговором его не слышно.

- Диаспора покидает место обеда очень довольной, - говорит

художник, - она сыта и думает, ну щас мы этого урода за столовой примочим. На десерт. Но я достаю свой кусок трубы, и, когда они видят мои аргументы, затея теряет всякий смысл. Гормонов счастья нахалаяву не будет. Цена вопроса нелепо выросла. Шесть человек секунду думают, потом лица проясняются и говорят: ой, а чего это мы тут забыли, парни? И они сами гасят конфликт. Ну, а куда его развивать? От ржавчины убытки медленно заживают.

Можно собрать пуговицы. Твояматруба. Я вдруг представляю, как он прячет трубу аккуратно на место, садится на корточки, чувствуя задом голенища сапог и, щурясь на солнце, пальцами ищет в траве пуговики. Шесть человек идут прочь. Он один.

- Ни в одном коллективе не было такого, чтобы все тебе были рады, - художник удивленно смотрит на потолок, - наоборот.

Черт его знает, как это получается, - думаю я, и в моем горле встает банальный комок. Остаться одному против всех – в этом есть особая горечь. Хотя, по сути, никто не обещал, что на Земле будет сплошной песок и фантазии, и вечное утро скаута. Но почему каждый раз ты чувствуешь во всем этом предательство? Словно в некоем году, в некоем царстве мы все давали друг другу присягу: братья! Навек. Или я что-то путаю?

- Коллективы выталкивали, - говорит художник, - но при этом почти всегда, хоть и в малом количестве, находились люди, которые видели плюс в том, что я — блин, как это, — не такой как надо.

За стеной, откуда ни возмись, урчит умиротворяющая мелодия «Спокойной ночи». Я не сразу въезжаю в иронию, но потом усмехаюсь.

- Этим редким отдельным людям нравилось, что я не хочу жить в придурковатом режиме, выполнять вместе со всеми всю эту хрень, идиотизм, ну знаешь...

Он порядком смущен. Должно быть, он чувствует, что протест против идиотизма сам по себе тоже идиотизм. Его щеки розовеют. У идиотской борьбы только один исход — ты начал и уже проиграл. Это как бороться с гнездом диких ос — чем быстрее ты машешь руками, тем сильнее попадаешь впросак. Уже через пару секунд борьбы с дикими осами все, что ты видишь перед собой, — черный хаос, который заслоняет пространство. Чем ожесточенней ты отбиваешься, тем больше яду всаживают в тебя случайные жала. Это неуправляемо. Ты даже не успеваешь подумать, какого перца в тебя вцепились, и кто их расшевелил. Ты просто попадаешь в водоворот и уже не плывешь своим курсом, а только держишься на плаву, не соображая, что делать. Отправить мозг в бессознание и сделать послушным, можно гипнозом. А можно — голодом, жесткими тренировками и ущемлением плоти и духа.

Мелодия спокойки гаснет. Мы оба выходим из параллельных мыслей.

- Вот в этом я вижу позитивный момент: люди в армии находят друг друга по каким-то созвучным свойствам, - художник смотрит мимо

меня значительно и растерянно, словно открыл замысел божий.

- Вы с Толиком переписывались? - спрашиваю я. Художник не замечает подвоха.

- Нет, пара писем. Нас угнали по разным распределителям. Но то, о чем он писал, было тем же, что у меня. В промежутках у нас образовались новые друзья. У меня — армянин, который тоже ни фига не хотел маршировать, и посылал всех подальше.

- Пряма так и посылал?

- Даааа, - похоже, он и сам удивляется.

Смотря как посылать... В СА на последнем издыхании десятого класса в меня был влюблен мальчик (девочкам всегда кажется, что в них кто-то влюблен). Наши мамы дружили. Мальчика звали Колобок (не искажая фамилии). Он был старше нас и учился в Душанбе, приезжая домой в выходные. Он был правильный Колобок — большой и такой массивный, что казалось, что в тебя влюблен целый взвод. Всем своим взводом он сочинял дворовые песни и исполнял их густым монотонным голосом, не мигая глядя тебе в глаза и смачно бацая по гитаре. В одну субботу он не приехал домой и не позвонил. В общежитии сказали — уехал еще в пятницу. Его мама по пустякам не расслаблялась, за выходные она сделала генеральную уборку трех комнат, шкафов и балкона, высадила фенхель, пришила все пуговицы, какие были в доме, тройными рядами к пальто, и все время гоняла меня в ларек за сигаретами «Родопи».

Как оказалось через несколько дней, Колобка загребли в ментовку, когда он чапал домой от автобусной остановки. Поскольку он к тому времени был почти взрослым, на него хотели повесить нечто достойное его взводских размеров — шпионаж на заводе. Отстой и бред. В отделении мент вставил ему в рот пистолет. Но Колобок был дворовый певец, с пистолетом между зубов он выговорил: «Пошелна».левой рукой он схватил стул и раздолбасил его о стену. Его поддерживали в ментовке несколько дней.

Я знаю, что Колобок успел уехать из СА еще до войны. Это хорошо. Это значит, мы еще можем встретиться в этой жизни.

- Ты бы видела того армянина! - вырывает меня из мыслей художник.

У меня достаточно сил терпеть свою память. Значит, чужую, вообще без проблем.

- Он был мелкий, худой и все время кашлял! Как туберкулезник. Но внутри, - художник трясет кулаком, - арматура. Реально, он был готов умереть, ходить под расстрел, только не выполнять приказы. Железяка. И вот с этим арой нас привезли на аэродром...

- Летчик? - я тыкаю в художника пальцем.

- Нет, просто мне дали выбор: остаться после учебки патриотом

или распределиться в соцлагерь, за рубеж. Я подумал, что везде все равно одинаково, но из любопытства можно посмотреть другую страну. И я выбрал Чехословакию. Туда нужно было лететь самолетом, и нас привезли на аэродром. На аэродроме были... - он секунду думает, - грустные вещи.

Он произносит выражение «грустные вещи» серьезно, и от потуги не выдать чувства у меня стекленеют глаза.

- Под одним небом аэродрома стекались два ожидания. Те, кто уезжал служить дальше, ждали самолета. Те, кто собирался домой, тоже ждали — дембеля. Их почти отпустили. Такая фигня.

От ожидания худшего у меня екает сердце.

- Дембеля на аэродроме уже завоевали себе блатные права, так что на уровне солдат они могли вытворять все, что угодно. Офицерью на моральный облик отработанной армии было сильно на-ть, а отработанной армии уже настолько не хрена делать, что оставалось только сублимировать энергию напрасно убитых лет на салагах.

«Песок и задницы», - проносится у меня в голове. Вдохновение мщением. Почему-то мне представляются сморщенные дедовские лица из-под заломленных на затылок шапок. Целый ряд — на фотографии первым планом. А за ними — салаги, их щеки розовы и стыдливы.

Как много у человечества поводов для пререканий. Целая планета разных людей...

- А в чем же опять конфликт? - спрашивает художник.

Я пожимаю плечами. Мне даже не любопытно, я выбираю право не знать. Но его нарушают.

- Времени соображать у дембеля нет. Ему скоро домой, а хочется наверстать все, что он потерял за два года. Так что, время дембеля — золотое руно. Оно течет между пальцами и щекает рецепторы. Минута размышления упущенной драке подобна. Поэтому выбор темы для драки — прерогатива простой традиции. «У тебя есть, а у меня нет» — это вечная, железная схема конфликта. Дембеля просто забирают у салаг все, что попало.

Весело как, - думаю я. Действительно, анализировать каждый свой шаг — это долгий процесс, так никогда ничего не успеешь. Только китайцы настаивали на надеянии. Мы — не китайцы. Неожиданно я вспоминаю недавний Интернет бум. Школьник рассказывал в блоге, как он и его старшие друзьями разводили лоха, забирали у него мобильный. Школьник писал: «Лохам не положено с реальными мобилами ходить. Потому что у реальных пацанов беспантовые трубки, а у лохов реальные»... Я думаю о том, как имущественный мотив и с ним иже религиозный плавно вальсируют по истории, то один ведет, то второй.

- С этим нельзя ничего поделаться, - говорит художник, - этот сценарий заряжен теми, кто организывает...

Я вызывающе удивляюсь. Мне неприятны политические

обобщения. Но я понимаю, что требовать с художника имен, должностей и нашивок, такой же дохлый номер, как спрашивать у соседа, почему в РФ бедлам. Я смущенно чешу нос.

- Попад на аэродром, мы пришли в ужас. Нас начали раздевать, разбужать, отбирать запасы еды, и мы ничего не могли предпринять против этого. Хорошо, что на свете есть земляки. Однокоренные люди любят друг друга. Мой ара побегал и нашел компактное проживание армян. Про меня он сказал — мой брателла. Нас быстро покормили, нашли одеяла, спальные места и сказали на улицу не выходить. Ну и классно! Что я сам себе Мцири? Несколько дней сна в ограниченном пространстве мне было даже ништяк.

Когда в СА началась война, кто-то разобрал железнодорожное полотно, единственный оставшийся способ покинуть замкнутый театр сражений, - говорю я сама себе и пью водички из пластикового стаканчика.

- Может, чайку? - озабоченно спрашивает художник.

- Мммм, - я быстро трясу головой.

Весной 91го уже никто не сумел уехать.

Первая скинутая с моста машина и жертвы в самом начале военного конфликта случились сразу после моих первых студенческих каникул. Я уже полгода отучилась в России, и на каникулах приезжала в Азию проведать своих. В день, когда я возвращалась с каникул, объявили военное положение. В СА оставались:

Юля (из Волгограда)

Света (хохлушка)

Эдик (кореец)

Цыпа (армянин)

Валера (еврей)

Вася (полутаджик)

Юля (татарка)

Валя (бульбашка)

Рустам (казах)

Альбина (русская)

Виталик (абхазец) - погиб

Саша (русский) - погиб

V

Я люблю готику. Если я еду в метро, то слушаю Лакримозу. 4 песни, больше у меня не записано. Это патология, да?

Говорят, ничего не стоит на месте — либо худо-бедно идет прогресс, либо все рушится наф. 4 заслушанных трака — может быть, это здоровое стремление к нирване, где все, как известно застыло и ничего не меняется? Иногда мне кажется, что надо только час продержаться, и, когда через пару лет ты находишь себя все там же,

возникает довольно обидное чувство. Нирвана – мимо: те же поручни, тот же снег. Утешает только то, что история сделала 4 синаптических оборота вокруг оси. Ось — это я.

Как человек может видеть время? Только по переменам вокруг. Но если стрелки часов вдруг перестают успевать за событиями?.. Раньше группа типа «Кино», к примеру, появлялась раз в полстолетия, и это было значительным поворотом в общественной жизни. Но вот уже несколько лет, глядя на общественные тенденции, я уговариваю себя только час продержаться и не успеваю даже придерживаться. Очевидные вехи времени исчезают из виду, как остановки метро. От водоворота без остановок у меня возникает синдром непроизвольного придерживания. Я с удивлением наблюдаю, как огромное колесо культуры встает вверх ногами всего за какой-нибудь год. То, что было андеграундом становится массовым шоу, а рок превратился в попсу, не успела накладка расползтись по телу свободного поколения. Я не могу сказать, что мне не нравится скорость. Просто я оглядываюсь кругом, и все сливается в белый снег. Может быть, это связано с возрастом?

- Равви, белый - это цвет?

- Цвет.

- Ну какой же это цвет, равви! Смотри, здесь же нет цвета!.. А черный — это цвет?

- Цвет.

(сосед) - Ну я же говорю, что продал ему цветной телевизор!

Хомо популяция — от природы веселое существо. Ему хочется развлечений. Сначала веков у нас были забавы: саблезубые тигры, Везувий, холод и голод. Потом — инквизиция, чума и холера. Разбросаны по времени Иван Грозный, Сталин и Чингисхан — эти развлекли человечество надолго. Странно, что с ускорением культурного времени, хотя событий явно прибавилось, нам стало, кажется, досадно скучней. Спасаясь от унылой жизни, солдатики срочной службы по собственной воле вываливаются из окон или, связав шнурки от ботинок, прыгают с табуреток. Школьники, накачанные риталином, мочат товарищей из пистолета, наверное, тоже от скуки.

Во времена Сумасшедшего Ивана, сумасшествие, возможно, было оправдано: у самого царя не ловил канал СТС. Сегодня каждый может развлекаться, не выходя из гостиной. Вас это развлекает? Мне всегда было интересно, какие наклейки школьники лепят на щечки своих пистолетов.

- Ну и дальше, - подбадриваю я художника. По идее, журналисту главное, чтобы человек продолжал говорить. Даже если слушать уже не хочется. В своих проблемах разберешься потом. Думаете, почему Алисе в стране чудес удавалось перебираться на шахматную клетку дальше? Все же не потому, что она быстро бежала, а потому что не думала о лисьих хвостах. Чистый разум растворяется в происходящем и только так ему удастся воспарить по над клетками и дойти до

вражеской половины доски. Хочешь в дамки? Обрати внимание на фигуры и, как Скарлет О'Хара, скажи себе: «Я подумаю об этом после». Жаль, что у меня это получается не всегда...

- Ну, в общем, перетусовались мы с армянином на военном аэродроме, - голос художника возвращает меня в реальность, - не помню, делал ли я что-то полезное для своего друга ары, но вот он меня спас. Одинокий командос в части не воин. В одиночку салаге трудно удержать свою корочку хлеба. Салага еще даже не понял, что ему защищать – честь, хлеб или конституцию. Такая путаница ослабляет мотивы борьбы. У стариков, наоборот, все отлажено. У них за плечами сам дух системы. К дембелю у солдата завершается перезагрузка понятий. Мир становится ясен как пень.

Я быстро машу ресницами. Я много раз слышала: «Армия, может и плохо, но меня она сделала человеком. Я понял жизнь». Возможно, это как раз то, о чем хочет сказать художник. Хотя, мне бы хотелось услышать от творческого человека какие-то новые мысли.

- Да, старики вдруг понимают, в чем справедливость, - говорит художник, словно только что это придумал, - в дембеля проникает Единый Интуитивный Образ Порядка. И все, у матросов больше не возникает вопросов. Отъем хлеба у салаги, например, происходит быстро, машинально и без осечек, как и было обещано высшим разумом. И тогда дембельнутая душа попадает в рай... Слушай, че там шахидок натаскивают? В армию всех. Вот религия.

- Погоди, - говорю я, напрягаясь, - при чем тут религия, при чем матросы? Шахиды тусят в своей узкой концепции, и они как бы не наводятся на своих... Разве при всем прочем у них есть дедовщина? Шахидки же типа готики – прикид, аккорды, все в рамках течения. Просто другая творческая среда, и...

- И фигли?! - художник, похоже, злится, - где разница между этим течением и срочной армией? Я же говорю в принципе —про формирование у граждан условных рефлексов... Ты когда-нибудь думала о том, чем похожи любые общества?

- Членами, - говорю я, но художник пропускает мимо ушей мою мудрость.

- Любое сообщество формирует у своих последователей единый рефлекс, дружную реакцию, похожие взгляды. Это все равно, как расчертить каждую личность на одинаковые клетки. Шахидку, деда или малого предпринимателя ты хочешь в итоге получить, разницы нет. На готовую сетку заданных мозгу координат ложится любая идейная линия. Остается только однажды крикнуть: ура, все дерьмо, какое есть у тебя в голове — это дэцл, реальная вещь, молодец! Харэ валять дурака, вот тебе шашка счастья, иди и кляй по сабжу. Да, и разошли эту тему 15ти человекам, ты — мазовая телка. Я в восхищении...

Я втягиваю голову в плечи. Художник прищуривается. Очевидно, Интуитивный Образ Порядка и Единый рефлекс — это то, что трудно

понять с полпинка. Я надеюсь, что он объяснит.

- Ну вот, скажи, что человеку надо для счастья? - спрашивает он, - ну, там, чтобы сбылись все мечты?..

О, это просто. Это почти как курица и яйцо.

- Деньги, - говорю я и тут же понимаю, что лопухнулась.

- Фигу не хочешь? Мне вот платят, а я что-то гением не становлюсь.

- Странно, - ворчу я, - а тебе платят не по знакомству? - я краснею, потому что знаю, что для друзей он рисует бесплатно.

- Ага! Я во сне, знаешь, какие картины пишу, - художник не смущается и взмахивает компьютерной мышью, - вообще гениальные.

Я слышала анекдот, как один парень во сне сочинил хит. Испугавшись, что ноты вылетят из головы, он поднялся и записал мелодию. Утром он прочел на бумажке «ла-ла-ла-ла».

- А знаешь, почему во сне так легко становиться гением?.. Сны – это чисто моя территория, и там я по-жизни прав. Наяву, как в армии, нет своей территории. Здесь общаг. Мои личные идеалы могут не покатыть. Один скажет «дерьмо», второй напишет плохую рецензию... Я растерян и подавлен...

- Ты ж профессионал.

- В том-то и дело. Это значит, что однажды мне захотелось кредита доверия и одобрения окружающих, и я удержал себя от возможных гениальных прорывов, чтобы то, что я делаю, понравилось всем. Когда я сажусь работать, я знаю, что любую личную точку зрения можно разбить в три хаха. И я просто выполняю заказ. Я ж профессионал. Мне платят, чтобы я торчал в этой линии – пахать, и не пачкать общее поле своими прорывами.

- Нас делают профи, чтобы мы не стали Гогенами? – догадываюсь я.

- Не дай бог!

- А как же он стал?

- Да черт его знает! Типа, наверное, круто верил в свои сны и был готов, если что, выдержать на 200% больше публичного позора, чем остальные. Но лучшее средство против Гогена – вообще не видеть никаких снов. Кроме общих.

Я недоверчиво хмурюсь.

- Ты пойми. Отчего у человека вдруг вырастают крылья, он прорывается вверх и из В.Пупкина становится П.Гогеном?

- Ну... там, любовь, первые презервативы... - говорю я и пытаюсь сообразить, существовали ли уже противозачаточные средства в период взлета пленэристов в Париже.

Художник мрачно взирает на меня исподлобья и спрашивает:

- Ладно. А когда любовь, что ты чаще всего слышишь?

- Ангелов.

- Птьфу!

Я делаю вторую попытку. Правда, мне не хочется думать на эту тему.

- Слышу от кого? - уточняю я.

- А кого чаще слушаешь?

- Черт! Ты можешь объяснить без гогеновских заморочек?! – восклицаю я и чувствую, что устала думать, - я слышу «бэби», «зайка», «сердце мое», «секси чик»...

Художник задирает палец.

- Вот! Ты – Гоген!.. Не ржи, пожалуйста. Всякий прорыв начинается с помазанья победой, с восхищения и одобрения. Майн херц садится на коня и объезжает дозором свою территорию.

- В смысле???

- «Наша армия (банд-формирование/училище/квартет сволочей/мое «я» - нужное обвести), она лучшая в мире! У нас такие длинные ноги! Пышная грудь! А наша походка! Она поставит раком всех пороссячьих неверных от субтропиков до вечной мерзлоты и обратно! Скачите за мной, зайки мои!»...

Художник смотрит победоносно. Я вспоминаю, что по сообщениям экспертов в первый год войны в Ираке покончило самоубийством больше 20 американских солдат. В армию тогда срочно мобилизовали группу военных психологов. Поработав с солдатами, психологи заключили, что боевой дух современного воина, в первую очередь, зависит от еды и сапог, во вторую — от СМИ и победы. Мне говорили, что солдат в Ираке кормили отлично. Возможно, им присылали слишком много газет, настроенных против данной конкретной войны. Я задумываюсь. Я вспоминаю моральный дух голубого Питера и журналистское расследование о торговле невинными курсантами по Интернету. Идея практичного использования армии в мирное время, наверное, тоже часть Единого Интуитивного Порядка. В таком случае, становится ясно, почему военных людей устраивало, что чьи-то дети будут жить на бабло от продажи других детей. Я смущаюсь и запутываюсь окончательно.

- Почему ты назвал армию религией?

Художник смотрит, словно забыл. Иногда легко утратить истину.

- Не знаю, что угодно. Просто и в армии, и в религии есть тело и есть дух. Есть также адепты. Когда твой желудок пуст, задница в аду и подступает враг, зублудшую душу спасает только майн херц... Сотвори себе генерала в сердце своем.

Я смущаюсь повторно. Я вспоминаю, как мой закардонный ангел однажды спросил, почему русские не могут жить без тирана. Кажется, только сейчас я понимаю, что нужно было ответить: «Единый Интуитивный Образ Порядка».

- А вы придумали овечку Долли, - ответила я ангелу по незнанке. Тогда ангел сказал, что непорочные опыты профессора Вилмута в стерильной лаборатории больше похожи на акт божественного

творения, чем секс на влажных простынях.

Таким образом, если представить государственную армию законным плодом мира, затраханного войной, а шахидку – искусственным творением недотраханного мира, то кто из них будет божественней? От шахидки хотя бы не скрывают высшей цели ее коротенькой жизни – взорвать и погибнуть. Кроме того, ее беспрестанно брызгают во имя ее бога Аллаха и дают, чем прикрыться от посторонних глаз, так что с моральным духом шахидки, похоже, все в порядке. Как с этим обстоит в срочной армии я так и не смогла разобраться.

- И что? – я незаметно вздыхаю и каюсь: во время работы я не думаю о душе. Это правило.

Художник рассеянно обводит глазами мастерскую.

- Ну... И, как до этого было с другом Толиком, нас с арой с аэродрома развезли по разным местам.

- А, - говорю я и снова вздыхаю.

- Мы больше не виделись с арой, - говорит художник, - и не могли друг другу помочь. Моим первым впечатлением от новой казармы было - 70% кавказских лиц. И ни одно не знает, что я аре родной брат...

Я киваю.

Приехав в Мертвую Долину в свой последний трип, на зимних каникулах, я удивилась, сколько в аборигении стало аборигенов. Говорили, что они постепенно спустились с гор в пустеющие города. Наверное, так и было. Из Азии к тому времени уже уехали умные эмигранты. Напоследок, накануне близкой войны эмигранты смели весь импорт «из-под полы», включая прилавки отдаленных сельпо, упаковали ценности и, не срезая ярлычков, отправили вагонами в Россию. Местные говорили: «Умные уедут с контейнерами, дураки с чемоданами, остальные останутся здесь».

Умные на тот момент, действительно, поняли, что ловить в СА больше нечего, и ушли по-английски.

И наступил дефицит.

Про картошку я уже говорила — ее там никогда в достатке не урождалось. Нехорошо было также с кофе. В периоды ветра афганца эмигранты, больные низким давлением обычно оттягивались напитком с цикорием. Во время бурь — про магнитные тогда не знали, но все же — гипертоники ходили по стенам. Атмосферы резко подскакивали и черепа страдальцев разрывались от жутких болей. На последних стадиях национального конфликта цикорий тоже пропал. Исчезло все, даже местные урожаи. Чай был. Но на пачке было написано «Чой». И состав давали без перевода, типа документов в суде. Так что неизвестно, что пили. Эмигрантам, которые еще не репатриировались на родину, угрожали на улицах, в магазинах их отказывались

обслуживать. За хлебом можно было простоять у пустого прилавка час.

Один национал (кроме всеобщепотребительного и понятного сленга «зверьки» эмигранты называли местных «националы»). Назвать местного зверьком — это примерно, как африканцу заявить, что он негр. «Национал» — это вежливый факт, как напомнить негру о том, что он черный). Так вот, один национал, хороший и преданный друг нашей семейной тусовки, которого позже, во время войны прямо с младшим сыном на руках расстреляли односельчане, был директором мясокомбината. Это был неправильный зверек. Его голова в отличие от остальных местных голов была круглой, и это его печалило. Вместо тубетейки, которая хорошо держится на черепе национальной квадратной формы, нашему другу приходилось носить европейскую шляпу-соломку. «Пичеловод», - называл он сам себя, обреченно глядя в зеркало, - лицо пошире головы». Обсуждая его голову в наши беспечные времена до войны, кстати, мы узнали, почему остальные националы — квадратные. По традиции местные младенческие люльки застилают тонким-тонким матрасиком с дыркой для испражнений, якобы чтобы не вынимать ребенка по пустякам. От долгого лежания на плоской поверхности затылок младенца приобретает нормальную квадратную форму. Мама же нашего друга не держала его в люльке, она его все время «Жалела» и носила на руках... Так вот, накануне войны, забегая к нам в гости, он рассказывал, что работники его мясокомбината в волне всеобщего разброда почти разграбили предприятие. В графе прихода бухгалтер писал «Бик, 1 штук». В графе расхода: «Пришёл, ушёл и больше не вернулся».

Моей маме тогда был заказ — рисовать этикетки для кооперативных консервов. Моя мама — тоже художник. По кооперативному заказу она рисовала огурцы, кабачки и варенье... В названиях она делала грубые грамматические ошибки. То есть, она надеялась, что они были грубые. На самом деле, никто не знал. Местные почти не владели родным литературным языком, а разговорный, говорят, настолько сильно отличался от литературного, что даже сравнить их было нельзя. По той же причине местные не могли читать книжек (во времена российского культа букинистов, когда книг совсем не было, в СА свободно валялись популярные шедевры типа Фейхтвангера и Дюма — в литературном переводе. Русские варианты перевода, правда, расхватывали коробками). Передачи по телеку местные тоже не могли понимать и смотрели на русском. В преддверии военного конфликта каналы почему-то стали ловить передачи из Индии и Афганистана (дикторы, все как один, похожи на Ладена, я вам скажу. Так что вполне может быть, что он и не миф совсем, а даже наоборот).

Но все равно, наш дефицит был не полным. Когда в СА еще можно было более или менее сносно жить, у наших афганских соседей через границу уже не было даже пуговиц. Афганцы и наши, жившие у

границы, дружили домами. Наши ходили своими тропами в Афган и меняли там на деньги алюминиевые ложки и пуговики. При таком раскладе, не знаю, в какой момент тот конфликт, стал реально национальным. Равви, белое — цвет?..

Художник продолжает.

- Да. Русских в части почти не было. Ну и... Как ты догадываешься, большинство и меньшинство по любому полярны. Стадо баранов, один пастух. Куча металлистов, и вдруг у одного из кармашка несется рэп... Еще одна противоположность: народ - президент. Ну, понимаешь... Разногласий не будет только при очень умелом менеджменте. В армии же большинство непременно станет в едином порыве издеваться над меньшинством. Особенно хорошо получается, если меньшинство еще и салага. В общем, в первый же день в той новой казарме я разбил чью-то голову табуреткой.

Художник виновато опускает плечи.

- У меня выхода не было.

Методы провокации хорошо описаны у Дмитрия Быкова в Оправдании. Думаю, они так же постоянны и незатейливы, как блудливость царя Соломона, у которого было семьсот жен и триста наложниц. По крайней мере, женщин мужчины достают всегда одинаково.

- А на следующее утро меня разбудили в шесть часов собирать бумажки.

- За табуретку?

- Ну да.

- Ужас.

- И так же, как в учебке, в части, тех, кто хватал табуретки, изводили административно. Так что, если возникала какая-то гадостная работа, то на нее срочно отправляли меня.

Кхм, - думаю я. Были столыпинские реформы. Табуреточных еще не было.

- С администрацией бодаться пробовал? - без надежды бурчу я и тут же сую нос в пакет с чипсами.

Оттуда я слышу, что художник молчит. У него пауза. Я понимаю.

Как вы, наверное, заметили, у меня разработан собственный зыбкий образ идеального журналиста. И первое, чего он не должен делать — самовыражаться в вопросах. Это, конечно, идеал, но я и в деда мороза верю. Надеюсь, тут никто не станет кричать, что Санта-Клаус — подстилка Гренландская. Хотя, и журналист, и Святой Клав, несомненно, похожи: а) никто не знает, на кого они оба реально работают; б) редким людям удастся вступить с ними в личную переписку; в) и тот, и другой лучше всего проявляются в режиме дэд-лайн.

- Слушай! Я забыл сказать! - наконец оживляется художник.

Я оживляюсь тоже.

- Что ты забыл сказать?

Художник хмурится.

- После госпиталя, где мы валялись с Толиком, я потерял форму.

Чему тут хмуриться, - думаю я. Нет формы, ее не смогут отнять.

- Ну, я стал весить на 15 кг больше, чем надо.

Все же лучше, чем голод, - думаю я.

Те, кто не смог уехать и пересидел гражданскую войну в СА, в дни, когда кончились немногочисленные запасы, ели муку с водой. Это не была знаменитая болтанка блокадного Ленинграда. В СА во время блокады пекли что-то похожее на мацу – из воды и комбикорма. В первые месяцы войны, когда ближайшие магазины уже разбили и разграбили, жители, знающие адреса ломанулись на брошенные склады. Но этого не хватило. Мало кто всерьез ожидал голода и разрухи в конце 20го века, поэтому запасы у людей были чисто случайными – то, что оставалось дома. Позже на окраину города раз в неделю стали привозить хлеб. Его возили для заключенных. Местная тюрьма в старом городе была открыта и распущена, но часть эзков добровольно осталась на зоне. Их почему-то кто-то кормил. Из столицы в наш город приезжал БТР с хлебом на борту. К эзковскому БТРу сбегался весь город и его гости. Говорят, что с гор приходили кошевары боевиков. Когда хлеб начинал заканчиваться, кошевары стреляли и брали без очереди. Мирным жителям было сложнее – кому-то от уцелевшей семьи нужно было пройти огонь, очередь и медные трубы, чтобы получить или не получить буханку – на семью, на неделю. Отца семейства могли отвести в сторонку и грохнуть. Женщинам тогда было опасно везде. У одной моей знакомой, пересидевшей блокаду в Мертвой Долине, осталась привычка есть манку. Она просит ее даже в гостях после тусовочного обеда. Она просит насыпать ей в ложку манку, смотрит, не осталось ли на столе крошек, потом кладет крупу в рот, подставляя ладошку, и долго жует. Говорит, что нет ничего вкуснее.

Те, кому в блокаду не досталось ни склада, ни хлеба, ни манки, мололи семена от веников. Но оказалось, что семена веников ядовиты. Говорят, от вениковых лепешек умерло много народу...

Художник уныло и как-то виновато вздыхает.

- В наш госпитальный период мы с Толиком лежали, жрали, жрали, лежали, - говорит он, - мы же изображали больных. А когда я встал и вышел на улицу, ёлы! Предынфарктное состояние. Через каждые пять минут у меня кружились мозги и терялось сознание. Перед встречей с новыми испытаниями я не успел поправить здоровье. Сердце не выдерживало вертикального положения. Ну, как космонавты в космосе ослабевают...

- Вас случайно в госпитале не накачали таблетками? – спрашиваю я, - одна моя знакомая говорила, что ей пытались в гражданской больнице какую-то экспериментальную хрень совать...

- Не знаю. Но в виду положения дел я быстро вспомнил о рисовании.

...Я киваю. В смысле моральных убытков, при любом положении дел труднее всего бездействие — ждать и знать, что от тебя ничего не зависит. В любой оккупации автоматически случается ограничение на работу. Я не имею в виду механические действия типа — натаскать в арык старых тумбочек, чтобы развести костер, представляя, что у тебя барбекю, отдыхаем, ребята, печем лепешки... Я о привычной деятельности — от звонка до звонка или кто как устроился. Оккупация в отличие от мирного времени похожа на то, что тебя уволили. Ура, пенсия. С одной стороны, вокруг все такие же, как ты, безработные, и тебе больше не надо надевать скюртук с перламутровыми пуговицами, чтобы успешно провести переговоры. Все, чтоб тебе нужно для жизни, это догнать БТР и не погибнуть в очереди за хлебом. Первое время это может даже развлечь. Отключили электричество, хлопнули училку, учебники истории пошли на дрова. Не надо гладить, стричь ногти, прошивать мобилу и посылать прочие сигналы социальной коммуникации в окружающее пространство. С другой стороны, не многие из нас осознанно выбирают путь маргинала. Думаю, после разжалования мечутся даже ангелы...

- Я искал спасения в творчестве, - задумчиво продолжает художник, и мы оба демонически улыбаемся.

Мы оба знаем, что бездействие могут перенести только Гогены...

- Я предлагался как зеленая девка — где только можно. Стенгазеты рисовать выпрашивал... Когда у тебя даже нет своего места на обочине Москва-Шереметьево, будешь просто шататься по городу, где повезет...

...И я снова киваю. В СА мы дружили с одной хохляцкой семьей. Это была супер-красивая пара с кучей детей и родни. Отец семьи — один из управленцев завода, в свободное время работал горным спасателем. Он был альпинистом. Когда некого было спасать в настоящих горах, он тренировал свою команду лазать по отвесным поверхностям в галошах (для ледников лучшая обувь, по пятиэтажкам, говорят, не удобно). К периоду сгущения национальных туч в Средней Азии большинство из команды спасателей уже разъехались по России, но по какому-то особому радио-звонку они слетались, таща свое снаряжение, и вместе ползли на какую-нибудь кручу Памира доставать из расщелины полуживых горных любителей (или по кускам). Фамилия этого спасателя была Петлюра. Энергичный человек. У жены Петлюры

был младший брат — разгильдяй и жуан. Он занимался ничем. В свободное время он совершенствовал эксклюзивный метод пикапа. Он знакомился с девушкой и говорил ей, что месяц назад защитил диплом экстрасенса. Он окидывал жертву загадочным взглядом участкового терапевта и дожидался, когда она перестанет стесняться своих проблем. Если девушка попадалась жалостливая, парень просил, чтобы она разрешила ему попрактиковать на ней экстрасенсизм. Если попадалась черпанувшая горя — дарил ей надежду на разрешение сложностей. Мне он просто предложил: «Давай я тебе массаж головы сделаю».

После того, как было объявлено военное предупреждение, и в воздухе Мертвой Долины зависла печаль, Петлюра начал отправлять свою семью на родину по частям. Он быстро распределил членов по возрасту и за каждым закрепил по контейнеру с добром. Семьи было много и, несмотря на энергию Петлюры, не все смогли благополучно уехать до резни и обстрелов. Петлюра помогал эвакуировать и семьи друзей. Мою мать, например, они вывезли практически без ее согласия, насильно всучив ей билеты в Россию и в пять минут вытащив интерьеры квартиры прямо в подогнанный к подъезду контейнер. Брат Петлюрской жены, экстрасенс и пикапер, выехал одним из последних и застрял по дороге. Закрепленное за ним петлюровское добро прицепили к случайному поезду — в любом случае, все поезда тогда шли наружу. Экстрасенс ехал внутри товарного вагона сопровождающим. С собой у него были консервы. Вечером первого дня он послал подальше бригадиров, собиравших с вагонов дань, поужинал и лег спать. Он проснулся ночью оттого, что поезд стоит, и ложка не стучит о банку консервов. Жуан открыл вагон. Светила луна. Степь была тиха и покойна. Вагон с петлюровским добром мирно стоял посреди дикой природы. Остального поезда не было. Впереди на многие метры простиралось разобранное железнодорожное полотно.

Посидев до утра на измене, жуан бросил добро и поплелся по степи предлагать свои экстрасенсорные способности боевикам...

- Артиллерийской батареей, к которой меня приставили в новой части, - продолжает художник, - руководил русский. Начальство батарееи это обычно несколько офицеров и командир в звании капитана или старшего лейтенанта. Наш главный артиллерист оказался нормальный мужик. Искусство было ему дорого. Он сказал мне: ага, давай, газеты рисуй. Он приветствовал мой талант во имя общего блага. Но коллектив решил, что я стукач.

Где связь?

- Ну, еще говорили, что я просто кошу от нормальной работы. Это для товарищей, наверное, было самым обидным. На полгода мне объявили бойкот.

Бойкот. Экономико-политический термин из детского лексикона.

Я прикидываю, что он значит в условиях боя. До атаки, скажем, осталось 15 минут, солдаты несутся окапываться, а тут Бабель с записной книжкой. И никто не хочет его даже на х.. послать.

- Кроме того, мне опять не оставляли еду...

Возможно, Фрейд ошибался по поводу основного инстинкта. Человеком армейским руководит запах столовой...

- В небольшом помещении, где мы жили, стояли двухэтажные кровати, всего на 37 человек. Каждый вечер в мою кровать выливали ведро воды.

Я мысленно рыдаю, вспоминая бесцельно потраченную в пионерские годы зубную пасту. Художник реагирует на мой внутренний смех. Он разевает варежку и гогочет.

- Да, бить человека можно, но только того, который не даст в ответ. Если тебе в рожу сунут взаимно, ну, не приятно, в принципе. Но обмочить постель — это дело коллективное, я же не буду в ответ 36 ведер таскать... Ладно. Вопрос питания я по привычке решил с поварами. С местом, где спать... По-разному. Иногда у меня была такая работа, что я мог ночевать под своими картинами, в мастерской. Когда не было такой работы, я шел к знакомым и кланчил у них матрас. Художнику клиенты не жмотились. У меня не было, конечно, официального статуса Ника Сафронова, просто появлялись любители, которым моя работа была нужна. Обычно они договаривались с моим руководством и брали мою рабочую силу к себе.

... В СА был приколы. Там собирали хлопок. В разгар хлопкосбора — сентябрь, октябрь — ГАИ обычно выходило на большие дороги и тормозило в полях рейсовые автобусы. Большие дороги, например, из городов в столицу, шли через горы и местами — через хлопковые поля. Захававшись в кустах, менты тормозили автобус, выгружали пассажиров и раздавали им мешки для сбора — хэбэшные фартуки в виде огромных карманов, которые сборщики привязывали на талию и наполняли хлопком, пока фартуки не станут толстым, как тюфяк. В принципе, мягкой и объемной хлопковой ватой мешок можно набить достаточно быстро, но менты называли весовую норму, которую пассажирам надо было собрать: по 20 кг каждый или не едем дальше. 20 кг ваты в мешок — это не один час работы. В сезон хлопкосбора такие остановки были большой засадой для тех, кто хотел попасть на самолет в столичный аэропорт. Путешественникам приходилось выезжать за сутки до регистрации на случай автобусного наряда. Почему возникал такой ажиотаж по поводу этого хлопка? Максимум, куда он шел — на обшивку самолетов. Но всех жителей: и местных, и квалифицированных работников производств, и школьников, и студентов — на два месяца свозили в поля. Невыход считался прогулом и поводом для мелких и больших репрессий. Ради экпириенса я несколько раз ездила. Потом сказала, что у меня аллергия на

кукурузники. Наверное, это была интуиция будущего работника масс-медиа. Дело в том, что летавшие сверху кукурузники распыляли над полями и школьниками специальный химический состав, от которого с хлопковых кустов для удобства сбора падали листья. Аналогичную фигню, как я узнала позже, использовали во время Вьетнамской войны. Чтобы от тропической зелени ничего не осталось, и лес стал прозрачным, фигней посыпали влажные леса, где прятались вьетнамские партизаны. Удобрение привозили в ящиках с оранжевой полосой. От оранжевой полосы пошло кодовое название фигни — «оранжевый агент». Агент оранж вызывал в живых организмах генные изменения. После войны многие маленькие вьетнамцы в местах, посыпанных агентом оранжем, рождались уродцами.

Аналог агента оранжа, который распыляли на хлопкосбров в СА, называется дефолиант бутифос. Если вывалить это вещество из бочки на землю, земля превращается в пепел и полвека не плодоносит. Дефолианты в 80-е годы производили в Волгограде. Я не в курсе, какой полосой была помечена тара бутифоса. Но мои одноклассники ни разу не объявляли мне бойкот за закос от работы.

Художник улыбается.

- А потом у меня появилась своя незаконная мастерская. Я сам ее сделал. Типа как цыгане самовольно подключаются к электросетям. Я нашел невостребованное помещение, подрисовал его и подкрасил. Я там работал, пока наш замполит не прочухал, что на территории части есть лишняя комната, а он и не знал. Он выгнал меня и поставил в мою мастерскую циркулярную пилу. Но, ты же знаешь моду – нанимать служащих с готовой клиентской базой? Так вот, выгоняют тоже с ней. Меня выгнали, а клиенты у меня все равно остались. Они покупали меня, а не мастерскую.

- За тебя кому-то платили?

- Бартер. Офицер с офицером говорит: мне нужна кисточка и лучше с парнем, который умеет ее держать. Ты мне кисточку, а я тебе тоже что-нибудь хорошее подгоню.

- А! - говорю я.

Я вспомнила, что однажды тоже была художником. На ювелирной фабрике. Директор забирал себе авторские права, но макет изделия разрешал сбывать, как заблагорассудится. Для сбывания ювелирных макетов у нас, у художников, было особое место, оно называлось «круг», типа Арбата, где облопошивают иностранцев. Иностранцам, приходившим на круг, продавали местные ценности, кому что. Японцы бойко покупали девчонок. Днем обычно работали две девчонки, с одним котом и водителем. Кот оставался на месте, а машина с японцем и купленной девочкой уезжала и возвращалась на круг через пять минут. Это не шутка Куваева, просто Япония страна самураев. Японцы и комиксы читают со скоростью 8 страниц в секунду.

- Моя работа была нужна, - совершенно без гордости говорит

художник, - поэтому те, кто меня покупал, создавали условия.

Электорат–Художник–Власть – три неизменных сословия при любой социальной формации.

- В общем, я жил за счет спонсоров. При этом коллектив продолжал считать, что я плохой. Знаешь, как черный пиар работает?

Теоретически я даже знаю, как с ним бороться, - не без пафоса думаю я. Практически работала только в одну сторону.

- Доказать своим товарищам, что я хороший, было без мазы.

- Ты пробовал? - я все-таки сука.

Художник хлопает глазами. Я решаю, что сейчас он схватит меня за грудки и заорет: ты в армию хххходилааа?.. Вот и утухни.

Но ничего такого не происходит. Иногда, переборщив в нехороших фантазиях по поводу ближнего, удастся испытать к человеку нечеловеческую благодарность. Вместо того, чтобы надавать мне в челюсть, художник дальше открывает мне мужской ад.

- Нет, я не пробовал. Но через некоторое время вышла смешная ситуация. Ребята, которые уже собирались домой достали где-то травы и сидели, дергали прямо в казарме. По ходу у них возник творческий замысел, что меня надо все-таки хорошенько побить. Они разбудили меня после полуночи и дали понять, что сейчас будут наказывать. Но так как ребята были под кайфом, мне не приходилось даже очень замахиваться, они сами попадали. Когда они попадали и немножко повалялись, то постепенно пришли в тему. В казарме никто не спал. Все лежали на подушках и смотрели, как ребята тихо ползают по полу. Ребят было человек шесть. Когда они поднялись, то мне, разуется, врезали. Я сделал вид, что фа-фа-фа, ой-ой-ой...

...Говорят, проигрывать нужно достойно, - думаю я. С нашей стороны у афганской границы пролегал район Пяндж. Граница проходила по реке с местным названием Пархарка. Однажды ночью там было землетрясение, и, по слухам, русло речки Пархарки сместилось, на метр урезав афганскую территорию. Рано утром афганцы начали наступление на нашу родину. Об этом, как и многом, что случилось в СА, не писали в газетах. Наверное, будь я правительством, я бы тоже не писала, чтобы не сеять панику в населении. В конце концов, граница на то и существует, чтобы всех защищать. Но драматизм пограничного конфликта заключался в том, что нападение случилось в утро субботы. То есть только-только еле-еле закончился вечер пятницы, и впереди у пограничников, как и у всех нормальных людей в стране было целых два выходных, чтобы выспаться и протрезветь. Рассказывали, что первым в части отличил головную боль от взрывов командир погранцовой дивизии. Командир вообще не отличался хорошим характером. Рассказывали, что он выигрывал проливные бои, сажая вертолеты прямо на пулеметные установки противника, отчего противник фигел, и сдавался. Утром, после того, как сместилась речка

Пархарка, он вскочил злой и почему-то не стал ждать приказа, чтобы выяснить, как наше государство собирается реагировать на нападение. Вечеринка продолжается, - закричала армия и радостно зарядила, а потом разрядила орудия. По-моему, если что-то и нужно делать достойно, так это выигрывать.

- Мне врезали, - продолжает художник, - но как именно началось мое наказание, все видели. Через неделю эти шесть ребят, которые до того, как меня побить, полчаса ползали под кроватями, уехали домой. Должна была произойти передача власти. В армии сержант — не то же самое, что в учебке. Я, скажем, пришел в часть в звании сержанта, но тем не менее, был на низшей ступени развития. В части все определяется сроком службы. Дедами должны были стать ребята, которые жили в полку на полгода дольше, чем остальные. В деле армейского руководства ценится именно срок пребывания в данной конкретной местности. Если в последний месяц службы тебя перевели, будь ты хоть трижды дед, в новой казарме ты ни фиги не значишь. Ты вроде как без клиентской базы и в сложившемся коллективе никому не уперся. Выработалась система выживания именно в этих условиях. Ты научился выживать в каких-то других, вот и вали.

Я дергаю ногой. Гений это тот, кто умеет все. У меня был знакомый фрилансер, который классно писал о кошках. Однажды его попросили сравнить с кошками знаменитых актрис — одна порода, одна топ-звезда. Фрилансер просидел над статьей две недели и сказал, что про кошек у него получается, а про звезд нет. Дописывать про актрис просили меня. Методистам образования давно известно, что узкая специализация ведет к деградации. Если человек рубит только в кошках, он всегда остро нуждается в ком-то другом и его легко, например, обмануть на выборах...

- Узкие спецы — это удобно в стаде, - говорю я, с деланной печалью демонстрируя интеллект.

- Да, - соглашается художник, - может быть. Так вот, ребята, которые должны были взять эстафету, почему-то затормозили. Старые деды уехали, новые не смогли круто рулить. Целую неделю все сидели, и никто ничего не делал. Все просто сидели в казарме. Никто не руководил, никто не подчинялся. Как оказалось, это тоже плохая ситуация. Не скажу, что хуже дедовщины, но невозможно даже сходить покушать.

- Как так?

- В столовую хорошие солдаты отправляются строем, - художник выразительно смотрит и, не дождавшись, когда я все пойму, объясняет, - чтобы из солдат получился красивый строй, кто-то должен вовремя подняться с кровати и доходчиво отмахнуть: так, построились нах, погнали жрать. Но такого организатора с нами не было. И вот целую неделю мы ждали мессию. Мы были голодные, и все ждали и ждали. По

одному в столовую не пускали. Требовали, чтобы пришли все вместе. Хотя бы уже без строя. Но мы не могли...

- Погоди. А официально мессию не назначают?

- Официально могут назначить кого угодно. Но кто его будет слушать? Офицерам на самом деле до задницы, кто и как будет управлять — сержанты, салаги или дедушки. Главное, чтобы распоряжения начальства кто-то доносил до земли, и чтобы никто не умер.

- Да ну?

Художник кивает.

- А кому надо, чтобы о гарнизоне писали газеты? — говорит он.

Я не знаю принципов глобального управления. Вероятно, они вытекают из потребностей большого бурлящего организма в нужном месте и в нужный час. Когда исламские фундаменталисты ходили по городам и поселкам СА с плакатами «Русские в Рязань, татары в Казань», российские армейские части, стоявшие на территории, ни во что не вмешивались. «Жарким февралем», мартом, апрелем и прочими не холодными месяцами, когда демоисламисты терзали маленькую страну, наши части продолжали нести срочную службу за своими заборами, слышали погромы и пули сражений и, наверное, мечтали о дембеле. Тогда уже вышел приказ не забирать призывников далеко от дома, и в частях было много местных: и националов, и эмигрантов. Местные призывники в отличие от тех, кто приехал издалека, не могли сидеть за забором. Они брали срочные отпуска и не возвращались в часть. Они бежали домой, помогать своим. Шла война. На сбежавших из армии забивали и не искали, как дезертиров. Некоторые из них не успевали даже пройти исламские патрули на горных перевалах и были убиты, добираясь до дома, кто-то даже не пробовал прорваться домой, а сразу присоединялся к враждующим сторонам по интересам. Те солдаты в новеньком снаряжении с девственными пластиковыми щитами, которые в роли защитников народа от исламистов робко бродили по улицам в первые дни военного положения, были отрядами умиравшей светской власти. Позже эти профессионалы — президентский батальон и милиция — перешли на сторону демоисламистов. В итоге за местное население вообще никто не впрягался и не мог защитить их домов. Народное ополчение против бесновавшей в СА Партии исламского возрождения началось с гражданского парня Сангака. В мирное время этот Сангак был простым кулябским авторитетом. Говорят, до того, как поднять народное сопротивление, он тусовался барменом в местном клубе. Знаменитая российская 201-я дивизия, стоявшая в СА, очулась, когда основная масса воевавших друг друга уже перерезала, и граница с Афганистаном совсем потеряла стабильность. Только после этого наши войска вышли из-за заборов и официально записали под себя стихийный Сангаковский

(народный) фронт, в приказном порядке меняя нелегальные автоматы Калашникова на законное оружие и выдавая матерым ветеранам СА пятнистую хэбэшку вместо произвольной одежды, в которой они ушли воевать год назад. Законным оружием уже довоевывали. Исламисты готовили свою армию идейно и материально, как утверждают, еще с 70х годов, квартируясь по всей России. Сангак, кажется, просто встал с кровати. Роли красной армии я тут до сих пор как-то не догоняю. Но однажды, возможно, прозрею, и все пойму...

- Теоретически, - продолжает художник, - руководить слепой солдатской массой должен сержант. Мы – я и еще пара ребят – были сержантами. Но по негласным армейским понятиям до статуса организующей силы нам надо было служить как минимум по полгода. Офицеры, тем не менее, вызвали именно нас и стали объяснять, что мы должны взять на себя ответственность. Больше некому. Мы посоветовались между собой и решили попробовать.

Он замолкает. Наверное, решение властвовать далось не легко.

...В гражданской войне в СА случайно осталась одна беременная эмигрантка. Она бы успела смыться, но побоялась, что в дороге начнутся роды. Первый бой на улице она видела из окна. После того, как бой кончился, беременная еще час смотрела на трупы. Потом она пошла и сколотила соседский тыл. Среди убитых они нашли раненных, и осмотрев остальных, заподозрили, что если бы не телились, удалось бы спасти еще пару штук. Возможно, тыловые себе льстили. Но с тех пор подъездные партизаны больше не ждали окончания боя. Они стали таскать раненных из огня.

- Я был инициатором той авантюры, - говорит художник, - остальные ребята, вместе с которыми нас вызвали офицеры, меня поддерживали. Один, Валера, мой друг (до этого мы с ним все время ругались, потому что он считал, что я сволочь), сказал: да, давайте попробуем. А как пробовать руководить? Это нужно построить всех один раз, чтобы люди поняли, что это всерьез. Дальше все начинают нормально питаться, понимают, что кушать строем приятней, чем быть голодным и начинают жить в заданном режиме... А как это «всех построить»?

Я боюсь, что он начнет рассказывать всякие гадости.

- Ты же не скажешь словами: «Друзья, давайте построимся!», - говорит он, - и я придумал ход. Была осень. Зная трепет восточных людей к чистоте личных вещей...

- Пачкали? - радостно восклицаю я.

- Хаха. Восточные парни почему-то чаще нас мылись. И они бережно относились к одежде. И вообще холили имидж.

- Честь мужчины? - спрашиваю я.

- Это правда! - художник почему-то настроен, что я буду ему не верить, - чистая одежда для них очень важная вещь. Они тратили кучу времени на то, чтобы привести все в порядок: стирали, ушивали гимнастерки, чистили обувь... Если под контролем у тебя внешний вид, ты способен взять в свои руки все остальное. Они так считали. Наверное, это правда.

Я вспоминаю недавние рейды на московские рынки. Освещая борьбу правительства с нелегалами, газеты писали, что торговцы рынков — восточные люди — жили в землянках, вырытых за рядами, в антисанитарных условиях. Соваться в тайны московской торговли было опасно еще при Гиляровском.

- Ну вот, - художник отхлебывает остывший чай, - я собрал их шмотки и... да, я их испачкал. Я их выкинул из казармы в грязь.

Я с интересом разглядываю живого деда.

- Они с возмущением побежали выяснять, как же так. Мы с другом Валерой встречали их на пороге и наиболее возмущенных тоже кидали... в осень.

Шмотки, друзья, враги, не хватает только композиции Triplex к кинофильму Бригада. Глядя на мое жалостное лицо, художник, наверное, думает, что меня пронизало сочувствие.

- Да им не было больно! Все, что пришлось, собственно сделать, это не испугаться первого боя. Дальше надо было ждать активизации землячества. Однокоренных в полку было очень много. Соотношение славянских сил к восточным было 10:100. Если бы они заступились...

- Почему такие пропорции? - удивляюсь я, - это специально?

- Ну я не знаю, мы служили за границей. Может, чтобы не убежали...

У меня остается вопрос: не убежали кто: русские или восточные? И куда?.. Поздние исследователи национального конфликта в СА утверждают, что та гражданская война развивалась по региональному принципу. Северяне (в конфликте они были условно «нашими») воевали за старую светскую власть. Южане, наоборот, — за фундаментальные основы ислама. Север, который в войне боролся за светскую власть, — собирательно это был Кулябский район — экономически всегда был более развит, и еще до войны северные территории поддерживала и Москва, и местный «центр». Аграрный Юг (то есть территориально условно — Памир) в отличие от севера вечно отставал от кормушки. Такое почему-то часто случается с югом в мировой практике. На юге нашей республики, в частности, в конце XX века процветала эксплуатация женско-детского труда за копейки. Дети собирали хлопок и голодали вместе со взрослыми. В итоге, Юг поддерживала только идея глубокой самобытности и верности культурным традициям (то есть, исламу), что и пригодилось в борьбе. Кроме того, несмотря на тяжелые условия жизни южане в общей массе,

похоже, были более амбициозны — насколько я располагаю данными, они чаще учились в ВУЗах, надеясь, вернувшись из столицы, России или другой республики, улучшить свою жизнь. Однако, перспективные государственные должности занимали, в основном, северяне. Южан, например, не принимали в МВД и милицию. Но — глазами очевидцев: никакой милиции и военных на стороне северян, как ни странно, в гражданской разборке не воевало...

- Это тоже политика, понимаешь, - без аппетита чихая, говорит художник.

- В чем политика-то? - спрашиваю я.

- А хз. Ты попадаешь в советскую армию, но при этом она — мусульманское государство... Может быть, уже в те времена кто-то был дальновидный... Ну, не важно. В общем, мы покидали все вещи восточных солдат в грязь и стали ждать, когда придут их земляки, отплатить за позор. Земляки пришли на следующий день. Но за своих они впрягались как-то не очень активно. Мы их отшили, сказали: не ваше дело, нам жрать надо ходить.

Столовая — мотив социально образующий, думаю я. И, наверное, землячество может поддержать только до разумных границ.

- У меня появилось много друзей, - продолжает художник, - все уже были довольны, что я рисую, никого это не огорчало. Я возрос в собственных глазах и спокойно занимался тем, чем хотел — обрисовывал клиентов. Для поддержания порядка в казарме нужно было только появляться там раз в неделю, чтобы люди не утратили древний инстинкт — в столовую строем. Все остальное время дисциплиной руководил парень из нашего призыва, Женя. У него была тяга к менеджменту. Правда, физически Женя был слаб. Но ему нравилось. Это же тоже работа: каждый день с утра до вечера всех строить. Я бы, например, не смог этим заниматься.

...Я его понимаю. Для русской школы в СА не хватало учителей еще до войны. Родной язык и литературу в старших классах нам преподавала бывший комсомольский секретарь без высшего образования — Жанна. Уроки она начинала с зарядки.

До нее сержантить в нашей школе пытались многие — директор, физрук, физик, чертежник... Не могу сказать, что у них плохо получалось построить учеников, однако, когда командование взяла на себя Жанна, отставные сержанты просто и с удовольствием влились в учебный процесс. У каждого оказалось свое хобби. Директор защищал девочек от окрестных любителей тин-секса, чертежник выдавал голодающим по 10 копеек на коржики, а у физика был приколы — наливать воды в ботинки физрука или мелом написать на его зонте матерное слово. Об этом он и рассказывал ученикам на лабораторных занятиях. Когда сержант Жанна в течение пяти дней не знала, выжила

ее семья во время разрушения в Кайраккуме или нет, нам было очень не по себе. Мы договорились временно делать зарядку без принуждения и носить на уроки пионерские галстуки.

- Нашему заму по дисциплине Жене командная должность приносила радость и ощущение собственного величия, - говорит художник, - чем плохо? Но без проработки подчиненных раз в неделю его ореол не сиял, командование как-то само собой блекло. Раз в неделю мы приходили и говорили: слушайте Женю, он ваш начальник. После этого на земле воцарялся мир, Валера уходил спать, а я рисовать картины. И семь дней Женя сидел на троне. Потом народ опять начинал сомневаться, а чего в этом Жене такого хорошего... Женя бежал и плакал, Валера вставал с кровати, я бросал творчество... Короче, проблемы с коллективом нашу жизнь не портили. Но эта чертова планета устроена так, что здесь все время что-то угрожает твоему выживанию. Уладь одно обстоятельство, возникает другое.

Маленькие дедки, маленькие бедки...

- За нами начал бегать один замполит.

- Кто такой?

В первый раз за все интервью художник зло морщится.

- Это офицер, который следит за политической обстановкой в коллективе. Повседневно он проводит политинформацию, глобально работает с личным составом, продвигает набор актуальных идей в войска... На самом деле охуенный бездельник.

Судя по выражению его лица, замполит, помимо перечисленного, был династия Буша (тьфу-тьфу) и антифа в одном теле.

- Человек, который морально разлагается сам по себе, - художник сглатывает, - автоматически. Но при этом он с честным видом должен морочить головы всем остальным. Задачей замполита в нашем случае было поймать и задействовать факт нашего насилия над другими солдатами, которые, как оказалось, без насилия даже хавать не будут. Ничего не станут делать, куда не пойдут. Насилие там ствол животворящего дерева. Вся система держится только на нем. Ты пинаешь ближнего, он — другого, и криво-косо машина скрипит, но лезет.

Однажды мы додумаемся, кто все это придумал, - вяло думаю я про власть, насилие и все остальное. Конфликтующие стороны, принимавшие участие в гражданской войне в СА, официально были обозначены как «Юг и Север» или демоисламисты-vs-коммунисты. Своими словами, в народе, воевавших называли «вовчики» и «юрчики». Вовчики были исламисты, юрчиками, соответственно, наши.

Первыми начали вовчики (хотя я не могу утверждать, что именно они породили конфликт). Когда ты смотришь на войну глобально — по телевизору или в параграфе по истории — все кажется понятным и

объяснимым. У одного сына была нефть, у другого — кончилась. И решил первый забрать у третьего выход к морю... И так началась война...

Необработанный исторический материал — как детектив: все мотивы запутаны, особенно, если нужно понять личную заинтересованность каждого в преступлении.

В религиозном смысле вовчики хотели перевоспитать всех неверных, упертых вырезать. Начали с резки. Формальные политические и экономические интересы любой войны похожи между собой, как коврики из Икеи. На персональном уровне, очевидно, для каждого это всегда что-то свое. Сангака, например, который поднял народное сопротивление против партии исламистов, убили не в геройском сражении за мир и справедливость, а в личной разборке. Его преемника Файзали, если не ошибаюсь, туда же. О чем это говорит, я не знаю. Однако, когда рядовые вовчики брали юрчика, то не копали его просто так — что было бы логично, если бы мотивом вражды было просто уничтожить противника и победить. Вовчики спрашивали: «Ухо надо?». Если юрчик говорил «да», ухо отрезали и совали ему за шиворот. Уши юрчиков, которые отвечали «нет» летели собакам. Другим стандартным вопросом было: «Что больше любишь: копать картошку или рыбачить?». Тот, кто любил копать, умирал в поле. Остальные в реке. Большинство из тех вовчиков и юрчиков были десятилетиями знакомы между собой, по крайней мере, их семьи. Один чувак, эмигрант, как-то в голод пошел наловить своим детям рыбы. В теплой реке, той самой, через которую мы попадали в старый город, и, которая однажды смыла все дома на своем берегу, в той самой реке плотно дрейфовали трупы, как застрявшие в сплаве бревна. Кого там было больше — вовчиков или юрчиков, думаю, бессмысленно даже предполагать.

После того, как вовчики уходили из города, очистив его от юрчиков, нейтральному населению не становилось легче. Война оборачивалась темной луной. Наверное, именно в такие моменты явные причины конфликта перемешиваются между собой как мотки снятых бинтов. В периоды безвластия в городах СА на улицах почти не стреляли. Никого не интересовали чужие уши. По ночам в квартиры мирного населения просто вламывались люди в масках и делали то, что им нравилось. Они могли быть севером или югом, или косить под север или под юг. Возможно, один из них — твой сосед. И он до сих пор ест на твоём мельхиоре.

Когда власть брали юрчики, вовчиков расстреливали без разговоров. Быть памирцем (южанином) значило — обречен. Представителей враждующей стороны скручивали колючей проволокой в снопы по десятку и толкали с моста. Колючая проволока была общим северо-южным приколом. Возможно, этимологически слово «власть» восходит к «насилию» не только в могучем богатом русском...

- Мне вменялись в вину разные зверства, - говорит художник, - типа: я лежу на кровати, а рядом со мной на полу отжимаются два молодых. Замполит захотел разрушить наш стройный управленческий механизм и начал собирать на меня папку с документами.

Шил дело.

- А я ему говорил: это не зверства, мы занимались физкультурой. Но отговорки тут не при чем. Если на человека есть папка со свидетельствами и фактами, то такого человека можно отправить в дисциплинарный батальон. За каждого отправленного в дисбат замполит отчитывался перед начальством: вот, я хорошо поработал. А дисциплинарный батальон — это тюрьма внутри армии. Место с жуткими условиями содержания. Так что так — решилась моя проблема с голодом, и с коллективом, и я даже стал типа власть. Но тут же оказался под колпаком замполита и риском на пять плюс два года загреметь в армейскую зону.

Мне приходит в голову ужасная мысль, и я спрашиваю:

- В каком возрасте реально стать замполитом?..

- Да фиг его знает, - художник, видимо, понимает, к чему я клоню, - по любому замполит старше солдат, но ты не думай, что офицеры все извращенцы: собралась шайка в несколько дубин гонять малолеток. Тут, скорее, экономико-карьерный мотив. У замполита такая должность, на которой априори делать не фиг, а деньги платят. Как-то ему надо оправдать свое существование.

- Кого-нибудь засадить.

- Ну, цель его работы, наверное, была сказать: я поборолся с неуставными отношениями. 89 год, понимаешь? И замполит был не одинок. Кроме него был еще мужик, которому тоже требовалось время от времени показать, как он работает. Этому работнику стало невмоготу, что я не выполняю официальных обязанностей. Официально за мной числилась машина, напичканная всякой электроникой. Сложные приборы, которые с высокой точностью определяют расстояние до объекта. Плюс телефон, чтобы сообщать координаты. Надо было знать эту машину и уметь ею пользоваться. К машине прилагалось еще 7 человек личного состава, которых нужно было учить и организовать. Мне все это было, как ты понимаешь, до жопы. Но я честно передал свой флаг парню, которому это реально было по кайфу.

- Ну вот, теперь ты не сможешь сообщить, куда стрелять, по мирным жителям или по фашистам.

- Ага.

...В связи с этим мне вспоминается кое-что. Младшему брату моей одношкольницы в период войны в СА было 17. Подростком это был двочник с загадочной внешностью племени чьяпаса, потомка майя. Когда появилось ополчение Сангака, он ушел из дому и

присоединился к народному сопротивлению. Его мотивом было — моей семье угрожают, я должен сидеть? Он отправился в горный район Гарм — знаменитые места тусования исламистов и тех, кто им помогал. Народное ополчение выдало ему автомат. После первого боя в горах Чьяпасу рвало, дальше было нормально. Он рассказывал, что лидеры народного формирования планировали сражения по хорошим советским военным картам, хотя в свое время считалось, что горные пограничные тропы так мало изучены, что СССР ну никак не мог бороться с потоком наркотиков из Афгана.

Чьяпаса рассказывал, что местные горные жители не хотели связываться ни с юрчиками, ни с вовчиками. Местные знали, как выглядит месть. Первые ополченцы, пришедшие в горы, были злыми — несколько месяцев до того исламисты безнаказанно вырезали их семьи на севере целыми областями. Так что, встретив на пути южный кишлак, ополченцы тоже выводили в поле всех без разбора и расстреливали сразу по сто человек — не спрашивая, сочувствует ли семья противнику или это просто мирные люди. Ополченцам было достаточно того, что эти люди — южане. Набравшись военного опыта на мирных южанах, ополченцы успокоились, кроме того, они осознали, что для победы им необходимо сотрудничество местных горцев. В доме каждого мог прятаться какой-нибудь враждебный урод с автоматом. Разведкой ополченцам служили слухи, лучшей защитой — страх. На стороне исламистов воевали афганцы и, как рассказывал Чьяпаса, они невероятно умелые воины. Кроме афганцев с исламистами были эстонки — исламские отряды набирали бывших эстонских спортсменов снайпершами. Таким образом, необученному военному делу ополченцам доставалось по полной. Вести бой в горном кишлаке, где в мирное время легко заблудиться в камнях и сараях, было месиво: откуда и кто стреляет, не ясно. Но главная сложность горных сражений — найти врага. Иногда ополченцы искали врага неделю, — дрались минуты. Но за время войны они научились и находить, и даже выигрывать. Однако, когда в войну вмешалась официальная армия, ополченцам судя по всему стало как-то не до побед. Попадавший в засаду горный отряд под непрерывным огнем исламистов, афганцев и наемных снайперш вызывал, например, на подмогу официальные вертолеты. За 10 минут боя в каком-нибудь ущелье боевики укладывали почти весь наш отряд. Вертолеты, вызванные на помощь, прилетали обычно под самый конец заварухи. Они кружили сверху и добивали... своих.

Художник рассказывает дальше про свою боевую машину.

Мне приходит в голову остановить поток ассоциаций, которые вызывает его рассказ, но ассоциации — как дождь, их можно остановить, только стреляя по тучам.

Художник говорит:

- Командира, который настроился против меня вместе с

замполитом, в принципе, доставало даже не то, что я плохой воин. Ко времени, когда он обратил на меня внимание, я уже нарисовал огромное количество плакатов по всему полку, и мне периодически прибавляли зарплату. Но для того, чтобы легально поднять мой армейский доход, мне все время повышали квалификацию. В итоге, командира взбесило то, что я был бюджетный специалист высшего класса, который не умел шапочку танкиста надеть...

- Извини, перебью, - говорю я, все еще отмахиваясь от мыслей о Чьяпасе в горном бою, - в срочной армии реально получить какую-нибудь полезную специальность?.. Ну, если призывник не художник?

- Ай, ага... — художник безнадежно машет рукой, - по кому тут после армии стрелять-то?

Я пожимаю плечами.

- Нет, ну вообще... военное обучение как-то применимо в мирной жизни?

- Ну, да, скажем, если ты любишь технику, наверное, обучение на машинках будет тебе полезно. Ковыряешься в двигателях, чинишь танки. Их там полно. В этой роли ты в армии нужен. А когда приходишь домой, можешь, не знаю, автосервис открыть.

- Значит срочная служба — это сеть двухгодичных курсов по автосервису, - говорю я, не сомневаясь, что однажды мне дадут титул самой белой (и пушистой) блондинки.

- Да нет, - без тени брутальной мудрости отвечает художник, - срочная армия нужна государству, чтобы отправлять свои политические нужды.

- Так части же не всегда стоят на границе!..

- Да, но вот смотри, например, мы стояли в Чехословакии. Учебная армия или нет, а в чужой стране было размещено наше вооружение. Эти хреновы танки, которые ты, кажется, вечно сидишь и чинишь... Они стреляют... - художник чешет макушку, - в руках призывников, которые ни хрена не умеют, танки плохо стреляют, но все-таки, зелень... Ракеты, от которых в лесу деревья сохнут, они тоже летают. И вся остальная военная фигня худо-бедно работает. Почему страны вечно требуют вывода войск? Местные жители воспринимают эту типа учебную армию как оккупацию. Это изнутри она кажется — йёпть, первый курс, штаны на лямках. Чехи не хотели с нами здороваться. Наше государство выплачивало большие штрафы за ущерб тамошней природе, за погибших мирных жителей.

У меня отвисает челюсть.

- Да, что ты удивляешься? Когда я служил в Чехии, был случай. Наша машина сбила мотоциклиста, чеха. Чех нарушил дорожные правила раз семь: обгонял по встречной, превысил скорость... Погиб. Наши выплатили за него огромный штраф, а парня, который вел грузовик, посадили на пять лет в дисциплинарный батальон. Большой разницы с концлагерем нет, я уже говорил. В дисбате ты вообще без

прав. Один на один с природой. Зимой холодно, летом жарко, пищи нет, вокруг волки. Очень жесткий режим, идиотская работа. Типа каторги. После срока в дисциплинарном ты еще дослуживаешь то, что не дослужил в армии. И за тобой еще числится судимость. Короче, тюрьма в квадрате, семь лет вон из жизни. А тот парень, водитель грузовика, который сбил чеха, перед рейсом двое суток не спал. Его заставили развозить солдат внеурочно, и он развозил. Но не офицерам же отвечать. Офицеры типа отреагировали, посадили виновного. А парню уже надо было домой уезжать, он ждал приказа. Не знаю, что с ним дальше было.

Пару минут мы грустим.

- Или там еще была девушка, по соседству с гарнизоном. Чешка. Она объявила, что ее изнасиловали русские солдаты. Нас построили, тысячу человек, или сколько там было... Чешка ходила вдоль строя, опознавала. В любого, кого она ткнет, никто разбираться не будет, с радостью отдадут под суд, как насильника-оккупанта. Хотя никто эту тетку в глаза не видел. За территорию полка пачками никто не ходил. Не было ни увольнительных, ничего. Все сидели за ограждением, наружу попадали только, когда вывозили на учения, но это под присмотром, или в исключительных случаях, - художник ерзает, - я, например, выходил, когда у меня была работа вне территории. Мне давали пропуск, и я мог выйти. Перед выходом в город солдаты еще грузили мне кучи барахла, которое можно продать чехам, потому что это халява, знаешь, выйти и самостоятельно пройтись, прогуляться. А в остальном, как на зоне, небо в полосочку. А она пришла и выбирала, кто ее изнасиловал. И каждый понимал, что ей стоит только палец поднять, и ты ничего не докажешь. Никаких прав. У солдата нет адвокатов.

- Ну, выбрала кого-нибудь?

- Нет, - смиренно говорит он, - она всех обошла и сказала, что не нашла.

По спине у меня почему-то пробегают мурашки.

У одной из девушек-эмигранток, переживших войну в СА, сейчас растёт сын «зверек»... После блокады она вернулась в Россию и долго не могла получить гражданство (хотя родилась в Саратове). Она не могла получить гражданство, без гражданства не могла получить работу и, соответственно, детский сад для блокадного ребенка, которого никогда не планировала. Я надеюсь, что этот ребенок никогда не узнает о второй половине своих кровей и обстоятельствах, в которых зачался. Пока его гребаный отец где-нибудь под солнцем аллаха, возможно, гнул пальцы, балдея от своего героического прошлого, незапланированная мать-эмигрантка и репатриантка, еле добившаяся родного гражданства, сумела воспитать отличного мальчика...

- Кстати, вскоре после того случая с чешкой, - продолжает художник, хлопая глазами, словно в чем-то виноват, - я попал на местную гауптвахту. На гауптвахте — ну... обычная гауптвахта, ничего выдающегося — меня кормили чаем и хлебом. Чай холодный. Спать не давали. Не в смысле, что кто-то стоял надо мной и все время будил, как на пытках, а просто физически невозможно: на полу холодно (зимнее время), а лежаки — знаешь, такие, как на пляже в Сочи...

Я закрываю глаза и представляю пляж...

- Гауптвахтеские лежаки хранятся на улице, и они покрыты ровным льдом. Если занести такую постель в помещение и лечь на нее, часов до трех ты будешь спать на льду, а до утра, до подъема — на мокром дереве. Таким образом, твоя жизнь проходит стоя, на голодный желудок, но не без прикрас. Думаю, у всех они разные. Мне, например, выдавали книжку и... выключали отопление. Книжка — армейский устав. Устав я должен был выучить. Кроме того, в свободное от чтения время для меня проводили спортивные праздники: в пять часов утра тебя выводят на свежий воздух и заставляют выполнить какой-нибудь норматив — скажем, чемпионскую норму по бегу. А если ты совсем без сил и не выполняешь норматив, то разница между тобой и кандидатом в мастера спорта умножается по какой-то формуле. В итоге получается количество дополнительных дней твоего пребывания на гауптвахте — с теми же лежаками, нормативами и без еды. То есть выйти оттуда тебе уже вообще никогда не светит. Помимо прочего, днем ты должен приносить пользу армии — грузить мусор или что-то похожее, чтобы сильно хорошо не казалось.

- Божечки! За что ты туда попал?

- Да один большой руководитель дал мне задание поправить плакаты. Старые плакаты. Их нарисовал азербайджанец, который там раньше служил, блин, в эпоху упадка структурализма. Офицер, у которого эти шедевры с тех пор были в ведении, считал, что плакаты отличные, и хотел только немного их подреставрировать. А мне совесть не позволяла этого сделать, блин, я даже не знал, с какой ноги к этому искусству подойти. Целую неделю я ходил вдоль плакатов, испытывал вдохновение. И вот однажды в конце дня ко мне приперся этот офицер, заказчик, и не нашел на своих плакатах следов реставрации. Его это мощно взбесило, и он определил меня на гауптвахту. Всю следующую неделю меня водили на гауптвахту, как арестованного, но никак не могли принять, потому не хватало каких-то справок. Однако, регулярно в четыре часа дня с меня снимали ремень, шнурки, я брал зубную щетку и мы шли. Гауптвахтеры говорили: а у вас вот этой бумажки нет, вот этой... Меня уводили. Наконец-таки приняли. Но там было так жутко, что я сразу начал искать выход.

- Нашел?

- Да, конечно, - он широко улыбается, - я смотрел в окно!

- Опять?

- Счастливые случаи... Ну, в первый раз, когда я смотрел в окно на свинарнике, меня спас потенциальный клиент. Потом — тоже. Я всегда заботился о клиентах. В этом и фишка. Пареньку, который вытащил меня с гауптвахты, нужно было украсить спортзал. Старый сержант, ответственный за физическую подготовку, к тому времени уже несколько месяцев, как собирался домой и от всех этих отжиманий, сапог, пробежек, короче, от спорта его тошнило. А новому хотелось, как лучше. Новый выгреб из спортзала все дерьмо, очистил раздевалки от хлама. Особенно напрягаться для этого не требовалось — надо было просто найти солдат, которые умели сваривать, белить, убирать... Короче, надо было просто хотеть. Или начать честно выполнять свои обязанности. В общем, в спортзале, куда он хотел меня пригласить, уже были тренажеры, матрас, чтобы заниматься борьбой. Не хватало только картинок. На побеленных стенах спортзала получилась большая пустая поверхность. Я посмотрел на это дело и предложил новому сержанту сделать роспись на тему разных видов спорта. Я нарисовал ему эскизы. Он сказал, что все это супер, и выписал деньги, мы закупили краски, кисточки. Единственная проблема до моей гауптвахты была в том, что меня не отпускало начальство. Новый сержант еще не имел такого авторитета, чтобы брать на работу художника, и никак не мог осуществить свои мечты о красивом спортзале. И вот, сидя на той гауптвахте, я постоянно смотрел в окно. Способ уже проверенный: тюрьма по любому находится на территории части, так что все время кто-нибудь ходит мимо. Я знал, что с гауптвахты, так же, как с наряда в учебке, на работу отдавали кому угодно. И вот, увидев сержанта, я высунул наполовину в окно к нему и кричу: я, раб, я раб... хочу в Египет!..

Представляя эту картину, мы с художником синхронно умиляемся тому, как благосклонна жизнь к умным людям.

- И он меня взял... - художник улыбается, - от радости, что меня спасли от тюрьмы, я размалевал ему стену в спортзале в рекордные сроки. Моя работа на этом, как ты понимаешь, как бы, кончилась. Но... возвращаться на гауптвахту мне не хотелось. Вообще не хотелось. Я начал укатывать своего сержанта, типа, давай я останусь, вон, говорю, еще сколько работ. Сержант согласился. Он пошел договариваться с моим начальством, и через час моя судьба была решена. Он вернулся и говорит: ты только на улицу не выходи, работай в своем режиме, хавчик мы тебе будем носить. И я стал украшать спортзал. А когда кончилось время моего наказания, меня сдали обратно в казарму. Я вернулся к своим товарищам, рожа толстая, и меня спрашивают, где был? Я говорю: на гауптвахте... А начальник, который меня посадил, начал орать: ну теперь ты понял, как плохо бывает в жизни тем, кто себя плохо ведет? Я говорю: да. Будешь плакаты подрисовывать? Я говорю: нет.

Рафаэль Бруно.

- Начальник меня чуть не убил. Как нет, говорит? А я ему: сам не видишь? И показываю ему на плакат, где у солдата советской армии нарисовано шесть пальцев. Начальник смотрит на пальцы и говорит: да? и что же теперь делать? Выкинуть, говорю, наф эти плакаты и рисовать новые. Он раздулся в объеме лица и спрашивает: а чего ж ты, говорит, раньше мне не сказал?

Художник пожимает плечами.

- Зато спортзал сделали... Короче, для реставрации шестипальцевых плакатов я заказал себе 10 бочек краски, по 100 л.

- Это ж захлебнуться! - от жадности у меня нехорошо на душе.

Художник весело машет лапой.

- Да я уже просто знал, что между 10-ю и 100 литрами в армии нет большой разницы, но просить в любом случае надо больше. Мастерскую я себе выбил. И вот как раз тогда, во время работы над плакатами, уже после случая с чешкой, у меня и появилась возможность выходить за территорию полка в любое время суток: моя мастерская была в городе, - подняв руку, художник делает жест «йес!», - в итоге из-за этой работы и льгот с увольнительными у меня получилась гора всякого добра, которое можно менять на другое добро, куча личного времени, и я стал реально свободным художником. Только я был свободным художником не в Париже, а в Чехии, и слегка в армии. Но по сравнению с предыдущим армейским годом это был рай. Два месяца, не спеша, я рисовал эти плакаты. Было счастье. По дороге мне давали продавать разное барахло, я возвращался из города с выручкой, полный творческих впечатлений и сил, только что на такси не ездил.

...Слушая его, я вдруг вспоминаю, что самой козырной машиной в Мертвой Долине в начале 90х была девятка. Старые местные раисы ездили на волгах, раисы помладше — на жигулях девятой модели. После «жаркого февраля» в республике откуда-то появились Ауди и Пежо, в разуху иномарку можно было взять прямо на улице. Видимо, в горы аллах посылает не только автоматы Калашникова и нефть...

- Потом и эта работа закончилась, - продолжает художник, - мои плакаты повесили, и я стал вообще героем труда. А плакаты были на тему, как правильно маршировать. Около сотни, как раскадровка. Поднять ногу, опустить...

Он машет на здоровущее полотно.

- Чуть поменьше, чем эта картина. Когда все кадры повесили, офицер, который заказывал марширующих, опять меня вызывает. Я так удивился: вроде все сделали. А он мне предлагает, так щелкая языком: может лачком вскрыем?.. И я еще целый месяц вскрывал лачком...

От того, что все хорошо, мы берем передышку. Мы улыбаемся и елозим на стульях. Через минуту художник говорит:

- А тем временем в спортзал с моей росписью стали толпами

ходить люди. Потому что в окна были видны картинки, и народ к ним тянулся. У молодежи появился новый вид развлечений, место тусовки, приходили даже дети офицеров и, кстати, сын того замполита, который все хотел меня посадить. Короче, спортзал стал армейским клубом. Я там познакомился с парнем – грузин. Мой новый друг работал в столовой, раздавал хлеб, масло и сахар. Блатная работа. В свободное время он был борец, вольник. В спортзале мы вместе тренировались. Он весил легче меня на 20 кг, но при этом был очень сильный. Он все время выигрывал и бросал меня по всему матрасу как хотел. Но поскольку партнера на ринге ему все равно больше не находилось, то я был ценим. Он открыл мне кредитную линию в столовой. В любое время суток я мог приходить и брать много пайков. Меня это даже пугало — он безоговорочно выдавал мне еду в любых количествах. Но моим товарищам, которые раньше морочили мне голову бойкотом, — им это нравилось. Каждый вечер они начинали пухнуть от голода, и мне приходилось бежать и кормить их маслом. И я являлся в столовую, как последняя скотина. Я стоял и ныл: ну я бы не пришел, но у моих лучших друзей животы болят... Короче, за спарринг я брал рафинадом.

VI

Написано: «Ни один волос не упадет без воли»...

Если бы я была богом, я бы заменила «упадет» на «получишь», а «волос» - на «голос».

Когда в Шереметьево-2 вдруг объявляют, что из сумки со своим барахлом нужно вынуть тоник, молочко и шампунь и выкинуть все в корзину, потому что провозить флюиды на борту нельзя, я в возмущении. Сначала я думаю о том, что от шампуня гостиницы Ренессанс я буду иметь вид террориста. Потом я думаю о том, что я не хочу сдавать свой багаж в багаж, потому что в жизни у меня не так много времени, чтобы получать его обратно. И, наконец, я покрываюсь благородной зеленоватой патиной изнутри. Меня ломает даже думать об этом. У меня ноют зубы и стремительно развивается анорексия. И все это потому, что я не хочу, чтобы меня досматривали с пристрастием и подозревали в злом умысле из-за одного (одного!) полоумного психа, который несколько лет назад пытался взорвать самолет жидкой бомбой. Я его ненавижу. Последний раз мне хотелось подложить взрывное устройство перед экзаменом таджикского языка. Думаю, остальных пассажиров тянуло устроить взрыв последний раз примерно тогда же. Давайте закупим на таможню детекторы лжи.

Может быть, массовое изъятие шампуня в аэропортах — это акция гостиницы Ренессанс? Но вся их косметика включена в счет, я точно знаю. В баре номера она мне, лично, ни разу не попадалась.

В общем, все крайне запутанно. Чей мотив — никогда не понять. Газеты, конечно, подсказывают — ноги обычно растут в Швейцарский банк, специалисты, как всегда, утверждают... Но разве можно в

современном мире искренне верить, что стол — это стол, а не сон Морфеуса? ... «Матрица — это система, Нео. Система — наш враг»...

Если бы я была богом, я бы каждому раздала по вселенной. Хочешь летать с досмотром, летай. Хочешь жидкие бомбы мутить, валяй, делай. Модератор отключил возможность оставлять анонимные комментарии.

(Зафрендить бы одного бога и подсмотреть, каким кодом он пользуется. Боюсь только, вдруг он окажется частью какой-нибудь блатной пирамиды, и я, как Икар, разобьюсь)...

Сегодня четверг. Я беру диктофон и обнаруживаю, что давно осень.

VII

В честь того, что я проворонила 11ое сентября, в метро, ровно на станции Павелецкая я вынимаю из ушей Лакримозу и начинаю петь песню Лехи Паперного «Любимый отзовис, я так тебя люблю». Это песня про космонавта, который улетел в бесконечность, а его земная девушка пытается с ним связаться. Дальше там вовсе грустно. Я напеваю, стоя у двери, совсем тихонько. Пассажиры оглядываются. Я спою еще, наверное, на Рижской, если не засижусь за интервью у художника.

Сегодня был первый снег, и воздух морозный. По народной примете, зима начинается через 40 дней после первого снега. В СА снег выпадал один раз за зиму, молитвами белых — на Новый год, как показ «С Легким Паром». Не вру...

Художник, как обычно, приносит мне кофе. Потом он садится за свое рабочее место, и начинает рассказ, и мне представляется, что изо рта у него идет пар.

- А через несколько месяцев после того, как я попал в Чехию, - говорит он, - в часть привезли новых солдат.

Мы давно не виделись. Я рада снова видеть его и благостно вздыхаю. Я не могу прикоснуться к космонавту, унесенному в вечность. Но я могу трогать тени самолетов, разрушивших башни, и послушать отголоски войны.

- По традиции, весь молодняк тут же радостно загрузили беспричинной работой, - продолжает художник...

Один врач-нарколог, у которого я как-то брала интервью для журнала, сказал, что навязанный долг вызывает у человека такое же сильное негодование, как, например, идея о поедании дерьма. Скажем, мы видим в вагоне бабушку, и знаем, что ДОЛЖНЫ уступить ей место. И вот это «ДОЛЖНЫ» сразу порождает у нас в голове говенную мысль: «И когда она только наездится!». А если, скажем, к каждой бабушке в вагоне был бы приставлен сержант, который заставлял пассажиров вставать, мы бы, наверное, ненавидели бабушек еще больше...

- Но среди этого молодняка, который нам привезли, - рассказывает дальше художник, - попался один уникальный парень, армянин, который не хотел вообще ничего делать — никакой беспричинной работы, что бы его ни просили. Когда он приехал в часть, его встретили земляки. Они ему сразу все объяснили: про то, что, в связи с землячеством, у него особое положение, и никаких сержантов он слушаться не обязан. Я-то был «за», не хочешь, не работай. Но в той ситуации, когда я был ответственным за дисциплину, это получалось против меня. Мы до сих пор были обязаны поддерживать порядок во вверенной группе и водить ребят строем в столовую. А этот парень нам все ломал. Получалось нарушение справедливости. Чем молодой армянин лучше других, если ему позволяют не слушаться?

Я думаю о «каждому по возможности». Теоретически, справедливо. Практически, как всегда... Если кривить душой, то возможностей всегда кажется меньше, чем трудоспособного населения, и на всех не хватает. От этого тянет рассуждать о позорном старте в семье колхозника или о форе в виде фамилии из списка Форбс. Если не кривить душой, то никаких возможностей в жизни вообще нет. Есть только твоя врожденная или развитая способность иметь или не иметь.

- Справедливость, - фыркаю я, - да ты первый там разлагал дисциплину.

- Ничего я не разлагал. Я честно предлагал альтернативу и, что умел, то и делал. Что я бумажки не собирал?

Я киваю.

- Ну вот. И я заставлял этого парня работать. Остальные «командиры» уже хотели забить, потому что ссориться с землячеством, сама понимаешь, никому не хотелось. Армяне начали встречать меня в темных углах и пугать. Предупредили, что зарежут.

Интересно, - по ходу думаю я. Почему, если пугать человека огнестрельным оружием, то оружие надо вынуть и показать, иначе никто не поверит? А про холодное достаточно сказать «Зарежу!», и это действует...

- Реально, конечно, это все было страшно. Я сделал себе ножик и ходил с этим ножом, и спал с этим ножом, но продолжал того парня нагружать, как раньше начал. Из упрямства что ли так получилось, но когда его земляки стали меня пугать, я давай на него валить еще больше работы. Закончилось тем, что возле столовой, как положено, меня поймала группа товарищей и повела выяснять отношения. Мы подрались. До последнего я не знал, что буду делать. То есть, наши силы были настолько не равные, что отделаться парой фингалов и вставными зубами мне не грозило.

- Что ж ты сделал? - я нервничаю. Это как на показе кино. Я понимаю, что никого не убили, иначе бы мне никто не давал интервью, но ничего поделаться с собой не могу.

- Я не стал дожидаться, когда меня будут резать. Я схватил

первого, кто стоял ко мне ближе и начал метелить его об асфальт. Я метелил его сильно. Он все время кричал: «Я тебя зарэжу, зарэжу». Помню, я думал такую мысль: как он меня зарежет, если я его бью головой об асфальт уже полчаса, а он только кричит? Это меня подбадривало. Вот, этим вопросом я и занимался, пока товарищи, которые стояли у меня за спиной, били меня — чем попало и по чему им нравится. В общем, получается, практически зарезали. Но я понимал, что сам могу победить только одного человека, и старался как следует... Свою задачу я выполнил. Тот парень лежал в больнице, у него был перелом черепа, челюсти, ребра были сломаны, короче, все, что ломалось, я ему поломал.

Как воспитанная самка, на словах «перелом черепа» я, наверное, должна упасть в обморок или хотя бы сделать осуждающее лицо. Но ни фига такого я делать не буду. Я — нормальная самка и люблю, когда выживают.

- В конце нашей драки, - продолжает художник, - прибежали мои друзья и как-то за меня заступились, но там уже все равно ни у кого не было сил. Меня не убили только потому, что боялись сильно наседать сверху: из-за своего земляка, которого я колотил об асфальт. На следующий день я был весь такой синий. Меня вызвали к начальству и начали спрашивать: что это с тобой было. Я говорил офицерам, что вот упал, я, споткнулся. Человек-синяк.

Я вспоминаю время, когда в России появились первые видики. Мы с подружкой работали билетершами в домашнем салоне, и поэтому смотрели все сеансы до посинения. От непривычки к западным фильмам мне бывало плоховато — но не от крови и драк, как моей подружке, а от кино про заразных вурдалаков, где к 15ой минуте от начала уже не осталось надежды. В искусстве плохо не кровь. Я думаю, настоящий негатив — это когда ничего невозможно исправить...

- Парень, которого я побил об асфальт, - продолжает художник, - лежал в госпитале и болел. К нему приезжал прокурор. Прокурора прислал мой враг замполит, ну, тот, который все собирал на меня папку за неуставные отношения. После того, как я избил человека, замполит обрадовался, что может документально подтвердить, что я нуждаюсь в дисциплинарном режиме. Тогда бы он мог закрыть мое дело и отчитаться. Я был, в принципе, уже готовый продукт, над которым он долго работал. Вместе с прокурором они побежали к больному аре, чтобы снять с него показания и почувствовать себя уже гораздо лучше на мой счет. Ара...

- Не сдал?

- Нет, у них это не принято. Они считают, что проблемы надо решать между собой. Ара сказал, что он просто простудился, заболел, а так все хорошо.

- Вау!

- Да... А я ждал, чем это все закончится. Ну вот как-то так... А

пока все потихоньку лечились, я нарисовал между делом еще одну картину, про Ленина, как он стоит в окружении матросов, а сзади Аврора освещает своим прожектором светлое будущее. Один комсомольский работник ее заказал, на всю стену. За Ленина с прожектором комсомольский работник дал мне бумагу, что я — отличник боевой и политической подготовки, и меня надо во все институты подряд принимать без экзаменов. Так после этого злой замполит, когда для него со мной все как-то никак закончилось, хотел у меня ту хорошую ксиву отобрать и говорил, дай-ка я ее почитаю. А я говорил: а я уже отправил ее маме в конверте...

Мы смеемся.

- В общем, так же как среди солдат, между боссами тоже попадались друзья и враги. Начальник штаба, по фамилии Черномырдин, например, попросил меня нарисовать мужика огромных размеров на страже родины. Рост мужика должен был быть в четыре раза больше нормального. Этого Годзиллу готовили к приезду какого-то генерала. Там стена протекла санузлом, который был сверху, вот дерьмо на побелке надо было как-то замазать. Все очень торопились. Я работал по ночам. И вот в такой трудный час мой замполит пришел и решил проследить, как я справляюсь, не тихо ли машу кисточкой. Он встал у моей стремянки и давай мне на нервы капать. Я работал уже сутки. И хотел пить. Я слез на пол и пошел набрать водички. Замполит набросился на меня с кулаками, типа, работай, негр, твое солнце еще высоко. Я все равно пошел в душевую, к раковинам. Так он нагнал меня в душевой и снова полез.

От рассказа художника у меня крепчает впечатление, что армия — это такая разминка, придуманная специально для фанатов кулачного боя, чтоб на гражданке больше уже никто не шалил. Про некоторых мужчин, которые изменяют жене в 60 лет, говорят: в молодости не нагулялся. А если бы нагулялся, не стал бы...

- Ну и догнал он меня у раковин, и тогда я не выдержал. Я сгреб его за воротник и хряпнул мордой о фаянс. Пару раз.

- А! - я закрываю зубы ладошкой, - это же точно дисбат!

- Ну, я подумал: или сейчас, или позже. Если он будет продолжать меня доставать, я все равно сорвусь. А эмоции уже накопятся так, что я не смогу трезво мыслить. И я подумал, что лучше остановлю его, пока не дошло до чего-то плохого. Хотя бы попробую. И попробовал.

- Страшно было?

- Спонтанно получилось. Я ему рожу набил, потом усадил возле стенки и говорю, ну чего тебе от меня надо, а? У меня, говорю, сто литров краски есть. Хочешь?

- Какой краски?

- А помнишь, мне давали мастерскую в городе, где я марш-плакаты рисовал. Вот оттуда осталась краска. Я про нее тоже спонтанно

подумал и предложил замполиту откуп. В конце концов, он остался мой последний недоброжелатель. Надо было как-то отличить его от остальных. У него, на счастье, мозги от такого предложения сразу переключились с выгоды карьерной на материальную. Он покашлял, просопелся и сказал: а, давай. Я дал ему мокрое полотенце, и мы тут же обговорили условия: он меня не достает, а я ему краску, - художник зевает, - мне все равно скоро было домой. А там еще бочка белой, для дорожной разметки была...

Я счастливо улыбаюсь и тоже зеваю из солидарности. Мы писали мемуары художника ровно три месяца. Окончательный вариант получился объемным, и часть про армию в него не вошла...

Чьяпаса из народного ополчения против исламистов закончил войну в СА командиром личной охраны Файзали. Однажды личный состав Чьяпасы между сражениями дорвался до выпить, в конце войны. Ребята сидели, пили и баловались. Один из них в шутку навел на другого ствол, Чьяпаса не среагировал. Пьяный юрчик случайно нажал на курок и разворотил товарищу голову. Файзали сказал: ну и что теперь с вами делать? Чьяпаса согласился, что был не прав, сложил полномочия и уехал в мирную жизнь. На войне ему дали звание лейтенанта. Военные органы на гражданке его звание не подтвердили, сказали, что на лейтенанта надо учиться. Сейчас Чьяпаса рыбачит и продает рыбу. Он стал еще больше похож на потомка исчезнувшей цивилизации майя. «Отдыхаю я, Лопухова, и не хочу никаких обязательств»... Еще во время горных боев он заметил, что наступила пора отдыхать. Кроме вертолетов, прилетавших на помощь и фигачивших по своим, в конце войны были разные косяки — например, «взять языка». Наш отряд, как обычно, после долгих преследований и утомительных боев брал в горах важного языка. Скажем, отряду удавалось поймать опасного исламского командира. Отряд брал его для допроса и привозил в свою часть в Гарме. Но на следующий день за языком, как по чьей-то команде, являлись люди от ФСБ и забирали вражеского пленника в Душанбе на расследование.

- А через неделю я встречаю этого хера опять в горах. Он живой, свободный, ржет мне в глаза и бодро мочит моих... А ты спрашиваешь «как так»? Это война, Лопухова.

Часть 2

Быстро наступила зима. Должно быть, с глобальным потеплением народные приметы надо пересчитывать. Зима пришла не через 40 дней после первого снега, а через пять.

Сугробы еще не лежали, но сиротливые витрины, казалось, спрашивали: «Когда Новый год?». И маркетинговая зима решила жить по приметам. Новый год наступит, - сказала она, - когда бухгалтера отправят последний отчет.

И все будет.

Один мой знакомый родился 1 января. По гороскопам это Козерог, славный парень. Но когда он называет дату рождения, первым делом все начинают смеяться.

А ничего смешного. Однажды Козерог рассказал мне такую историю. Мы просто сплетничали в коридоре о том, какое у нас плохое начальство, и история вышла так, безотносительно.

История произошла, когда Козерогу было лет пять. Как известно, в этом возрасте Новый год наступает раньше, чем у всех нормальных людей, и с концом утренника в детском саду практически завершается. Потому что дальше идут телепередачи или диски с новыми мультиками. А взрослые потихоньку начинают бухать на кухне (те, у кого с подарками все в порядке). Потом в суете приходит еще один Дед Мороз и неоправданно веселая Снегурочка, и бывает много оберток от подарков, все больше чужих, и опять телевизор, но уже без мультиков, пятна на скатерти, и хочется спать.

В общем, наступил ли Новый год, и когда, не понятно.

А на завтра – твой день рождения. Малыш Козерог, рожденный 1 января, всегда его ждал. Всю ночь ему снились подарки (это моя отсебятина, для красоты). Утром он проснулся и вышел — в пижаме и думах о близком счастье. В гостиной валялись помятые взрослые. На покосившейся ели искрилось украшение «дождь». По ковру были рассыпаны точки конфетти, пробочки от шампанского, чья-то туфля на каблук, с прилипшей веткой петрушки...

- Тетя Оля, - сказал наш маленький друг, - у меня день рождения.

- О! - ответила тетя Оля и попыталась привстать с дивана.

- Здесь должны быть мои подарки, - торжественно объявил

мальчик и спросил, - ты не знаешь, где они?

- Вот твои подарки, - сказала тетя Оля загробным голосом и повела руками на конфетти.

Малыш кивнул, сел на корточки и стал собирать в кармашек цветные кружочки...

Я вполне допускаю, что от подобных подарков на праздники некоторым людям с течением времени начинает казаться, что иметь можно только то, что тебе отсыпает судьба. Фортуна-давалка. В смысле проявления инициативы по отношению к жизни, это похоже на мужчину, который после переписки каждый раз бывает уверен, что его соблазнили. На самом деле, вокруг каждого буквально с рождения начинает болтаться много добра и зла, целая ярмарка: женщины, деньги, правительство, водка, футбол... Можно выбрать. Из кучи мирового зла и проблем можно выбрать то, что тебе по вкусу. Можно выбрать и потом разбить выбранные проблемы по категориям: приоритетные, личные, неразрешимые, постоянные. Так формируется наша жизнь. Каждый сам выбирает, что установить возле носа, чтобы все время мелькало.

Я, например, сейчас смотрю из окна, пью кофе и гадаю, сколько человек в данный момент целуются. Зачем мне это? Я точно не знаю, но, похоже, это мой выбор. Дома по вечерам я расшифровываю с диктофона мемуары художника, а поцелуи нужны мне для девичьей статьи. В смысле мелькания я давно выбрала служение глянцу, вместо того, чтобы, к примеру, вести глянцевого образа жизни, который я проповедую. Думаю, что моя инициатива по отношению к фортуне и жизни на этом уже закончена. На большее меня не соблазнить.

Недавно, как раз когда мы с художником писали последние главы его мемуаров, меня позвали работать в штат очередного большого издательского дома редактором красоты — главным по косметическим баночкам, которые независимо от экономической погоды и политических осложнений должны появляться на страницах каждого глянца в виде красивых фотографий и подписей: «Нежная текстура крема разгладит все ваши проблемы за 24 часа»... Обязанности редактора красоты почти не отличаются от работы обычного журналиста: все, что мне нужно, это выучить примерно 40 новых слов по тематике (это называется специфика текста) и уметь их соблазнительно вписывать. Правда, журнал, который меня пригласил на работу, — новый, и кроме обычной рутины по тосованию слов в колоде, мне нужно быстро собрать для молодого издания тусовку постоянных рекламодателей, специалистов, компетентных советчиков, звезд, визажистов и прочих ритуальных глянцевого персонажей — чтобы на страницах все было как настоящее.

Мой первый рабочий день в новом журнале выдался странным. Девушка, которая две недели проработала редактором красоты до

меня, за светским прощанием вдруг разрыдалась и, собирая манатки, всхлипнула: «Ты меня еще вспомнишь». Ну, хорошо, подумала я, раз так надо, и приступила к обязанностям.

До вечера я перебирала странички записной книжки и звонила, звонила. Тема звонков — сказать потенциальным рекламодателям: вот и мы. Когда появляется новый продукт, нужно, чтобы о нем как можно скорее узнали. Поэтому производители косметики все время звонят в журналы. А журналы — производителям. И все потому, что в какой-то момент истории люди согласились читать газеты. Чтобы мелькало.

Главный редактор нового журнала, куда меня позвали работать, — доктор. У него, как у Пушкина отшлифованы ногти, и он жует жвачку с вишневым вкусом. Пожалуй, мне тоже надо сделать ребрендинг имиджа и завести себе фирменный знак. Чем больше готовых ассоциаций сосредоточено в имидже, тем мощнее доверие ты вызываешь в окружающих — как нечто знакомое им и понятное. Это похоже на принцип анекдота — ты должен быть неожиданным, но напоминать о хорошо знакомых вещах.

В свободное от глянца время я люблю учиться и обезьянничать, все время примеряя на себя разные человеческие роли и мудрости. Так что, новые люди для меня — это кайф.

Кроме меня и главного в моей новой редакции есть фоторедактор. Она хорошая девочка и любит Цветаеву. Есть арт-директор, он худ. Есть менеджер и корректор... Всего пять столов. Корректору нравятся мои тексты. Но наш корректор пока новичок в издательском бизнесе — человек без большого опыта корректуры. Она пока только читает статьи, а не правит ошибки. До высшего уровня профи корректоры текстов обычно проходят свой странный путь. Сначала они вдруг понимают, что огребли монополию на русский язык и начинают всех поучать. Потом интерес к языку сужается до прописной буквы, и объекты реальной величины перестают вмещаться в сознание, включая людей. Впрочем, это беда большинства профи.

Если бы я была издателем... И если вообразить, что СМИ — это не борьба за рекламодателя и деньги, а такая игра в «напечатай журнал и выкинь»... В общем, я бы всех сотрудников время от времени меняла местами. Корректора я бы делала главным редактором, редактора — секретарем, а дизайнера заставляла писать слова. Журнал бы время от времени опаздывал с выходом (фигня по сравнению с тем, что средняя прибыль нормального издания около 600%), зато издание постепенно стало бы нереально хорошим. Люди бы научились друг друга понимать, любить, а там бы пережились. Понимание, по ходу, это все, что нам нужно, если не считать жилплощади и... Короче, ничего у меня не получится.

Вряд ли в течение одной жизни можно убедить кого-то, что прибыль ничто, любовь — все. Проблема приоритетности денег над чувствами, как я думаю, заключается в том, что большинство из нас

просто не верит в следующее рождение, а сразу после смерти собирается в рай. Любви, как обещано, в раю будет полно, а вот напечатать глянцевого журнал и получить шестикратную прибыль больше никогда не удастся.

Моя проблема, думаю, в том, что я вообще не могу решить, во что верить. Все, что я знаю, это то, что каждый год на земле рождается все больше людей, последнее время около 120 миллионов. При этом человечеству со всеми скидками больше двух тысяч лет. Таким образом, чтобы обеспечить стремительно растущее население планеты божественными душами (если они, конечно, не переселяются после смерти в новое тело), генератору новых душ нужно работать в режиме пушки для теннисных мячиков, а рай, чтобы вместить всех, кто в него приходит, должно быть, резиновый. Или я плохо считаю...

Для пиара на страницах нашего первого номера я обзвонила всех своих знакомых рекламодателей и собрала 50 косметических популярных продуктов и их вариаций (новинок). Рекламодатели один за другим привезли в редакцию красивые банки и пузырьки — для съемок. Мы красиво отсняли банки и пузырьки со штатным фотографом в студии, и я закрыла всю рекламную косметику в шкаф. После съемок в журнал такая мелочь, как косметика, обычно не возвращается рекламодателю, а равномерно распределяется между работниками журнала. Вкус халавы сладок и приятен, и надо только дожидаться дня, когда мы все это честно поделим.

Наступает день. Дележ банок — одна из замечательных обязанностей редактора красоты. Мысленно я делю халавную косметику на пять человек — по количеству народа в редакции. От двух сотрудников-мужчин я отнимаю по бутылке мусса для объема груди и по пачке тампонов с новой формой желобков (подозреваю, что своим девушкам они такое дарить не будут). Получается пять неравных кучек. Все честно и по традиции. Операцию распределения баночек я проделяваю, пока еду в лифте. Шагая по коридорам, я пытаюсь сосредоточиться на рабочем дне. Я прихожу, отмыкая шкаф с косметикой и застываю перед ним в непонятках. Торопливо отбросив дела, менеджер редакции докладывает мне, что 45 лучших баночек из того, что было, вчера забрал главный редактор. У него жена в отпуск едет.

Я записываю халавные банки себе в облом и делю между работниками журнала то, что осталось — спонж для пудры, бутылку лака для дискотек, влажные салфетки и вкладыш переводной татуировки на задницу.

Со следующего месяца мне предлагают совмещать должность редактора красоты и просто редактора. Это означает, что, кроме восторженных эссе о косметике, надо будет писать гороскоп.

Да хоть сводки Гидрометцентра, лишь бы не было туч над Нью-Йорком.

Во сне я видела, как мой покинувший землю милый знакомит меня со своей мамой. В моем сне его маму зовут Энн, и она печет пироги. Настоящий рай.

По случаю сдачи номера у нас в редакции вечеринка. Мы скидываемся на сыр с плесенью, вино и чипсы. Главред произносит традиционную речь, арт-директор хихикает. Со своим бокалом вина, наевшись плесени, я плюхаюсь за свой комп и на удачу тыкаю в файлы, вдруг попадется что-нибудь интересное, что можно дописать или подредактировать, пока остальные болтают. Но, открыв свою заветную папку с запасом статей, приготовленных на следующий номер, я неожиданно обнаруживаю, что много букв, которые я так тщательно писала, редактировала и распределяла по страницам, пропал. Нужных файлов нет ни в папках, ни на столе, ни в виртуальной корзине, хотя я хорошо помню, что последний раз, когда я открывала папку, файлы там были. Я возмущенно хлопаю челюстью. Главред предупреждающе говорит:

- Заколдованное место у тебя там, Лопухова! Ты смотри...

Арт-директор хихикает еще больше. Я хмурюсь.

В выходной, чтобы отвлечься от новой работы, я позволила себе вместо расшифровки мемуаров художника, покататься на роликах.

В середине недели к нам в редакцию пришла наш стилист и принесла рекламные колготки для съемок в рубрику «Мода». Славные колготки из коллекции, которая еще не вышла в продажу. Читателю такие вещи не по карману, но на страницах журнала мы цен не указываем. Мы — три редакционные девушки и стилистша — изучаем новинки. Женское начало приятно теплится. Мы осторожно выбираем из коллекции самое лучшее и прикидываем на белом столе для просмотра слайдов, как композиции из колготок будут смотреться на наших страницах. Мы стараемся не надеть затяжек, потому что в отличие от халявных банок косметики, дорогие колготки надо возвращать в магазин. Главред неожиданно говорит:

- Какие вы, женщины, скучные! Ножки, туфельки... Застой идей...

Вслед за его словами арт-директор срывается с места. Растолкав скучных женщин, он пробирается к столу и предлагает снимать колготки на кабачках. Или тыквах. Мы не верим.

Стилистша первая понимает, что кабачки и тыквы — это всерьез. Она быстро собирает шелковистые ленточки в пакетики и обиженно сообщает, что выплатить ущерб за испорченную колготочную продукцию ей не хватит трехкратной зарплаты стилиста.

Помимо красоты и гороскопа в следующий номер мне приходится концептуально продумать несколько запасных вариантов для рубрики «Мода» (на случай, если главред со стилистшей не придут к соглашению, и нам не обломится снять колготки). В тайне от стилистши (как просил главный редактор) мне пришлось набросать планы «Б» и заготовить к ним отвлеченные тексты. Пока я новый человек в

редакции, мне не годится качать права. И по любому, чем больше работы, тем лучше. Это позволяет мне забыть о бытовых мелочах.

В субботу я укаталась на роликах.

В понедельник я узнала, что до меня на посту редактора красоты (то есть, на моем) за два месяца сменилось три серьезных глянцевого журналиста дамского направления. Всех уволили.

Во вторник я застала коллектив редакции не в полном составе. Главред, стоя посреди комнаты, говорил что-то резкое про фоторедактора — хорошую девочку, которая любит Цветаеву и ищет нам иллюстрации для статей. Ее самой в комнате не было.

Послушав немного, я предложила главреду не обсуждать коллег в их отсутствие. Главред рявкнул: пойдем-ка покурим, и ускакал в коридор. Мир — это мультики, поняла я. Для более захватывающего сюжета главному герою (он же зритель) не положено знать, в какой момент рисоваться, а в какой лучше утухнуть.

В курилке главред произнес примерно следующее: мне и так плохо, а еще ты!.. Куря и слушая его речь, я старалась чувствовать себя шефо-предателем — по сюжету мультика. Вне сюжета, как зритель, я поставила время на паузу.

Тому, кто добровольно посвятил себя описанию жизни, приходится за ней наблюдать. Наблюдать удобней со стороны. Поэтому временами я по привычке смотрю на события, в которых участвую, сверху, как кукловод, который дернул за ниточку, чтобы у его куклы поменялось выражение лица — челюсть отъехала в сторону, пора что-то произнести.

- Ну извини меня, - сказала я, дернув за ниточку, - мне не стоило тебя огорчать.

Мы помирились.

Иногда мне кажется, что все, что со мной происходит — не настоящее только потому, что мне не хочется иметь к этому отношения...

Когда на работу пришла фоторедактор, арт-директор довольно терпеливо и корректно объяснил ей, что она собирает для журнала не те иллюстрации. Загорелая брюнетка в ретровой ванне — не наш интерьер, сказал он. У нас в стране девушки белые и купаются в обычных ваннах, замурованных под линейку в кафель. Эротичную заграничную морковь арт-директор тоже попросил заменить — на нашу. Так и сделали.

После выхода нового номера (это был наш второй) у начальства была большая разборка. Издатель нашего холдинга — главный над всеми журналами и их прибылью — говорят, орал по чем мат стоит. Морковь в нашей глянцевой статье про сезонные витамины вышла кривая, убогая и грязная, потому что фоторедактор честно купила кило в Рамсторе и оттащила на съемку. Колготки стилистша с отчаяния сняла на своих славянских ногах. В статье про расслабляющую пену, на

огромной иллюстрации в пол-листа у девушки из ванной торчала только мокрая голова, остальное кафель.

Я вспомнила анекдот. Марья Ивановна рисует на доске огурец и спрашивает Вовочку, что это. Вовочка честно отвечает: х_й. Марья Петровна в ужасе бежит за директором. Рассерженный директор начинает топтать ногами и ругаться: хулиганы, учителя до слез довели, вот и х_й кто-то на доске накарябал!

После грустной вечеринки по поводу выхода свежего номера мы с главредом задержались. Мне нужно было дописать благодарственные письма в рекламные агентства, которые предоставляли нам баночки, и сообщить, что можно подвозить новые порции. Главред тоже что-то доделывал.

К полуночи мы, похоже, остались во всем издательском доме одни. Давно замолчали последние пылесосы уборщиц. Вдруг, прервав шуршание клавишами, главред откатил от стола и спросил, почему ему по жизни не удастся наставить супруге рога.

- Заколдованный круг, - с отчаянием алхимика сказал он.

От эмоций в его голосе мне стало его жаль. Я тоже оторвалась от работы и попыталась вникнуть в проблему. Я попробовала вспомнить, какие статьи писала на этот счет, но ничего не вспомнила. Тем временем главред вдруг подсел рядом со мной и начал хватать за шею. Я подумала, что если так начинать, наставить супруге рога никогда не получится. Как коллега коллеге я пообещала ему, что если он решит свою проблему где-то еще, я никому не скажу. Я, действительно, собиралась не говорить. А я и не говорю, я пишу...

В субботу, воскресенье и еще какой-то национальный выходной, который случился вслед за уикендом, я пила пиво на роллердроме, не вынимая из сумки роликов. Потом я стреляла там же в детский пейнтбол.

После праздников издателю была подана малява на стилистку. На двух листах подробно описывалось, как сотрудница редакции сорвала съемку колготок на кабачках. Стилистку без разборок уволили. Мы не поняли. Маляву издателю писал арт-директор, и мы узнали о ней, когда фиг — насос. Арт-директор утешил: со съемками будем справляться своими силами.

После обеда меня пригласили сниматься в соседний женский журнал. Там делали статью про что-то модное, и я подошла под размер. Должно быть, анорексия.

Вещи и девушек к вечеру собрали в студии. Приглашенная визажистка долго набирала кисточками схожие оттенки в миллионе палеток и украшала мазками мое лицо, пока остальных наряжали. Украшенная я помогала расправлять на столах в фотостудии маечки, бусики, трусики и прочую белиберду. Работая, фотограф спросил:

- У вас этот парень, арт-директор совсем больной, да?

Когда для корректуры были готовы новые тексты, корректор с

маленьким опытом работы в издательском бизнесе начала откровенно высказываться. По ее некомпетентному мнению правки главреда делали мои статьи смесью французского с нижегородским. Боюсь даже догадываться, какой из наречий был чьим. По аське я написала корректору, чтобы лучше держала свое творческое раздражение при себе, пока никто не обиделся.

На следующий день к нам в редакцию прислали родственника одного из издателей. Это был молодой парень, похожий на рязанца, как скрипка на позвоночник, — юные щеки, русые кудри, голубой взгляд, в общем, полный имиджевый набор. У него нужно было взять интервью про клинику для лечения наркоманов — в клинике изобрели и практиковали новый метод лечения, эффективнее многих на очень много процентов. Трудотерапия на свежем воздухе, или что-то такое (хотя мне казалось, что этот метод довольно старый). На наркомана парень никак не походил. Мы уселись в кофейне без диктофона. Парень очень медленно говорил. К середине он вдруг оговорился:

- Просто надо, чтобы про нас узнали. Мы пустуем. Алкоголиками забиты все клиники, а наркоманов почти не осталось...

Статью про уникальный метод лечения наркомании я даже не успела начать. Издатель, родственник рязанца, уволился, и необходимость в пиаре пустующей клинки отпала.

Как я брала у себя интервью

Корр.: Скажите, в каком состоянии ваши творческие планы?

Я: Иди наф.

Корр.: Что ж, можно только позавидовать. В 1999-м году вы начинали печатать роман, он уже вышел из-под подушки?

Я: Понимаете, все журналисты все время что-то печатают. То о том, то об этом... Но — о том, что можно, печатать не хочется. А о том, чего нельзя... В общем, иди наф.

Корр.: Супер! Ну а как ваша мечта о бойфренде-миллионере?

Я: О! Об этом уже написали.

Корр.: Похвально. А как вы относитесь к современной ситуации?

Я: Наф-наф.

Журнал, где я работала несколько лет назад, как раз когда самолеты врезались в башни, неожиданно заказал мне статью. Кататься на роликах меня почему-то тошнило, и от не фика делать в субботу я придумала несколько занятных тем для разных журналов.

Одну из тем мне подкинул Дима, чучельник. Тема называлась «Кабинет ужасов». Среди близких Диминых друзей был заслуженный доктор-практик, коллега Огаркова (вдохновителя знаменитой газеты Спид-Инфо). К доктору-практику обращались состоятельные мужчины с сексуальными страхами. Доктор им помогал. Сидя в своем кабинете, доктор слушал и слушал трагические истории о том, как взрослые

мужчины боятся секса и женщин, анализировал, записывал и искал корни проблем, чтобы помочь. Но в один прекрасный момент он так запомогался, что заразился. Он заразился от пациентов сексуальными страхами и начал испытывать самые радикальные фобии, одну за другой, с нарастающей силой. Сидя в своем кабинете ужасов, где стены были пропитаны страхом и от историй болезней тянулись мистические флюиды, доктор боролся с собой, потел, анализировал, но от этого становилось только хуже. Когда темнело, он начинал думать о том, что его подружка тоже однажды посреди оргазма вдруг достанет из-за спины плоскогубцы или гаечный ключ, или ткнет ему в пах маникюрной пилкой. Доктор понимал, что это нелепо, но ничего не мог предпринять. Обращаться со своей проблемой к коллегам он стеснялся.

Мне очень хотелось написать о Кабинете Ужасов. Секс, страх и заразные болезни — увлекательный материал.

Придумав еще несколько не таких увлекательных тем, я написала список и разслала предложение по журналам. Первым ответил журнал, где я работала, когда самолеты врзались в башни.

Главняком в том журнале к тому времени уже работал незнакомый мне парень. Прежний — легенда мужского глянца — ушел. Насколько я помню, сначала у него поехала крыша (что нормально для легенды, но плохо для главнюка), потом он поругался с издателем и гордо свалил к конкурентам, похерив контракт. Был скандал, но все утряслось.

Новый главнюк, похоже, знал, что я работала с прежним легендарным составом журнала. Возможно, он думал, что я буду выпендриваться. Ответив на мое предложение, он написал, что подумает, и думал больше недели. Наконец, он выбрал из списка тем, как мне и хотелось, самую забойную — про мужского доктора, «Кабинет ужасов». Главнюк выбрал лучшую тему — правда, с поправкой.

Объясняя суть своего заказа, он написал:

«Наш читатель не падок до материалов об извращенцах».

Честно сказать, я так и не догадалась, кого он имел в виду: докторов, которые помогают людям, людей, которые обращаются к докторам или журналистов, которые обо всем этом пишут. Цитирую дальше:

«Нам интересней было бы почитать о самой профессии, - писал главнюк, - где готовят врачей-сексологов, какие экзамены надо сдавать в институт и какими качествами должен обладать человек, чтобы стать хорошим специалистом»...

И спросила кроха, - подумала я... Прочитав письмо с этим заказом, я долго зырила в потолок и соображала, куда меня пошлет доктор ужасов, когда я опишу ему тему.

Через полчаса, сильно сомневаясь, я все-таки позвонила доктору в кабинет. Новую трактовку темы доктор комментировать отказался. Он сказал, что у него мало времени. Потом он посоветовал посоветовать

моему главному купить книжку «Куда пойти учиться» и фигачить по ней все статьи. Затем коллега Огаркова начал торопливо прощаться и объяснил, что к нему везут директора холдинга, у которого от стягивания швов после операции по удлинению полового члена, пенис опять стал маленьким.

- Написать об этом не хочешь? Могу фотографии дать. До и после.

Я попросила приберечь ксерокопии, лучше цветные.

Пошарив минуту-другую в Интернете, по поиску «сексолог, образование» я нашла телефон какого-то медицинского института. По своему названию ВУЗ, который я нашла, как раз проходил под новую тему статьи в качестве источника информации – в названии было что-то про психов и патологии. Я тут же придумала заголовок для материала: «Лагаешь? Иди в сексологи». По идее, лучше, конечно, «к» сексологу, но нельзя, потому что статья не про болезни, а про профессию. Пенисы холдингам на лекциях по сексологии точно не удлиняют.

Куда пойти учиться, так куда пойти учиться. В институте со страшным названием мне нашли преподавателя, которому, как мне объяснили, я могу задать все вопросы — он самый опытный. Через час я выехала на интервью. В пробках я чуть-чуть поспала. Чертов институт построили на таких куличах, что страшно было подумать о бедных студентах и первой паре.

В приемной опытного преподавателя, куда я, наконец, добралась, чтобы взять, наконец, интервью, меня продержали 20 минут. Со стен приемной отваливалась побелка, напротив допотопного кресла для посетителей стоял кривой таз, с потолка в него что-то капало. Я натянула наушники, врубила Лакримозу и попыталась опять уснуть. Один глаз я на всякий случай оставила приоткрытым, и так спала, пока под вокалы готики, минут через 7, наконец, бесшумно не отворилась давно не мытая дверь кабинета, где сидел мой эксперт, и на отставший от пола линолеум не выплыл эффектный дядя — прямо из старинного фильма про угонщика ретровых автомобилей Деточкина. Сдернув наушники, я улыбнулась.

Преподаватель это был или практикующий доктор, но он как близнец походил на позднего Смоктуновского. Нет, он не просто походил, он был ожившим Смоктуновским: тот же возраст и тот же хабитус. Если бы доктору было лет 10, я бы решила, что он — инкарнация не так давно умершего артиста.

- Девушка какая, - удивленно пробормотал Деточкин и пригласил меня в кабинет.

Мы уселись.

- Ну-с! - сказал Деточкин, водружая локти на стол и подпирая подбородок длинными пальцами. От его подбадривающей улыбки, я было забыла, кто у кого берет интервью.

Сосредоточившись и наскоро обрисовав для доктора тему, я вывалила на стол диктофон. Вместе с диктофоном из моей сумки на стол вывалились ай-под, ай-фон, наладонник, брикберри и горсть флешек. Доктор прерывисто вздохнул.

- Ну, расскажите же о себе! – воскликнул он и, не мигая уставился на рассыпанные по облупившемуся столу игрушки. Я попыталась собрать барахло обратно, но доктор буркнул «Ничего, ничего, пусть лежит» и осторожно протянул руку к компьютеру.

- Там игра есть, в шарики, показать? - ляпнула я. Дядя отдернул руку. Когда эта фиговина попадалась на глаза детям, первым делом они спрашивали, какие есть проги. Я пожала плечами.

Взгляд Деточкина из теплого превратился в слегка отстраненный. Доктор вскинул подбородок и снова пригласил меня рассказать о себе. И тут я сообразила, что у меня с собой нет ни визитки, ни журнала для презентации, то есть, о себе, как просит доктор, придется, и в самом деле рассказывать — потому что показать о себе мне нечего. Стряхнув дрему, я начала:

- Наше с вами интервью появится в глянцевом журнале, для мужчин... С картинками... наш тираж...

- Да не хочу я знать ни о каком вашем тираже, - вдруг капризно перебил меня Деточкин, - о чем вы там пишете?

Я задумалась. Я работаю в журналах давно, но, сколько себя помню, никогда не читаю ничего дальше обложки.

- Ну... интересные статьи... о здоровье, и еще... эти, про секс, - начала объяснять я, беззвучно чертыхаясь и мысленно закидывая себя осиновыми колями за то, что вышла из дома без нового номера. Свежий номер журнала на интервью — это как букварь для первоклассника — профессиональная этика. Даешь человеку журнал, где через месяц, как он знает, появится его фотография, и спокойно ждешь, когда он сделает вид, что все понял.

- Про секс... - повторил Деточкин и вскочил из-за стола. Возможно, я не должна была произносить при нем слово «секс». Доктор забегал по кабинету, а я следила за ним глазами, - вы сами-то понимаете, о чем пишете?

Я не успела ответить ни «да», ни «нет». Деточкин подскочил к шкафу и выдернул с полки толстую книгу.

- О сексе, - передразнил он и швырнул книгу на стол, - вот. Это я написал. О сексе.

Я мысленно закатила глаза. В реале я, конечно, изобразила на лице священный трепет и провела по потертой обложке книжки дрожащими пальцами. Небось, переложение камасутры? С картинками... Я хищно улыбнулась. Говорят, некоторые мужчины любят наблюдать за женщинами, которые любят секс. Это их расслабляет. Однако, Деточкин не расслабился.

Полыхая щеками и разлохматившись, он начал ожесточенно

метать на стол брошюры, монографии, газеты, выкинул еще пару потрепанных книг. Передо мной образовалась большая гора. Стол напомнил мне генеральную уборку или переезд.

- Вот, это все о сексе! - доктор нервно потер руки (на мой взгляд, потирание рук в сочетании с повторением слова «секс» — плохой признак, и я напряглась), - все моё! Вы, милочка, хотя бы названия того, что я написал, слышали?

Я подумала, что с меня достаточно названия его института, и честно ответила:

- Да.

Деточкин торжественно смахнул челку с лица.

- Вы все врете.

Тема интервью начала меня доставать. И что мне оставалось делать?

- ОК, - я кивнула на все обвинения Деточкина и предложила, - проще пареной репы. Я собираю манатки и ухожу.

Я начала сгребать со стола и пихать в сумку свои игрушки. Ай-под затерялся среди книг. Кто знал, что Смоктуновский и во втором рождении большая звезда? Выковыряв из-под макулатуры свой музыкальный дивайс с четырьмя песнями Лакримозы, я протянула для прощания руку. Для темы «Куда пойти учиться» мне не нужен звезда. Мне нужен простой и скучный, и лучше бесполой сексолог, который расскажет, как это интересно — изучать стадии метастаза и зубрить наизусть имена бактерий, вызывающих простатит. Деточкин сказал:

- Вы даже не потрудились узнать, у кого идете брать интервью.

Он сунул руки в карманы своей вязаной кофты и смотрел на меня исподлобья, как упертый подросток. Я вздохнула и решила начистоту. Рассказать о себе, рассекретив название журнала, для которого я пришла брать интервью, я все равно не успела, так что ничью репутацию я не испорчу, даже если залезу на стол и станцюю джигу на медицинской энциклопедии. Я сказала:

- Мое дерьмовое время журналиста стоит дороже, чем весь ваш научный шкаф. Вы тоже не удосужились узнать, кто к вам придет. Так что мы квиты.

Я настойчивей протянула для прощания руку. Деточкин как-то нелепо дернулся в сторону, будто я собиралась его стукнуть.

- Посидите тут, - торопливо сказал он, - почитайте, я только чаю хлебну.

Он сунул в мою протянутую руку очередную книгу, схватил пакетик с мятым курабье со стола и стремглав вынесся из кабинета.

Я опустила на стул. Я спросила себя, стоит ли опять достать из сумки диктофон или не стоит? Честно говоря, мне уже было комфортно от мысли уйти. Мне было уже даже радостно, что ничего не выйдет: статья не напишется и читатели, которым плавать на извращенцев, так и не узнают, сколько стоит сдать экзамены, чтобы научиться

извращенцев лечить.

Я покачала головой и раскрыла книгу Деточкина про секс. Я начала читать. Через минуту глубокомысленных усилий — моя первая минута чтения закончилась примерно на второй запятой от начала — я поняла, что легче подготовиться к интервью с тем бровастым математиком, который отказался принять премию Филдса и удрал от академиков в тундру. На 70% книга Деточкина о сексе состояла из терминов, на остальные 30 — из сложно-подчинительных союзов. Одно предложение мне все-таки удалось разобрать: «Если вы думаете, что секс — это что-то волнующее, чем занимаются без штанов, вы глубоко ошибаетесь» (я передаю только смысл высказывания, на самом деле, предложение было в три раза длинней).

Я хихикнула. Смысл впечатлил меня до глубины. Раскопав в сумке наладонник, я залезла в Интернет и нашла онлайн-толковый словарь. Есть у меня страсть смеяться над толковыми словарями — чаще всего оказывается, что точные определения слов превращают общепринятые истины в полный абсурд. Я загрузила словарь и набрала слово «секс». Словарь выдал определение: «Секс — это все, что относится к половым отношениям». Зачот. Чтобы разобраться-таки, какие именно типы отношений относятся к сексу, остается понять, что значит «половой». Листаем, смотрим: «Половой — см. Пол». «Пол — каждый из противоположных разрядов живых организмов».

Кому не смешно, пусть прочтет еще раз. Кому все равно не смешно, объясняю: исходя из дефиниции слова «пол», половыми отношениями, то есть, сексом, надо считать ВСЕ, чем, к примеру, я, как живой организм, занимаюсь с существами противоположного пола — то есть, с мужчинами. НЕ сексом, следовательно, будет все, чем я могу заниматься с женщинами. Похоже, что в глобальном половом смысле я не могу иметь секса разве что с комарами: как известно, кусаются только самки, а самки одного со мной пола (то есть, не противоположны). Что до мужчин, то они и тут умудряются вступать в половую связь (не кусаясь, так хотя бы жужжа и летая вокруг меня).

Через пять минут здорового хихиканья мне отчаянно захотелось взять у Деточкина интервью — о теории секса, противоположных разрядах и альтернативном взгляде на половой вопрос. На мой взгляд, самые нужные люди для интервью, это те, у кого есть мнение класса премиум (то есть, мнение, которое еще не успели обсудить и выдать за свое каждый охранник и секретарша, не масс-маркет). Если понятие премиум-класса есть в мире шмоток, услуг и даже сетевого маркетинга, почему его не может быть в мире идей?.. Брать интервью премиум-класса легко. Поскольку ни один журналист от масс-медиа не может быть в теме премиум-класса, которое по определению доступно только высшему классу живых организмов, то журналисту как служителю масс остается только внимать, записывать и удивляться. Засада с такими интервью только одна — в отечественных масс-медиа они, как правило,

никому не нужны.

Немного подумав, я оторвала от наладонника телефон и позвонила в первую пришедшую на ум Евро-клинику, чтобы найти запасного источника информации для массовой темы «Куда пойти учиться». Девушка в регистратуре тут же записала меня на прием по интимным вопросам на последний приемный час. Приглушив голос, я попросила девушку найти для меня самого никакого, нейтрального в смысле пола врача. Сначала я хотела попросить самого преданного профессии сексолога. Но потом подумала, что преданный профессии и не сексуальный, если говорить о мужчинах, – это одно и то же...

- Ну, вы понимаете? – требовательно спросила я, - если я приду на прием и увижу Бреда Пита в белом халате, у нас ничего не получится.

- Кнешно-кнешно! – скороговоркой заверила девушка.

Пусть она запишет меня в коллекцию чокнутых пациенток.

Вернувшись, Деточкин моментально начал давать интервью.

- Только вы не включайте свои репортерские приборы, - попросил он, - все, что я вам расскажу, не должно выйти за рамки этого кабинета.

Я радостно кивнула. Что мы радио Америки под одеялом не слушали и не умеем хранить секреты? Хотя, если рассуждать экономически, есть нечто странное в журналисте, который обещает никому ничего не рассказывать. Но я уже не думала, что мое время стоит дороже его книжных шкафов. И потом, даже если я что-нибудь когда-нибудь расскажу, есть нечто странное в том, чтобы верить в интервью, не подтвержденное диктофонной записью, так что ни Деточкин, ни я ничего не теряем.

- Так что же такое секс? – спросила я, сложив руки на животе.

- Милочка, а вам уже не интересно узнать про экзамены на сексолога? – Деточкин лукаво фыркнул, - знаете, журналисты с такими вопросами припираются пачками. Последний раз были с телевидения. Я же первый сексопатолог в стране, в смысле, мы — первый выпуск. Нас было 12.

- О! - сказала я, - поэма...

- Но я не отвечаю на вопросы кому попало. Когда вы там в коридоре сидели, я подумал, фу, прислали!..

Я смутилась. Кто их знает. Про психологов я уже давно не думаю, что они великие ведуну человеческих душ. Терапевты хотя бы берут у тебя мочу. Сексологи – а вдруг эти доктора реально видят тебя насквозь? Деточкин кокетливо улыбнулся.

- Вот например. Присылают ко мне одну барышню. Подлечиться я кого попало тоже не принимаю – только по рекомендации от своих.

- Закрытый клуб?

Деточкин гордо выпятил грудь. Вообще, все реакции как-то отражались на нем, как действительность в телевизоре – моментально

и бурно. Если есть клиповое сознание, то это – клиповое собрание молекул.

- Я не буду говорить ее имени, но барышня притащила с собой любовника. «Доктор, - спросила она, - сколько раз в неделю положено трахаться?».

У меня отвисла челюсть.

- В каком это было веке? – спросила я.

- В новом, в новом, - уточнил Деточкин.

- Так все же знают, что в неделю положено... три!

Деточкин приснул.

- Э! Милочка, - он приподнялся и достал с полки Энциклопедию, - это все я придумал.

Я схватила огромный старый том Энциклопедии. На справочники моего интеллекта всегда хватало.

- Что вы придумали? – шурша страницами, спросила я.

- Открывай на букву «С», - посоветовал Деточкин. Он как-то сам собой перешел на «ты».

- Секс придумали? – спросила я, торопливо разыскивая страницу.

- Секс, секс...

- Ну и кто вас просил?

Деточкин захихикал.

- Меня просил один из официальных составителей этой энциклопедии. Его фамилия указана на эрзаце, тогда он был замом Министра. За каждую статью в эту энциклопедию я, как автор, получал почтовый перевод, деньги по почте. В графе «цель перевода» на бланке для отправки денег, министерство писало: «гонорар, услуга: половой акт». Представь, как меня любили почтовые работники!

От восхищения я хватаюсь за живот.

- А это вы писали статью на «И»?

- Извращения? - Деточкин махнул рукой, - да, она все равно под «П».

- Боже мой!

Деточкин вдруг стал моим любимым сексопатологом.

- Ну и вот. В этой статье о половом акте я сначала написал то, что знал: «По времени половое сношение занимает до 40 минут». Я закончил и отправил статью, и жду гонорара. Звонит мне министр. «Это что такое ты написал, голубчик!». «А что?». Я аж испугался за свой гонорар. «А то! Час сношаться, где ты такое видел? Моя секретарша прочитала и... Голубчик, восстанови ты мою личную жизнь!».

Я поднимаю брови.

- Как так?

- А так. Я интересуюсь у министра «сколько надо?» и, в соответствии с его ответом и мужскими возможностями, переписываю кусок статьи в энциклопедию, которую будет потом читать вся страна: «норма полового сношения — от нескольких сек. до нескольких мин.»...

Министр был счастлив.

Я непроизвольно делаю круглые глаза и машинально говорю «блин». Улыбаясь, Деточкин прижимает палец к губам типа «тихо».

- Гонорар заплатили?

- Заплатили, заплатили... Еще бы за ту помощь советскому человеку мне бы не заплатили!.. Так вот. Барышня, которая недавно пришла ко мне со своим несчастным любовником, узнать, сколько раз надо в неделю... На энциклопедии мы, как просвещенные читатели, уже не равняемся.

- И правильно делаем.

- И правильно делаем. Кто-то сам под одеялом просек, что маловато будет, кому-то объяснили... сексологи... Но нормы, нормы-то мы по-прежнему не знаем!!! Разброд и шатания. Представляешь себе, как мучительно? Барышня где-то слышала, что надо заниматься пять раз в неделю, а любовник выдает один. Большая проблема. Не знаю, наверное, я те секунды в энциклопедии по гроб жизни расхлебывать буду. Вот, приходит она ко мне и задает свой насущный вопрос: сколько в неделю?.. Понимаешь, ей хочется точно знать. На счетах. Удовольствие, оно же тогда правильное, когда кем-то установлена норма, и все по правилам... Сами кайфовать мы не можем. Нам всегда кто-то объясняет, что считать приятным, что нет... Посмотрел я на нее, на ее мужика, и говорю: «40».

- Ой-о! - я невольно краснею, - в неделю?

Деточкин хитро жмурится.

- Тебе не нравится, а дама вся засветилась.

- Спорю, она светилась еще больше, когда ее любовник начал хлестать виагру...

Деточкин заерзал и схватил бумажку. Вместо обычных разноцветных бумажек для записей в коробочке на его столе стояли нарезанные рецепты. На обороте порезанного рецепта Деточкин записал: «40:0» и протянул мне.

- Продула, Ямайка. Ничего я ему не выписывал... Здесь главное, чтобы человек знал, что границы бесконечны — как в ту, так и в другую сторону, главное свобода... Я знаю одну прекрасную пару, где норма раз в год, и у них все нормально, никаких шуток. Ты спрашивала, что такое секс, - нахмурившись, Деточкин порылся в одной из своих брошюр, перегнул ее пополам и сунул мне под нос.

На странице брошюры шел длинный список ничем не связанных существительных и глаголов. Мне захотелось выполнить детское задание «вычеркни лишнее». Деточкин ткнул карандашом в пункт «танцы». Потом графитовый кончик его карандаша соскользнул на «беседы», «подарки», «прикосновения» и «прогулки вдвоем».

- Это все - он, милочка, - секс.

Я печально вздохнула. Нет у меня никакого секса, кроме интервью. Деточкин вздрогнул. Наверное, в моих глазах все еще

рушатся нью-йоркские башни, и это заметно со стороны. Надо потренироваться перед зеркалом быстро изображать выражение «все зашибись»! Никаких половых претензий к товарищу Ладену...

- Вот для этого я и придумал систему, по которой можно определить, сколько твой партнер будет трахаться после свадьбы, - осторожно проговорил сексолог, наклонил голову и посмотрел на меня как бы со стороны.

Да тут я, тут.

- Смс-ки можно включить в этот список? – с опозданием проявляя интерес, спросила я.

- Нужно. И кофе в постель.

Ладно, завтра же займусь самоудовлетворением.

- А что за система?

Деточкин перестал хлопать глазами и оживился.

- По внешним признакам я научился определять, насколько человек сексуален. Ну, проще говоря, сколько раз ему надо.

Я опять покраснела. Деточкин захохотал и показал на меня пальцем.

- Боишься, что вычислю?

Я криво улыбнулась. Налево пойдешь, к хорошему специалисту попадешь ...

- Нет, я серьезно! – воскликнул Деточкин, - сексуальность – важно! С ее помощью можно управлять целой системой. Она же влияет не только на рождаемость и количество удовольствия.

- А на что?

- Ну, например.

Я уже привыкла к тому, что он говорит «например» и на несколько секунд замолкает.

- Ну, к примеру, меня приглашали читать лекции в военную академию...

- Шпионам что ли?

Он посмотрел на меня удивленно:

- А шут их знает. Может, ты и права. Там все было так секретно. Дежурный водил меня в туалет и стоял за дверью кабинки. Вот те крест!

Полагаю, что крест – это для драматизма. Вместо того, чтобы перекреститься, Деточкин три раза тьфукнул через плечо.

- Вместо фамилий студентов для учета успеваемости мне выдавали список номерочков. Но не важно. Как-то в перерыве между занятиями, я сидел со своим дежурным под деревом, в тенечке. Мимо бежал строй курсантов – все одинаковые, в трениках и кофтах, таких, под горло. Я заметил одного курсанта и толкаю дежурного: ты, говорю, можешь его фамилию не называть, но у вас с ним большие проблемы. Дежурный очень удивился и спрашивает: какие?.. С территории, говорю, сбегает, дисциплину нарушает. О! говорит дежурный. Доктор,

но как вам удалось об этом узнать?

Деточкин улыбается. Я, сочувствуя его счастью, тоже. Деточкин продолжает:

- А это и есть моя система — как узнать (и, собственно, что делать дальше). Я дежурному, конечно, ничего не стал объяснять. Но начальство потом попросило меня составить рекомендации, характеристики и разработать индивидуальный подход к каждому студенту.

Я уважительно киваю. Доктор мог бы продаться в какую-нибудь разведку. Действительно, сексуальность влияет на все... Бен Ладен (или кто там еще взорвал американские башни) этого не учитывал. Горячих восточных женщин от горячих восточных мужчин спасало два средства — Коран и паранджа. Возможно, Ладен думал, что если люди ближе к северу ничего такого не носят, и ни во что такое не верят, а наоборот, ходят практически голые, то трахаются все время, как кролики. С высоты его культуры это, должно быть, вполне логично и, глядя на весь этот разврат, он просто боялся, что белых скоро станет угрожающе много. По статистике, дети почти всегда придерживаются той религии, которую исповедовали их родители. Следовательно, чем продуктивнее развратные белые, тем меньше будущего остается у паранджи...

- Да, - продолжает Деточкин, - теперь ты понимаешь, для чего на самом деле нужен сексолог.

Я снова киваю и думаю об очередной большой иллюзии, по которой загоняется человечество — то запрещая секс, как вселенское зло, то ломаясь в платные кабинеты врачей, потому что 3 раза в неделю — мало.

- Кстати, за границей такой специальности нет.

- Да?

- Точно. Мы — эксклюзив. Западные коллеги приезжают специально пройти курс, чтобы потом вешать дипломы у себя в кабинете.

- А что, у нас на сексологов больше спрос?

Странно, секса в стране не было, а доктор по нему был. Деточкин говорит: «Ха».

- Одна дама вернулась из Испании. Профессорша, между прочим. Она сходила там на стриптиз и является ко мне в стрессе. У испанцев, жалуется, всю ночь стоит.

Я в изумлении замираю. Деточкин выдерживает паузу и спрашивает:

- Ты костюмчики стриптизеров видела?

Сообразив в чем дело, я прыскаю. Деточкин вдруг становится серьезным.

- Я вот вообще, сколько лет работаю, столько не понимаю, что все так озабочены этими фрикциями, эрекциями, оргазмами... Проблем мало?.. - он смотрит на меня с сомнением, - ты сейчас подумаешь, что,

если я не озабочен, то у меня не стоит!

Я не выдерживаю и, глядя, как он стал похож на большого мальчика, неприкрыто весело ржу. Потом говорю:

- Так и подумаю!

Деточкин тоже смеется. У него великолепные зубы.

- Вот и я о том же: чуть что сразу все полагают, что ты давно не трахался.

Мы задумчиво улыбаемся каждый о своем, потом Деточкин начинает рассказывать, что же такое его профессия. Он говорит об отличниках, которых принуждают к сексуальным услугам за красный диплом, и о сопливых прихожанках, нарвавшихся на растлителей батюшек и о том, как им не верят родители, и о женщинах в возрасте, которые позволяют любовникам мучить свои тела... Но всех реально черпанувших личностей к Деточкину приводят друзья, потому что знают, что он не станет искать слова помощи в энциклопедических мантрах.

- А по рекламе об услугах сексолога, к тебе обычно приходит молодая помощница директора и спрашивает: «Доктор, мы съездили с шефом в командировку. Но во вторую шеф меня не взял и не прибавил зарплату, как обещал. Что я не так сделала?». Она почему-то думает, что сексолог — это такой покровитель оргазмирующих, которому нужно поставить свечку, чтобы стать половым гигантом и леди Эротика всех времен. И она хочет, чтобы я научил ее правильно делать минет.

Деточкин трагично поднимает и опускает ресницы. А мне, как почему-то повелось с мемуаров художника, лезет в голову Средняя Азия. Не вся, конечно, а только финальные дни...

...Одним блаженным нежным утром, которые обычно наступали в Мертвой Долине после густых и тихих ночей, мне нужно было лететь в Россию на занятия. Закончились мои первые вузовские каникулы. Чтобы проводить меня в аэропорт, за нами заехал на машине наш друг. За окном разливалось солнце. Я летела в зиму, и мне не хотелось лететь. Вдруг вслед за нашим другом, который приехал за мной на машине, к нам в квартиру забежал его брат и, запыхавшись, сказал моей маме:

- Лопухова. Военное положение, бери паспорт.

Мама села на мой чемодан.

Я была, видимо, девочка с поздним развитием. Мы молча погрузились и молча поехали, но мне не было страшно. Войну я видела в кино и читала по книжкам. От документального приложения к Молодой Гвардии про зверства фашистов над комсомольцами, которое нас заставили прочитать, как я помню, тошнило весь класс, половина слегла с болезнями. Но печатную действительность, пусть даже документальную, я никак не переносила на настоящую. Может, в прошлой жизни я была Шекспиром (надеюсь, настоящим, а не

поддельным) и с тех пор смотрела на мир слегка из-за кулис. «Вся жизнь – игра» я, должно быть, сказала в сезон падения цен на билеты, только чтобы поднять интерес к подмосткам.

Дороги в аэропорт были пустынные. Собственно, ранним утром так и должно было быть. Я смотрела в окно во все глаза и пыталась увидеть военное положение. Мы проехали мост, с которого часом позже сбросили машину – в ней ехал мой приятель с родителями сватать его невесту. Погибли все.

Проехали дом, у которого двумя часами позже попала под обстрел моя бывшая одношкольница и полгода потом не могла разговаривать.

Мы приехали в аэропорт. Из стеклянных дверей выходили и входили обратно киноплёночные фигурки с автоматами и лицами за прозрачным пластиком. Из-за углов зданий торчали потешные части военных машин, типа танков. В общем, военное положение было похоже на недоделанный пазл.

- Ничего не бойся, - напутствовали меня друзья, - ты уже большая, прилетишь, сразу дай телеграмму.

Я не боялась. Я спокойно добралась до Ташкента и собиралась пересесть на другой самолет, чтобы лететь в Россию. Я даже думать забыла о ВП и СА. Регистрация закончилась. Посадку задерживали. На улице было тепло. Я сидела на лавочке под фонариком и время от времени слушала объявления диктора. Про мой рейс диктор молчал. Я наведывалась к табло. Рейс все не был объявлен. Когда время дошло до крайней обещанной точки, я стала беспрерывно бегать от табло к справочному окошку и обратно. Посадки не было. Я занервничала.

Не помню как, но через полчаса я выяснила, что мой самолет уже улетел. То ли диктор объявил, что посадка закончена, то ли в окне справок мне сказали: «Девушка, что же вы, бегите скорей» и указали номер ворот. Когда я добежала, ворота на посадку уже были закрыты. Мой чемодан улетел, а я нет. Хотя мы вместе с чемоданом прошли регистрацию.

Я вышла на улицу и познакомилась с каким-то иностранцем. Он возмущился, послушав мою историю. Он сказал: «такого не может быть» и потащил меня в кассы. Все, чем мне могли там помочь – предложили сдать билет.

- Как мне лететь? – спросила я, считая деньги за вычетом процентов за опоздание.

Кассирша пожала плечами.

- Билетов нет.

Неделя в Ташкенте была сумбурной. Первую ночь я спала в кресле вип-зала (иностранец уговорил девиц на ресепшн пустить меня). На утро перед стойкой регистрации, где я накануне сдала чемодан, и к которой меня потянуло словно преступника на место, выстроилась толпа таких же отставших от моего самолета числом 50 человек. Никто

не понял, как опоздал. Все тараторили примерно одно и то же. Посоветовавшись, оставшие пассажиры направили небольшую делегацию осаждать директора аэропорта.

Делегация долго не возвращалась и, в конце концов, от стойки регистрации мы все переместились к директору. Директор принимал по одному. У кого-то с собой была телеграмма о похоронах, у кого-то грудные дети, у кого-то что-то еще, худо-бедно толпа редела. Народ пристраивали на ближайшие рейсы. Я успокоилась. Мало ли что бывает, сбой в табло...

Подошла моя очередь.

Директор аэропорта спросил, куда я лечу.

- К бабушке, - ответила я. И еще зачем-то сказала, откуда.

- Из Душанбеее? – директор почему-то нехорошо улыбнулся и вспотел головой, - ну приходи сегодня ко мне в кабинет после рабочего дня.

Я спросила, почему нельзя заняться моим билетом сейчас. Чем я хуже?

- Ты лучше. Приходи, будем заниматься индивидуально!

Вторую ночь я спала на скамейке под фонарем. А потом я улетела в Учкудук-три-колодца — билет туда стоил копейки, и делать все равно было нечего. Никогда не думала, что попаду в хит. Из Учкудука я вернулась в Душанбе и там узнала, что к рейсу из Ташкента в первый день военного положения свозили администрацию республики и прочих «шишек», пытавшихся удрать от войны. А в аэропорт Душанбе в тот день приезжал живой комиссар Катанья из Италии и из танка вкрадчиво убеждал людей прекратить беспорядки...

Деточкин прерывает рассказ об ужасах своего кабинета и спрашивает:

- Что загрузилась?

Я улыбаюсь и отрицательно машу головой.

- Ты — хорошая девочка. А я — сексуально-стратегический консультант.

Мы смеемся. Да уж, наконсультировал всю страну. Возможно, пока на размножение нам было официально отведено несколько сек., мы не представляли угрозы соседним странам. От одного климатолога я узнала, что погода тоже влияет на рождаемость. В сухом жарком климате вероятность зачатия выше.

Я думаю о том, кто прислал в аэропорт комиссара Катанью? И кто уговорил звезду перелезть с самолета в танк? Не ехал же он специально из Италии на двух гусеницах, за пару часов до того узнав, что в Душанбе исламская революция?

- Ладно, а что с твоим интервью будем делать? – спрашивает вдруг Деточкин, - задание ты не выполнила.

Я отмахиваюсь: фигня. Настоящему Шекспиру истина дороже.

Впрочем, и поддельному тоже. Тот, кто рискует создавать, по-любому не осядет на дно с более зас...ными мозгами, чем те, кто соглашается жить в мире чужих иллюзий, созданий и выдумок...

- Ну что, статья? - говорю я, маша рукой, - пара потенциальных сексологов никогда не узнает, как приобрести эту профессию. Досадно, конечно, но ничего не поделаешь.

- А давай, давай, ты ПРИДУМАЕШЬ себе проблему и пойдешь с ней «лечиться» к моим коллегам? — воодушевляется Деточкин, - никакого обмана! Все равно все эти жуткие трудности, с которыми к нам идут, они деланы... пальцем.

Я смотрю на него внимательно. Почти что с любовью. Как ты прав, Деточкин! На меня находит прозрение. Создавать можно все, что угодно. Проблемы, детей, черный дым в синем небе. Главное, не перепутать, что из чего, и кто автор. Я вдруг понимаю, от чего солдаты бьют в поездах, почему кабинет ужасов бывает заразен, как мой Деточкин, проработав всю жизнь, остался здоров, и зачем он решился, наконец, подняться до интервью премиум-касса — иллюзия давит на того, кто знает реальность, и хочется хотя бы раз в жизни сказать: ребята, весь ваш мир похож на мираж во вселенной, и дело даже не в матрице. Дело в том, что кто-то создал эту матрицу, поимев дивиденды от авторских прав, и вы не хотите знать, кто...

- А? Ты запишешь дурацкие консультации сексологов тайком на свой патефон, - глаза у доктора блестят, - а я их после откомментирую, и мы развеим все эти мифы, - он задумывается, - только чур, я подписываться не буду.

Я преодолеваю отчаяние понимания и деланно вскидываю брови:

- Почему?

- Ну тебя на фиг! Это ладно, я тебе рассказал, но ты хочешь, чтобы я на всю страну объявил, что сексология — шарлатанство?

Я поджимаю губу.

- А вы? Вы-то всю жизнь работали.

- Я много путешествовал, девочка.

Мне приятно, что он меня так называет.

- Я видел разницу. Создав миф один раз, я больше никогда не конопатил людям мозги, даже из корпоративной солидарности. И под страхом вымирания индустрии.

«Куда пойти учиться» я написала. Сразу от Деточкина, слегка припухшая от долгой трепотни, я поехала на прием в Евро-клинику, собирать инфу о ценности сексологии для трудоголиков.

Альтернативный доктор не был похож на Смоктуновского, он вообще ни на кого не был похож. Как и обещала, девушка с ресепшн нашла мне самого отменного не Бреда Пита. Стараясь не зевать, я быстро обрисовала доктору тему. Я вывалила на стол диктофон. На столе доктора стоял алебастровый пенис в разрезе. Не думаю, что он

обозначал «вы меня затражали» или «я вас затражал». Чисто конкретно просто стоял на столе.

Скучный доктор, в отличие от Деточкина, конечно, не рассказывал о том, как пионеры полового лечения развивали науку сексологию по заданию партии и правительства, как под дудку министров они сочиняли большую энциклопедию или ездили по провинциям СССР с просветительскими лекциями «Культура половой жизни», целью которых на самом деле было сагитировать баб на БАМ — де там хорошо, и все, о чем мы вам рассказали, можно продвинуть в жизнь во имя половой культуры отечества. Возможно, скучный доктор и не знал, что на заре зарождения его наука промышленяла выездными лекциями по стране и смущала провинциальных баб, хуже Кобзона.

Информации по теме в итоге интервью набралось пара абзацев, включая длинное название профильного института. Скучный доктор в отличие от Деточкина, разумеется, не сознался в том, что в сексологи идут, как правило, те доктора, у которых половые вопросы вызывают беспокойство и беспокойный интерес. Возможно, об этом он тоже не знал...

Заметка получилась скучной. Журналистские материалы, как герои Толстого, живут своей жизнью. Одни процветают, другие лузеры, не успеешь достукать по клавише, швыряются под электричку. Интересное чувство, должно быть, бывает у родителей, чьи дети рождаются какими-то неказистыми. Так же, как соседи и родственники, главнюки журналов не могут сказать автору: «Твой сыночек — полный и законченный откровенный отстой». У главнюков на такое не поворачивается язык. И я их хорошо понимаю. Если текст невозможно даже исправить, редакторы начинают говорить секретарше, что их нет на месте, а при встрече с e-мейлом автора переходить на другую сторону улицы. Редакторов в такой ситуации жаль. Но не станешь же объяснять, что ты — мать-ехидна, и судьба твоих никчемных детей тебя не волнует. Более того, ответственность за их заячьи губы и идиотский лик я — лично — в некоторых случаях перекладываю на их бедных отцов — главнюков и редакторов, которые придумывают идиотские темы.

Седьмое утро от встречи с сексологом Деточкиным застало меня за размышлениями об отцах и детях и, как обычно в минуты глупости, я загрустила по американскому ангелу, хранителю моих убитых эротических грез. Я спросила себя: интересно, есть ли жена, мать детей у террориста бен Ладена, взорвавшего башни? Я думаю о нем чаще, чем позволяют приличия. Говорят, что все несчастья в мире начались после 11 сентября, и сколько их еще будет — дефолты, разгул мировых банкиров, нехватка нефти и, может быть, второй железный занавес. Я ничего об этом не знаю. Более того, в минуты эгоизма мне плевать на глобальный мир. БенЛаден — это просто символ захода XX века, бородастый дед, вроде Санты, только с Востока, и вместо мешка с подарками за плечами он носит тротил, ощущение тоски и

несбывшуюся мечту о бесконечном экономическом росте. Я даже не знаю точно, виноват ли он в трагическом конце моей интернациональной любовной истории, и стоит ли порочить его знаменитое имя, но, как ребенок Санте, я иногда сочиняю письмо: Бенчик, ты угробил мою личную жизнь, давай, делись, чем есть, в горе и радости. А то куда я теперь, с печалью на руках. Но мужчины — и фольклорные, и настоящие — всегда были странными, не понимавшими бытовых трагедий. Должно быть, это от того, что у них всего две охренительно важных делом. От этих дел уже вся цивилизация утекает в озоновую дыру, наступают войны и кризисы. Но им все равно нет дела до того, как проводит ночи женское меньшинство, лишенное ангелов.

Занятая раздумьями, я опоздала на работу. Была пятница. Главный редактор (журнала, где я работаю главным по баночкам), жена которого недавно вернулась из отпуска, а он так и не наставил ей рога, сосредоточенно правил тексты. Видимо, у него что-то упорно не получалось. Подняв голову от клавиатуры, он сказал мне вместо приветствия:

- Знаешь что, дорогая, это служба все-таки, а не курорт.

Я подумала: йо, а кто, если не я, каждый день приходит раньше уборщиц и уходит под храп охраны? Говорить такое длинное предложение мне было лень. По мнению специалистов, женщина для удовлетворения собственной жизнью, должна произносить 3 тысячи слов в день. Я их печатаю 4 тысячи в час. Ночью, когда никто не лезет с комментариями, в два раза больше.

В обеденный перерыв в курилке мне донесли, что на последнем корпоративном аутинге, куда я не попала, так как была занята работой, наш главред подвыпил и жаловался, что он один пишет весь наш журнал. Остальные работники де просиживают штаны. Послушав, что говорил обо мне главред, я оглядела свой денимовый зад и пошла налить себе кофе.

В субботу я пришла на работу, чтобы доделать кое-что по верстке. К вечеру, когда я доделала все, что хотела, я взяла пачку розовых клейких стикеров и приклеила по одному ярлычку на каждую свою статью в прошлом номере. Стикеры густо торчали из страниц наподобие закладок в каталоге покупок. Я положила номер на видное место, чтобы при случае сразу взять и сказать, как Деточкин: «Все мое». Что бы сделал в такой ситуации символ XX века, Ладен? Взорвал бы всю редакцию наф. Было бы не плохо. Рекламные отделы зарабатывают приличней, чем редакции. Кроме того, у редакторов периодически сносит крышу.

В понедельник мне позвонили и пригласили работать сценаристом на телегу (TV, Останкино). По описаниям, предлагаемая работа была по сменам, и в основном, ночная, Я могла совмещать ее с

основной, так что я нарядилась в розовый плащ и поехала беседовать. Народ на ТиВи каждую минуту увлеченно демонстрировал увлеченность эфирными сетками, так что шеф-редактор передачи, куда меня пригласили, в качестве собеседования задал всего пару вопросов. Один из его вопросов был — «сколько времени?», второй — «Куришь?». Ведущий гастрономической рубрики, который в эфире изображает шеф-повара, как раз освободился от записи. Он заскочил за нами, выволоч на лестницу, к пепельницам и начал объяснять, как оказывается просто готовить чесночный суп.

Мой будущий кабинет сценариста, который мне показали сразу после чесночного супа, выходил окнами на телевышку. Перспектива все время видеть башню в окне меня огорчила. Получив свое расписание эфиров, я попрощалась. В лифте я встретила ведущую рубрики о звездах, и та рассказала мне, что из-за электроники и каких-то проводов в старых дырявых стенах у девушек телевизионщиц не бывает детей. Брехня, наверное, но домой я пришла покрытая красными пятнами — наверное, это была аллергия, только на провода или башню за окном, я не знаю. На собеседовании я забыла упомянуть, что никогда не смотрю телевизор.

На следующий день после посещения башни во мне началась какая-то болезнь. Пятна прошли, но появилась невысокая температура, слабость, ненормальная жажда, в общем, работать стало в дичайший лом. Я сидела за включенным компом и пила кофе. Кружку за кружкой.

В среду, глядя на мою кофеманию, фоторедактор сбегала в магазин сувениров и подарила мне огромную глиняную бадью, в полтора литра вместимостью, с логотипом. Бадья была похожа на лабораторную ступку, в какой Михайло Ломоносов растирал минералы в кино. Только на моей ступке была ручка. С ней я могла ходить за кофе раз в час. Остальное время уделять работе.

Арт-директору на бездник подружка прислала 22 надувных шара. Редактор по красоте, то есть, я, обычно несет ответственность за подарки коллегам от имени коллектива. Из халявной косметики, которую рекламодатели привозят на наши съемки, мне положено припасать для подарков что-нибудь дорогое и красивое, обычно, парфюм. Если журнал женский, и косметику в него возят исключительно женскую, а день рождения в редакции намечается у мужчины, то редактор красоты должен совершить обмен с мужским журналом — пойти и выменять у тамошнего редактора красоты халявную баночку на халявную баночку противоположного пола.

Я обменяла банки в соседнем журнале, и мы поздравили арт-директора. Его подружка понюхала его новый парфюм и уселась арту на колено. Сидя так, они стали над чем-то громко и подозрительно долго смеяться, глядя в его компук. Следующим утром менеджер доложила мне, что арт-директор и его подружка смеялись над моим словом «фильма» в материале о немом кино.

В обед я дошла до антикварного магазина через перекресток и купила там несколько номеров старинного Экрана, времен октябрьской революции. Вернувшись в редакцию, я положила журналы на видное место, поближе к столу арт-директора. Насколько я знаю в этих номерах Экрана были отличные заметочки Мандельштама и много слов «фильма», напечатанных черным по белому.

- Послушай! – сказала мне в кафетерии фоторедактор, - тебе не кажется, что между главным и артом что-то есть?

Сексуальная связь или один другому задолжал почку? Мы поболтали, пока доедали «Цезаря», и я придумала рассказ о том, как один москвич тайно купил крупный выигрыш в Вулкане Удачи. Все обалдели от его везения и поздравляли. Любимая девушка согласилась замуж. На волне славы он нарядился, устроил вечеринку, пригласил друзей и дал интервью газетчикам. Вечером он пришел домой, снял пиджак и застрелился, потому что на самом деле его мечтой всегда было выиграть по-настоящему...

Так что, учитывая весь возможный абсурд в мире, те журналисты, которые отстегивают главному от своей зарплаты, чтобы не потерять работу, не совершают ничего противоестественного. Мне только интересно, как они договариваются:

- Слыш, главному, дело на 200 баксов...

или

- Ты никогда не скрывал доходы? Хочешь попробовать?

К шестому месяцу работы над нашим журналом фоторедактор бросила курить. Она перешла на травку. Я к тому времени уже научилась сносно совмещать работу на ТиВи с основной, и у меня даже оставалось свободное время.

На презентации нового ТВ-канала одна знакомая издательша, встретив меня в толпе с тарелкой копченой рыбы под гроздью винограда, пригласила меня поработать выпускающим в ее холдинг.

Выпускающий редактор — это человек, который на большом ватмане карандашом и линейкой чертит план застройки журнала. Он размещает статьи и рекламу по страницам, чтобы при печати все было четко. Кроме того, выпускающий бодается с поставщиками материалов (ака авторы), он же огребает за сорванные сроки, ошибки, косяки и недолизанный фейс на фасаде. Короче, выпускающий — это прораб.

В журнале, куда меня позвала издательша, такого незаменимого человека не было, и текущий номер горел. Горел, как путевка. В рай.

Журнал был не очень клевый. Но я решила помочь. Клевый или не клевый — это все частное мнение и продукт репутации, а репутация, насколько я привыкла, не всегда совпадает с тем, что кажется тебе лично. Кроме того, с тех пор, как, работая по ночам на ТиВи, я научилась делать 30 тысяч слов за смену, моя продуктивность повысилась, и в итоге мне стало решительно нечем себя занять.

Моя смена на телевидении — это всего сутки в неделю +

просмотр трехчасового эфира и после разбор полетов (летучка) с главным режиссером в 11 утра, сразу после окончания новостей. В сравнении с мировой ситуацией — мелочь.

Сдать в печать свой основной ежемесячный глянец, где я совмещала должности редактора баночек, гороскопа и просто редактора, — вообще ерунда. Номер, как уже известно всему издательскому холдингу, от корки до корки писал мой главред. Так что самое сложное — гороскопы. А они у меня уже начинают сбываться, все говорят (кто читал). Переписать пару-тройку статей, по недоразумению судьбы заказанных авторам, — плевое дело. Не такие они убогие, как может показаться с первой страницы. Наша постоянная колумнистка иногда дуется на то, что я переделываю ее материалы, зато от своих гонораров она не откатывает главному, это я знаю точно. Нашей колумнистке не обязательно откатывать главному — она и так подружка издателя, чемпионка мира по лыжам и отличная баба — я таких успешных и клевых люблю. Пишет она, правда, хреново, но на то и есть я — чтобы хавать неприкрашенный продукт ведрами, а потом отрыгнуть в виде хорошеньких букв, медом капающих на сознание — рекламодателей в основном, хотя письма в журнал от читателей тоже приходят. Одна девушка, например, в письме сообщила, что благодаря нашей статье ей удалось уговорить своего парня вставить в член четыре колечка, и теперь у них все прекрасно....

Рекламные модули — на подготовку и согласование которых, как я знаю, уходит много времени — мне не заказывают. Прямо и честно я рекламировать не умею, продажная рука не берет. Мне легче набрехать и сверху красиво замазать. Это как покрасить ногти лаком — ни фальшивые, ни настоящие. Что там, под основой — суть или грибок — за первым слоем, вторым слоем и закрепителем не разберешь. Труп вскрыт лачком. Ну разве что раз в месяц мне дают написать парочку дешевеньких модулей, все остальное, что я делаю в связи с рекламой, называется пиар поддержка. Я костыль. Без меня реклама не двигает. Ну разве что самая продвинутая, оранжево-серая, с тщательно подобранными ключевыми словами.

В общем, я согласилась выручить журнал, который остался без прораба и костылей. Нет, костыли худо-бедно были — культурный обозреватель, барышня на моде и несколько подпорок в виде корреспондентов. Да, еще переднее кресло главредши. Все, что там делала главредша — ездила с водителем на презентации.

С рекламодателями в горевшем, как путевка, журнале была полная беда. Бывшая бьюти-эдитор не щадила нежные чувства рекламодателей. Вместо «оттенки бархатного сезона» она писала «румяна после 60ти». Вместо «агенты молодости» — «реагент «ку110» против морщин». А производители БАДов как современного вида питания совсем отвернулись от издания за заголовок "Ты чувствуешь себя на 17, а выглядишь на все 100".

Эй там, на плюке!

Надо было срочно спасать площадку для модулей.

Итого, согласившись помогать, я работала в горевшем журнале по свободным от ТиВи ночам и по выходным. К началу рабочего дня кто-нибудь из подпорок приносил мне холодный завтрак редактора — бутерброд с сыром или кусок омлета. Субфебрильная температура, которая поднялась в моем теле в застенках ТиВи, держалась. После рабочей ночи мы с нею садились за руль и гордо несли себя в промеждурядьях горячего трафика, любуясь монументальной Москвой на обочинах, и тихонько шептались между собой, слушая не включенное радио.

Шутки шутками, а в те дни у меня в ушах, казалось, поселились 40 платных каналов.

После того, как мы спасли первый номер, меня попросили совмещать должности выпускающего и бьюти-редактора. Температура усилилась и не проходила совсем. Приближалось 11 сентября. В этот раз я решила во что бы то ни стало не пропустить его, а отметить.

Я решила купить банных свечек по числу взрывов, произошедших в мире с тех пор. Три часа накануне я провела в Интернете, пытаясь отследить, сколько их было. Точное количество взрывов мне установить не удалось, к концу второго часа я начала путаться в местах и датах. С поправками на неточность получалось, что мне надо принять ванну, по крайней мере, с сотней свечей. Для удобства я ограничилась 10ю. Вышло красиво. Когда я все их расставила и зажгла, ванна наполнилась фруктово-цветочными ароматами, нежным потрескиванием и мерцанием. Я рискнула считать, что все взорванные души пришли ко мне принимать душ.

Я как раз мысленно общалась с пятой свечой, лениво шевеля в воде пальцами ног, когда в дверь позвонили. Как же неуютно мне было вставать и досадно, что прерван мой мемори дэй! Но я не люблю притворяться, что меня нет дома. Почти так же, как слушать, как непринятый телефонный звонок переключается на автоответчик.

Неуклюже перешагнув через ряд погибших от рук террористов душ, материализовавшихся на время в банные свечки, я вошла в халат и тапочки и пошла открывать. На экранчике домофона отобразилась красивая коротконогая девушка в ракурсе «Церемония Оскара», ч/б. Мой сосед больной на голову. Он родился в Монголии, и ему кажется, что честной может быть только степь. Городским проходимцам, как он считает, нельзя доверять. Это он купил и повесил в лестничном предбаннике черно-белую камеру. Так что, в подъезд, где стоит простой сломанный код, гости попадали беспрепятственно, а перед нашим двухквартирным предбанником им полагалось задрать лицо вверх и улыбнуться.

Девушка не улыбалась. Заметив камеру, она отошла назад на пару шагов и развела руки в стороны, словно позволяя себя

обysкивать.

- Вы ко мне? – спросила я, становясь на цыпочки, чтобы дотянуться до говорителя. Сосед устанавливал его в мое отсутствие, и установил под свой рост.

Девушка за дверью тоже приподнялась на носках и, по-гусячьи вытянув шею, ответила:

- Вы обронили кое-что важное.

Должно быть, сказался рабочий режим последних дней. Я решила, что где-то на крыльце или на лестнице посеяла пропуск в Останкино, и открыла дверь.

- Заходите.

За возвращение важной вещи, кажется, по традиции надо платить. У моего друга недавно уперли собаку. Он думал, что она сама потерялась, и отдал за ее возвращение 3000 рублей. Он звонил мне и хвастался, какие у него в районе порядочные жильцы. Позже соседи просветили его, что собак там крадут специально, чтобы потом вернуть за бабло.

Интересно, сколько нужно отдать за пропуск?

Девушка зашла в квартиру. Из ванной тащило цветами и фруктами. Чтобы не решать и без того неловкий вопрос на ходу, я пригласила девушку на кухню. Может быть, она согласится выпить со мной чаю. Хотя, чай я не пью.

- Кофе? – спросила я.

- Пожалуй, - ответила девушка. Она порылась в кармане плащика и достала мой пропуск.

- Ха, я угадала! – воскликнула я. Это, действительно, был мой останкинский пасс.

Девушка кивнула.

- Работаете на ТиВи? – спросила она.

- Раз в неделю, - улыбнулась я и из вежливости поинтересовалась, - а вы где?

Хотя по виду можно было с уверенностью сказать, что она вообще нигде не работает — максимум, держит картинную галерею.

- Почти там же, - ответила она, откинув со лба светлые локоны.

- На Шаболовке?

- Не совсем.

Я пожала плечами. Наверное, какая-то новая компания, типа проектов Дивова. До меня вечно позже всех доходят светские новости. Телевизор-то я не смотрю.

Я разлила нам кофе и села напротив.

Усевшись и отпив пару глотков, я заметила, что девушка чудо как хороша. Даже если вычесть из нее плащ Laurent, платок шанель и сумку Monogram Canvas, она оставалась похожа на какой-то модный плакат или просто собирательный образ. Через пять минут разглядывания я спохватилась.

- Гм. Да, так как вы его нашли, - кивнула я, - я имею в виду, мой пропуск?

- Простите? – она повела бровью, и я напугалась, что что-то не то сказала. Теперь я знаю (примерно) как чувствуют себя мужчины в присутствии неземной красоты.

- Вы тоже здесь... живете? – поправились я. Почему-то «живете» про нее было трудно произнести, особенно, в сочетании со «здесь».

Она отрицательно мотнула головой. Я понимающе кивнула и для верности стрельнула глазами вбок. Модельное агентство? – начала соображать я, - жена неизвестного миру олигарха? Впрочем, зачем это мне. Я опять спохватилась, только теперь уже от собственных мыслей. Кажется, я даже слегка покраснела. Может быть, я латентная би-?.. Все, о чем мне на самом деле нужно было подумать, это о сумме, чтобы отдать за возвращенный документ. Боже мой! Страшно вообразить, что я произнесу при ней какие-то цифры. В любом случае, для нее это будут мелочи.

- Не волнуйтесь, - вдруг сказала она, - вознаграждения мне не надо.

Мне стало досадно. Точно я пыталась украсть в магазине пачку колготок, и меня схватили за руку, но не повели к дяде милиционеру, а просто выставили за дверь.

- Не надо, так не надо, - грубовато сказала я и встала из-за стола. Кажется, впервые за пять лет я краснела, спохватывалась и пыталась разговаривать человека не для интервью. Но, как назло, мне попался не человек, а фифа с рекламы.

Я стояла у стола вполоборота, как стоят дворяне в сериалах, когда хотят показать, что другому актеру пора удалиться.

- Впрочем, я пожалуй, возьму, - сказала девушка. Я повернулась.

- Что вы возьмете?

Она легко пожала плечами:

- Вознаграждение, - сказала она. Она вытащила из кармана вог с ментолом и попросила спички.

Я поставила на стол пепельницу.

- Спичек у меня нет, - практически отказав человеку в стакане воды, я вышла из кухни и стала в темноте искать кошелек. Девушка вышла за мной в прихожую и включила свет. Увольте, я не сочту это за проявление дружелюбия. Она помогает мне разыскать свое вознаграждение. Хотя, кажется, это мне приспичило ей его во что бы то ни стало всучить. Похоже, я запуталась в чувствах.

- Простите, - вдруг сказала она за моей спиной, - мне не надо денег, но можно я у вас поживу?

Я села верхом на трюмо.

- Ненадолго, до завтрашнего утра, - с достоинством сказала она, - это и будет вознаграждение.

Я обрадовалась. В конце концов, у меня давно не бывало гостей.

Девушка стащила с себя плащ и протянула мне руку:

- Рената.

- Лопухова, сценарист, - я пожала ее руку, - бьюти-редактор...

Ощущение от ее присутствия все еще было странным.

Словно старая гостиница на краю штата Мэн, в которой никто не останавливался со времен первых хиппи, я вдруг всполошилась и начала вспоминать, где у меня самые новые простыни, лучшие мочалки и гели для душа. На полдороге, ломанувшись было в спальню, вспомнила, что в ванной у меня все еще горят умершие души.

- Простите, - спросила я, - а что произошло с вашим домом?

Я снова уселась на трюмо. Я спросила так, чтобы у нее не зародилось ни малейшей догадки о моей внутренней суете про простыни и мочалки. Я почувствовала, что так радоваться непрошенному ночевщику не просто неловко, а отдает беспросветным идиотизмом.

- Я объясню, - сказала она.

Я кивнула и незаметно задвинула ногой за сапоги свой повседневный старый кроссовок. Гостья вдруг заломила руки.

- Нет, ну в самом деле! Я вас не стесню? - с ретровым придыханием спросила она.

Я аккуратно пожала плечом. В смысле: кто вас знает, ночных лунатиков и бездомных рекламных фиф.

- Я попала в непредска... в ужасную ситуацию, - набрав в легкие много воздуха, выдохнула она.

Я покачала головой, опять стреляя глазами по сторонам.

- Об этом я уже догадалась, - я хмыкнула, давая понять, что ее поведение странно. Что такая просьба просто ни в какие ворота. Что этого не позволяют себе даже бомжи. Имхо.

- Понимаешь, - она вдруг без разрешения перешла на «ты», - кстати, у тебя есть телевизор?

Я подняла бровь.

- Нет.

- И никогда не было?

- Был, - вот тут я уже честно не знала, что думать, - был, примерно в детстве. Сломался.

Рената даже похорошела, хотя с ее фейсом такое трудно представить.

- Как хорошо! – воскликнула она, - поболтаем!

- Я только ванну солью, - буркнула я и метнулась в открытую дверь, откуда все еще валил цветочно-фруктовый дух.

На этой неделе у меня было двое суток на телевидении. Команда наших сменщиков ушла в отпуск. Ведущие, режиссеры, обозреватели, редакторы по гостям – все смешались в едином трудовом творчестве. Приходилось выходить в смену чаще.

Раскладывая листики с официальными сводками новостей по часам (этот метод мне посоветовал сценарист из соседней бригады)... Чтобы было понятней – перед тем, как начать работать, новостник приносит пачку распечатанных новостей ТАСС, ты раскладываешь эти бумажки с информацией веером по столу и, не отвлекаясь от составления подводок, вынимаешь нужную новость в нужный момент, чтобы красиво ее описать. Новостей куча, из них нужно составить логичный сценарий и интересный текст, который потом в прямом эфире без запинки прочитает ведущий. Прodelывая все это, ты ощущаешь себя творцом грядущего дня и одновременно крупье. Ставки сделаны, господа! Новостей больше не принимаем!.. Я думала о Ренате.

Пусть это покажется невероятным, пусть я кажусь круглой кретинкой. Возможно, мне уже давно надо было завести пуделя. Или попугая. Кстати, недавно я познакомилась с попугаем Юрия Гагарина. Попугай Гагарина — девочка. У нее зеленая спина и синяя голова. Она любит печенье и петь под гитару. На счет возраста, могу ошибаться – не то 300, не то слегка больше, попугай – древняя профессия. Попугаиха Гагарина теперь живет в семье работника архивного музея. Знала бы я раньше, что познакомлюсь с ней, ни за что бы не наделала ошибок в фамилии космонавта, когда писала про него школьную стенгазету. Верно же, что человек лучше усваивает то, с чем связаны ассоциации. Швейцария – шоколад, коньяк – Шустов, Маяковский – морковка... Гагарин – попугай...

Рената прожила у меня несколько дней, почти неделю. Это получилось как-то само собой. При этом меня не покидали смешанные эмоции. С одной стороны, меня грызло чувство соперничества, когда она первой заперлась в моей ванной. С другой – мне казалось, что я должна ее холить, и это единственно правильный вариант моего личного выживания.

Мне никогда не хотелось собаку! Клянусь! Хотя, стишки в ранней юности я писала, то есть, развивалась, как все. До сих пор смею тешить себя надеждой, что мои стишки не были переходным сентиментализмом. Постмодернизм, деконструктивизм, пунанизм, как у Джессики Холтер, или матерный феминизм, как на фестивале Арт-Клязьма – все, что угодно. Я писала эротические стихи, под Илиаду.

Значит, это была классика.

Пудель – это, боюсь, следующий естественный этап женского развития. Впрочем, если бы ни Бен Ладен, у меня были бы дети. А так как, в связи с мировой обстановкой, я практически жертва Хиросимы, облученная страданием и одиночеством, то пудель, это как раз по мне. Я сочла приемлемым считать, что привязанность к бездомной Ренате – это мне бог послал.

На работах я никому не сказала, что завела девушку. Я так и говорю: дома ждет пудель. Тем более, что после душа Рената немного курчавится. Чем она занималась днем в мое отсутствие – не

представляю. Тапочки и подушки погрызены не были и вообще, в квартире царил идеальный порядок. Что такое идеальный порядок для женщины – это когда много косметики, но вся она на своих местах. Вру, конечно, я не настолько мещанка, в интерьерах мне интересней книжки и очечники.

Рената перечитала почти всю мою скудную библиотеку, все мои статьи из портфолио и даже новую историю Фоменко с дарственной подписью издателя. Он когда-то обещал издать мою книжку, да она ему не понравилась. Фамилии героев были не русские и, вообще, все как-то не тянуло ни на загородный фэнтези, ни на политическую реальность. Пока не прошла первая влюбленность в свой собственный текст, я пыталась пристроить ее в другие издательства. Три наиболее крупных достойно ей отказали. Четыре помельче сначала схватили и отказали потом. В одном при этом спросили шрифтом кэпитал в публичном письме: КАКАЯ ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПИАРА?

Знакомый медиа-планнер, когда я ему рассказала, посоветовал в качестве пиара моей книги прыгнуть с Останкинской башни с рукописью в руке — лучший способ рекламы для начинающего писателя в мире гигантских издательств, которые все еще думают, что будущее книжного рынка за ними. Хотя, накатанный путь пиара книги через рекламу, как показала практика, не нужен ни автору, ни читателю. Он нужен издателю. С представителем издательства, как я помню, тогда завязалась полемика.

- Акститесь, товарищи, - говорил он, - прибыль от неизвестного автора — от силы три тысячи. На раскрутку уходит минимум 45. Кто их заплатит? Ляжет ваша книга на склад, и пипец. Как руководитель отдела данного жанра я не получу ни 13ой, ни премии, если мне вообще не выставят штраф. Одно дело — приходит чел и говорит: Вася, возьми меня, можа, я стану Пушкиным, и совсем другое — когда он говорит: «Вася! Чо ломаемся? АиФ, МК и КП — мои верные друзья, гарантирую пять выходов рекламы на последней странице в номерах с понедельника по четверг, раскрутим». Ну и кого из них я возьму?

Зря, подумала я про «с понедельника по четверг». За рекламу в субботнем номере газеты — 10% скидка. А читатель по выходным, пусть и не такой многочисленный, зато расслабленный и легче поддается гипнозу. Ему как раз пудры на мозг хочется. Потому что ваша тухлая трудовая неделя затрахла все его терпение, и немоготу... Хотя, последняя страница для рекламы книги — зачот. Ее читаешь не только ты, но и сосед в метро.

- Простите, - спросила я, - на кой в таком случае мне издатель? Если книга моя, маркетинговые ходы и бабки на пиар тоже?

- Ай, помилуйте! Ну, издали вы книгу на свои деньги. А ее надо где-то хранить, нужен склад. Он у вас есть?

Все упирается в склад, поняла я и забила на сиюминутную прибыль и билет в вечность. Если у меня есть 45 на раскрутку, конечно,

откуда еще и склад!

- Но если возьметесь замутить с АиФ, я помогу, - напоследок сказал представитель.

Очевидно, в издательском бизнесе имеет место быть договор, как у гидов для иностранцев – вести неграмотных туристов в определенный магазин, который потом платит откат...

- Этот мужчина погиб? – спросила меня Рената, когда я вечером вернулась домой. Дневные часы укорачивались, пора было переходить на зимнее время. Я опустила мокрый зонт в лужу, которая успела с него натечь.

- Что ты имеешь в виду?

Рената сидела в кресле и читала мою рукопись.

- Боже! – воскликнула я и пожалела о том, что я вообще когда-то чего-то писала. Ринувшись было к ней, чтобы отнять, через три шага я поняла, что она держит в руках листочки с каким-то разрозненным текстом.

- Ты рылась у меня под подушк... в компе? – нервно спросила я, - извини...

Я вытянула листки у нее из рук. Оказалось, что она читала мой сериал про космическую любовь. «Вива, вивалия!» называется. Это я пишу после суток на телевидении. Два главных героя: один по расе вивалия, другой — кетавр, оба влюбились. Но один работает на разведку, другой — на другую, и оба из противоборствующих кланов, которые борются за источники топлива, так что не быть им вместе, и все это на фоне общей космополитической канители.

- Он погиб? – повторяет Рената.

Я закатываю глаза.

- На фиг тебе это читать? Жуткий бред, с недосыпа... Возьми вот лучше, бестселлер.

- Ну что ты, - мягко произносит Рената и заправляет светлую прядь за ухо. Ее волосы сегодня как-то необычно блестя, - мне близко.

Я хрюкаю. Близко. Все-таки она какая-то странная.

- Слушай, - говорю я, подсаживаясь к ней на подлокотник, - ты случайно... росла не у бабушки?.. Ну, в смысле, кто занимался твоим воспитанием?..

От ее взгляда у меня закрадываются подозрения... Короче, я тут же вспоминаю фильм «Человек дождя». Там к главному герою попадает его брат, больной аутизмом. Не в реальности чел ни фига. Я прокашливаюсь. У меня, кажется, кроме температуры, начинает болеть горло. Надо больше работать. Стресс. От нерушимой и праведной скуки. Синдром навязчивого создания. Думаю, все мое творчество только потому, что у меня нет ни пуделя, ни детей.

- Рената?

Она, кажется, спит. Ее глаза открыты, но в них витает что-то

черепно-мозговое. Боже, вот наказание. Пуделя и то не могу нормального завести!

Рената вдруг открывает глаза – да, именно так и кажется – она открывает открытые глаза и внимательно смотрит ими в дальний угол. Я готовлюсь к худшему. Кажется, мне предстоит печально сдать моего пуделя в какой-нибудь дорогой, но уютный интернат с медсестрами в белом.

- Не гони меня! – горестно шепчет Рената.

«Я тебе пригожусь» - домысливаю я и ласково глажу ее по голове, как конька-горбунка. Никуда я тебя не сдам. Мама у меня нет, бойфренда тоже. Будешь ты, внученька. Только не растай, пожалуйста, к следующему 11ому сентября.

По ее прекрасным щекам ползут слезы.

- Ты за мир? – шепчет она.

Я киваю и падаю с подлокотника.

- Пошли ужинать! – поднимаясь и отряхиваясь, говорю я и лыблюсь довольно счастливо.

Рената тормозит меня за руку. Она вцепляется мне в запястье, словно аллегория «Смерть», и пальцы ее холодные. На всякий случай я как бы ненароком трогаю ее уши. Хотя, все и без того ясно...

Основной журнал, где я в штате, постепенно разваливается по кускам. Я же говорю, что стоит мне куда-то попасть и начать работать, близится день Помпеи. Может, это я — аллегория Смерть? Бывает ли так, что от одного человека приходит в упадок то, что с таким трудом строили многие? Стоили, строили и, наконец, разрушили. Общепринято считать, что семья, например, не ухнет в бездну только благодаря одному члену. Типа усилия должны быть совместные. Кто виноват? Оба.

Один мой знакомый недавно завел себе шведскую семью. Мой дом – моя крепость. В рыцарском замке должно быть много всего. Его жена смертельно втюрилась в него, когда он еще был безродным музыкантом и лабал на черноморских курортах. Йестердей... все мои печали казались мне такими далекими... Пару раз мы ездили с ним выбирать ему проститутку. Боже! Не могу поверить, что я в этом участвовала.

Примерно в то же время к нам в редакцию заслали австралийца с целью написать репортаж о веселых ночных улицах Москвы (подбор информации под концепцию. Возьмешься бывало собирать со скандала по нитке, а его уже пустил в разгон кто-то более грамотный). Мальчики из редакции вызвались помогать иностранному корру. Это была как раз та редакция, которая потом заказала заметки сексолога. Репортаж у иностранца получился на редкость хилый, хотя, на английском, звучал ничего. Я бы могла рассказать больше. Во-первых, наши повезли иностранного корра только в одно место – в середину Тверской. Можно подумать, на Тверской сошелся свет клином. Хотя, возможно,

австралиец просто интуитивно боялся отъехать от Интуриста. С другой стороны, а как же Катька-минет? Она бродит как раз по мосту на Ленинградку. За две небольшие копейки Катька делает всем приятно, и груди у нее разные. Но она же легенда, почему бы не вставить ее в статью? Потом еще есть Каланчевка, где бывший кинотеатр «Перекоп», ныне барахолка. Коптельский переулок, напротив зубной клиники. Практически еженощно я возвращаюсь по этому переулку домой, и каждый раз меня принимают за ментовку. Кавказские альфонсы начинают быстро гнать девчонок, как немцы мирных жителей в книжке Гурченко. Только от сочетания красных ботфорт с черными лосинами это выглядит налетом мирных хоругвеносцев на хэллоуин.

Про хайвей до Шереметьева я молчу, потому что навязло в зубах. А вообще, перечислять эти места нет смысла. Они все время меняются. Удивительно, почему в лив джорнал нет популярного комьюнити типа «dam damom» или «московский потребитель», где бы каждый мог поделиться хорошей ссылкой или спросить, где.

Может, и есть.

По крайней мере, сеть саун до сих пор существует. Один мой знакомый программист даже писал для них программу вроде Бухучет-1, чтобы не путать, кто с кем и как быстро свел и, видимо, начислять 13ую. Поскольку программа вышла на скорую руку и несколько сумбурная (он писал ее несколько дней прямо в сауне), компьютерщик все еще ездит по баням исправлять баги. За авторство он получает процент.

Штук пять девушек, которых мы выбирали с моим приятелем для него, почему-то всучили мне свой телефон. Наверное, они решили, что я секретарь по либидо. В одежде мой приятель похож на директора. Или я получала координаты потому, что от меня несет диктофоном даже когда я не на работе. Помню, садясь в машину, девушки сразу начинали рассказывать о себе и планах на будущее. Лейтмотивом девчонок помладше было «я маму кормлю» или «надо выучить младшего брата». Те, которые уже сами стали похожи на мамок, говорили, что работают от того, что «всех жалко». Независимо от возраста, каждая чувствовала, что должна объяснить, почему она стала на путь. Меня это забавляло. Но это было еще до того, как я стала спецом по бытовому насилию, человеческому трафингу и психологии жертвы, и осознала всю глубину и цену проблемы.

Всего одна девушка из проституток рассказала, как ее били. Никакие «почему» ее с тех пор больше не волновали. Она хотела спастись и спрашивала меня, сколько стоит устроиться, чтобы зарабатывать обычным честным путем. Боль меняет что-то в мозгах, особенно, физическая. Эту девушку сняли несколько мужиков приличного вида. До того случая она работала не на улице. Мужчины привезли ее в приличную хату, на третьем этаже. Они разделись и стали развлекаться друг с другом, а ее голышом примотали к креслу и

начали периодически бить. Ей удалось смотаться к утру, когда все уснули. От битья веревки ослабли, она выскользнула из кресла и проскользнула в кухню. Там она открыла форточку, забралась на нее и вывалилась на фиг. Фрамугу ей открыть не удалось. Зато под окнами кухни был козырек. Девушка покалечила только правую ногу, получила множественные царапины и легкие побои в милиции (она шла по улице голой) и немного расбила голову. Она летела как-то неудачно и задела лбом о стену. Когда раны прошли, а шрамы остались, ее кинули работать на улице.

Похоже, она тоже рассказала мне, почему оказалась там, где оказалась...

- Я вспомнила, на кого ты похожа! - сказала я Ренате.

Она хлопнула большими ресницами. Мы сидели на диване перед окном. Телевизора у меня нет, зато есть большое окно, в которое можно смотреть часами.

- На кого? - спросила Рената, и мне померещилось, что в ее глазах впервые за много дней показалась осмысленность.

- На Анушу.

Оживление Ренаты пропало.

Но я не обратила на это внимания, так как стала вспоминать про Анушу. Одно промежуточное издание, в котором мне довелось поработать, развалилось в рекордные сроки — ровно через месяц после того, как туда устроилась я. Однако полтора номера мы все-таки сделали. Как-то вечером в процессе работы шеф позвал меня в кабинет. Мы писали материал о символах мобстерства (коза-ностра). Шеф что-то искал в Интернете. Когда я вошла, он кивнул и развернул монитор ко мне. На экране был открыт бук и резюме проститутки. О том, что эта девушка — проститутка, я догадалась не сразу. Она походила, скорей, на модель. Даже нет. Она походила на рекламу, на стильный постер, на арт.

- Прикинь? - сказал шеф. Он выглядел замороженным.

- Кто это? - спросила я. Девушка сильно смахивала на монголку или египтянку и на дочь Болотного Царя, как я ее представляла по сказке Андерсена. Не хватало белого лотоса. Отрицательного обаяния в глазах было даже больше, чем нужно.

- А фиг знает, - ответил он, - я ей звонил. Хотел ее на обложку. Но она объявила такую цену, что у меня до сих пор руки трясутся. Короче, послала.

- Чего ж она тут висит?

- Вот бы снять! - вздохнул он, не обращая внимания на мои слова. Не знаю, что он имел в виду: снять ее в смысле снять или снять для фейса журнала. Но, в любом случае, я его понимала.

Немного позже он каким-то образом выяснил, что девушка в буке просто много проиграла одному перцу и так отработывала. К закрытию

нашего издания ее портфолио убрали из Интернета. Видимо, отработала.

- А кто это Ануша? – спросила Рената, и я поверила, что иногда мы сможем проводить вечера как сестры, а не дуэтом «сестра и больная».

- Девушка одна, с рекламы, - сказала я.

- Красивая? - как-то ревниво спросила сестра.

- Очень.

Куда катится мир?..

Я поругалась с одной нашей авторницей. По правде сказать, я попросту на нее грубо наехала. В горящем журнале, где я была выпускающим и бьюти одновременно, и работала по ночам, каждый месяц делали проекты со звездами. За все интервью отвечала одна детская сказочница. Сказки она писала приятные, и издавали ее с удовольствием, но гонорара, как водится, ей не хватало. Поэтому в свободное время сказочница бегала по модным ночным клубам и блатным дачам, чтобы быстро-быстро смести последние светские новости. Каждый второй фыркает: желтая пресса, папарацци. Тем не менее, журнал без знакомого лица, как книжка без картинок, выпущенная издательством «Педагогика».

- Кто-нибудь вообще читал, что ты нарасшифровывала? Ты читала? – вопила я в телефонную трубку, прочитав ее последнее интервью. Кажется, интервью было с Харатьяном.

Номер опять горел, и надо было его срочно доделывать, поэтому я взяла три выходных на основной работе, и с утра неслась в горящий журнал, бросая Ренату одну на сутки. Культурный обозреватель с минуты на минуту должна была приехать из отпуска, модный редактор – вернуться с карнавала в Венеции (это был гей-карнавал, но она об этом узнала только на карнавале). Доснимать книжки обещал приехать фотограф, сорванный с посещения антикварной ярмарки, не хватало только самих книжек. Короче, горело все. До кучи я открыла эти звездные интервью и рухнула оземь.

Мало сказать «они были плохие». Я встречала людей в белой горячке. Своеобразная, но логика в глюках есть.

- Как отвечали, так я и записывала, - орала сказочница.

- Ты хочешь, чтобы читатели подумали, что Харатьян идиот?

Не знаю, зачем я это сказала. Борются за тексты на страницах периодического глянца – то же самое, что ждать, что китайский плеер будет играть 10 лет, еще внуки послушают. Кому нужны ежемесячные шедевры? Но я увлеклась и под взаимные оскорбления переписала все интервью.

На предпоследнем абзаце мне позвонила Рената.

- Нам картошка нужна? – спросила она так, словно на кофе к нам прилетел Тарантино, а сахара в доме нет.

- Чего? – завопила я.

- Настоящая! – всхлипнула Рената, - из Липецка!

Боясь, как бы сосед монгол не убил нас за вторжение в предбанник мешочников, я крикнула: «Нет! Не открывая никому, ради аллаха!» и отключилась.

Номер мы сдали на третьи сутки. Вернувшись домой, я обнаружила, что дверь изнутри подпирает бурый бугристый мешок, перевязанный куском проволоки.

Гостями на запись передачи на ТиВи приехал музыкальный дуэт Двое из Сибири – один музыкант из дуэта играл на скрипке, другой на гитаре. Я побежала в студию послушать. На совещании мучительно долго решали, что для зрителя актуальней – повышение штрафов за неправильную парковку, конфликт на Востоке или нефтяная возня. Пospорив полчаса, мы остановились на свадьбе ведущей с милицейской волны с индусом из Силиконовой долины.

Времени на сценарий и подводки (это то, что пишется для ведущего, чтобы читать между сюжетами) оставалось совсем немного. Моя непосредственная ТиВи-шефиня натерла пальцы сабо на меху и металась между столами как актер альтернативного театра в финальной сцене. Кроме того, ее муж, коренной москвич, за которого она вышла замуж из-за квартиры и с тех пор содержала, уделал домашний компьютер вирусами и ссылками на жесткое порно, но отрицал свое непосредственное участие. Что я нагородила в речи ведущего, я не знаю. На просмотре эфира я заснула. Мне снилось, что Вера Усанова швыряет в меня сабо ручной работы, а ее красавец муж пытается запудрить ей Т-зону.

- Ау! Шерочка! С Машерочкой! Проснись! – потрясла меня за плечо шефиня.

Я разлепила глаза. За ее спиной стоял багровый ведущий. Все остальные ржали.

- Дорогая, это обделаться! – густым правильным голосом наехал на меня ви-джей.

Оказалось, что на эфир он прибыл с рыбалки или катания на воздушных змеях, в общем, где-то на свежем воздухе утопил очки для дали. А так как предложения в моих подводках оказались отчаянно заумными и с большим количеством запятых, то со своего места в студии ведущему ни хрена было не разобрать, что там бежит по экрану подсказок. Получилось, что с силиконовой ДОлиной поженился начальник ГИБДД, и теперь у него безлимитный трафик. С чем нас и поздравил директор.

После смены на телеге меня вызвала издательша вечно горящего номера. Я оставила Ренате подгоревшие тосты и практически в пижаме унеслась на ковер.

В кабинете главной меня ждали главная, зам главной по проектам и сказочница, она же автор переписанных интервью.

- Нина Васильевна (сказочница) работает с нами не первый год, - начала главная.

- Я в курсе.

Далее следовал монолог о том, как я не права, что наехала на авторницу.

- Ужос, - сказала я, когда монолог закончился, - больше не буду.

Вечерком мне звякнула сказочница. Волнуясь, она сказала, что, наконец, прочла исправленные мной беседы со звездами.

- Это грандиозно! – хвалила она, - мне так жаль, что я не оценила твою работу раньше! Эти придурки вышли такими душками!

- Я в курсе, - пробормотала я и заснула за столом.

- Нам нужно поговорить, - сказала Рената, когда я пришла домой.

Я подумала, что у нее, возможно, износились бюстгалтеры или маньяк из соседнего дома увидел ее отражение в окне и теперь пускает слюнями солнечных зайчиков. За те дни, пока Рената прожила у меня, она не выходила на улицу. Я все время на работе, где лечу свою скуку. Возможно, Ренате надоела такая жизнь.

Я приготовила кофе. Мы уселись напротив окна. Рената вздохнула. Сейчас начнем разводиться. Интересно, какую часть моих доходов положить ей на содержание?

- Ты должна согласиться, - серьезно сказала моя половина.

- Ноу даут, - ответила я. С некоторых пор я вообще со всем соглашаюсь.

Мой друг Дима, друг зоофилов, олигархов и оранжевой революции, однажды рассказывал мне про чучельный лес. Там, в чучельном лесу, пожизненно живут юные максималисты. Чтобы соблюдать баланс времени, деревья в чучельном лесу неимоверно старые: со стволами в четыре обхвата, огромными грибами, покрывающими кору и жухлыми листьями, которые уже не синтезируют хлорофилл. Птицы там летают низко и донельзя медленно, вопреки законам аэродинамики, они практически не шевелят крыльями. Основной закон чучельного леса – там можно ходить везде. Дополнительный – в чудесном безопасном и прекрасном лесу остаются только до тех пор, пока в глубине души есть хоть небольшое сомнение в том, что наша планета не факинг ап плейс (то есть, пока ты веришь, что наш мир – не плохое место). Но когда появляются такие сомнения, ты должен уйти из леса, как из рая. Вероятно, причина чучельного леса заключается в том, что наши астральные сущности шлепаются вниз с божественного теннисного корта неравномерно – некоторые упали на землю жутко давно, а какие-то еще не успели привыкнуть к местным ужасам.

Я уже на самом краю.

- Я не с вашей планеты, - сказала Рената.

- Кто б спорил, - ответила я.

По традициям фильмов о марсианах, которых сдают психиатрам, в этом кадре я должна возмущенно вскочить и покрутить у виска. Но зачем обижать человека? Мне больше нравятся фильмы, где главному герою доверяют, пусть не с момента титров. Как Том Круз Дастина Хофману, который по четвергам привык питаться рыбными палочками и мог подсчитать просыпавшиеся зубочистки на лету.

- Хочешь хурму? – спросила я и вспомнила, что холодильник у меня до обморока пуст.

- Ты не понимаешь! – сказала Рената.

Все правильно. Давай, объясни, что через 40 дней начнется зима, и ты прилетела всех нас спасти.

- Через шесть недель...

«Началось», - подумала я. Мне стало досадно. Я все-таки вскочила с дивана.

- Послушай, почему бы тебе сразу не выложить все? – с оттенком тихого раздражения предложила я, - давай, объясни нам большой секрет: почему мы не живем как хотим, где прячется душка Бен Ладен, и почему корреспонденты BBC до сих пор не могут заказать ему отравленный гамбургер.

- Там свинина.

Ее голос немного дрожал, но в словах была логика. Мне стало невыносимо жаль мою чокнутую. Красота спасет мир, однако. Если бы нашелся умный пластический доктор, я бы заказала себе такую же форму губ. Рената встала и подошла к окну. Она отхлебнула кофе и поставила чашку на подоконник.

- Тебе нравился этот плакат, верно?

Я заинтересовалась. Как часто говорил про себя мой ангел, открывая на компе зеленый пасьянс: меня не проблема развеселить.

- Какой плакат? – спросила я, вставая на цыпочки и заглядывая Ренате через плечо. В смысле роста, она – Том Круз, а я - ее больной аутизм братец (которого играл Дастин Хофман).

За окном над дорогой висел тронутый дождем баннер «здесь должна быть ваша реклама». Я закатила глаза. Мне отчаянно не доставало моего бойфренда.

- Рената, пойдем спать!

Может... показать ее врачу? – ненароком подумала я.

Арт-директор лечил акне. На столе у него стояло несколько банок медицинского вида. На столе у главного лежал гелевый имплант.

- Что это?

- А вот это, - главный взял бесформенную лепешку в ладонь, - вставляют в грудь.

Его объяснение почему-то звучало с упреком. Раньше я думала,

что это должно выглядеть обычными сиськами.

- Твоя температура прошла? – спросил главный. Вопрос почему-то звучал с вызовом.

- Нет, - ответила я.

Главный швырнул на стол гелевую лепешку.

- Наверное, навставляла себе чего-нибудь, - голосом, каким он обычно шутит, воскликнул он, - не приживается!

Арт-директор хихикнул.

- Я проверюсь, - почесав лоб, ответила я, - в прошлом месяце журнал Киноман писал, что специалисты ЦРУ могут вставить тебе даже идею о том, что Властелин Колец получил Оскара.

В курилке мне сказали, что главный катит на меня бочку за регулярные выходные...

Наступила суббота. Мы с Ренатой пообедали вызванной пиццей и устроились в большой комнате. Рената положила на колени альбом и начала рисовать пастелью. Я под села рядом и стала разглядывать рисунки. По кирпичной мостовой, нарисованной на листе, бежали люди. За высотками в черном небе светило белое солнце. Я спросила Ренату, как ребенка:

- А почему у тебя дорога красная?

Она подняла удивленное лицо:

- Это площадь.

На другом листе были изображены кошки, много одинаковых кошек в длинном каменном зале. Они, кажется, закапывали свои проделки в какие-то мохнатые коврики, причем так старались, что коврики приняли форму уже почти правильных шариков.

- А это что? – я ткнула пальцем в эту картинку.

Рената склонила голову, как бы оценивая свое мастерство.

- Это, когда ты не выполняешь работу, тебя мучает чувство вины. Я понимающе кивнула. Похоже.

Если моя сумасшедшая – гений... Я начала быстро продумывать маркетинговые ходы по раскрутке.

- И тогда, тебе положено провести несколько лет в злачном месте, - продолжила Рената про рисунок, - где кошки скребут.

Я глотнула.

- Рената, а почему место, где скребут кошки, злачное? – я взяла у нее картинку за уголки и вытянула руки перед собой. Кошки теперь казались мне жуткими. Если каждый рисунок сопроводить грамотным текстом...

- Потому что там ты разлагаешься, - объяснила Рената про кошачье место.

Я вскочила и хотела записать, но потом подумала, что в этом нет необходимости, я и так запомню. Я отложила картинку и попросила следующую.

- Эту я еще не закончила, - сказала Рената и спрятала рисунок под альбом.

Она выглядела озябшей. Я решила намешать ей горячую ванну с солью, но она не захотела ее принимать.

Когда вечером она ушла в свою комнату спать, я достала спрятанную картинку. Над урбанистичным холмом, чем-то похожим на Замоскворечье, с неба наклонялся над городом огромный экран, похожий на солнечную батарею. На экране виднелось отражение, сильно напоминавшего крышу Василия Блаженного. Только на картинке позади Василия росли самолетные крылья, и красиво вился черно-зеленый дым. Под картинкой готическим шрифтом было написано «Война».

Меня передернуло. Я подумала: Нострадамус, блин. Хорошо, что хоть не слепая.

- Кассандра? – тихо спросила Рената у меня за спиной. Я подпрыгнула. Я думала, что она давно спит.

- Извини, я хотела только прибрать, - показывая на рисунок, соврала я, чтобы ее не расстраивать. Пока она была только тихой, но ученые утверждают, что в состоянии аффекта чудики могут сдвинуть с места слона.

- Она ничего не знала.

- Кто?

- Слепая Флэгра.

Я растерялась.

Рената все-таки выглядела рассерженной. Не знаю, что больше ее расстроило: мое любопытство к незаконченному рисунку или упоминание о ясновидящей. Хотя, про предсказательницу я, кажется, только подумала. На момент я слегка отупела.

- Как ты сказала? Фуагра? – переспросила я и стала суетливо соображать. На всякий случай я решила считать, что все-таки не просто подумала про Кассандру, а ляпнула что-то про прогнозы, звезды и гороскопы, а Рената по ассоциации со сложным названием вспомнила какой-нибудь... там ресторан... где, не знаю, скажем, работала ее мама, теща или злая мачеха. Что если, скажем, она пела там густым голосом в микрофон?.. И теперь Рената вспомнила ее имя, и нам удастся ее найти...

- Флэгра, - спокойно напомнила мне Рената.

- Нет, Рената! - Воскликнула я, запутавшись, - слепую предсказательницу звали Ванга!

Я читала, что кретины могут кого угодно сбить с толку железной логикой. Значит, кретин из нас — я. Засмеявшись, я хотела сказать свое обычное «пойдем спать», сон вообще решает любые проблемы, но сказала:

- А хочешь, я возьму отпуск, и мы поедем с тобой...

- А говорила, что никогда не смотришь Тиви, - разочарованно

протянула Рената, развернулась и ушла в свою комнату...

Я проснулась, оттого что ко мне кто-то жался. Открыв глаза, я не сразу сообразила, что это Рената. Она сидела на моей постели и скребла мелком по листу. Бедро в шелковом халате было теплым – она спрятала его под мое одеяло.

- Что ты хочешь? – спросила я, теребя и стараясь расправить примятые волосы. Женщина меня видит или мужчина, не люблю выглядеть аут оф статус.

- Хочу показать тебе кое-что.

- А до утра это не подождет?

После просмотра рисунков и путанного диалога о ясновидящих я долго не могла уснуть и теперь боялась, что не проснусь утром. Рената положила кулачок на край листа.

- Ты всегда делаешь все слишком поздно, - отрезала она и продолжила рисовать.

Я вспомнила свое неотправленное письмо американскому ангелу. Наверное, я сразу вспомнила о нем, потому что это единственное промедление, о котором я на самом деле жалею. Не нужно было жаловаться ему в двух мегабайтах о том, как он далеко и как я люблю. Получить несколько бодрых строк перед лицом террористов было бы достаточно. Кто его знает, о чем мечтают умирающие. Но почему-то большинство предпочитает отдать концы под оптимистичные прощания близких.

- Не надо мне ничего показывать! – неожиданно для себя заорала я, - отправляйся в свою комнату! Спать!

Рената выронила альбомный листок и свинтила. Я с размаху плюхнулась на подушку. Однажды в начальных классах я лежала в больнице с воспалением легких. Соседка по палате, девочка старше меня на пару лет, ночью забралась ко мне в кровать, стала гладить меня по животу и шептать в ухо что-то коварное. Она объяснила, что это игра в дочери-матери.

- Папа, в таком случае, лишний, - сказала я, - и вообще, я люблю другого...

- Знаешь, откуда пошло выражение «отмороженный»? – вдруг сунула голову в дверь сердитая Рената, - вас, кретинов, швыряли на Землю в крионовых скафандрах, и вы не таяли здесь миллионы лет!

Я закрыла глаза...

Главный задерживался – с утра он повез усыплять своего бассет-хаунда. Редакция отчего-то стояла вся на ушах. Хотя, внешне казалось, что напротив, все умерли или разом опустились в самую глубокую впадину Тихого океана. Я быстро отправила несколько писем и пару поздравлений по айсыкью. Если бы ни аська, сроду бы не вспоминала про дни рождения. Время у меня движется не в такт. Мое объективное

завтра может наступить через неделю, иногда через шесть. Рената была не совсем права, когда сказала, что я делаю все слишком поздно. Я делаю тогда, когда вовремя кажется мне.

- Лопухова, ты чё суетишься? – грустно сказала менеджер, и все закивали ей в тон. Я обвела взглядом кабинет. Пять столов, мало пространства, народ безмолвствует. Редакция смотрела на меня так, словно только что поднесла на мою сырую могилу корпоративный венок. Я представила себя в прозрачном гробу, и как я смотрю на собравшихся оттуда, с другой стороны. От таких оборотов пространства меня затошнило. Проблема не в горе, а в мыслях, которое оно вызывает.

- Меня, что уволили? – спросила я, на всякий пожарный прижимая к себе визитницу. На коже стояло тавро «Банк Имперский». Мне дорого. Теннисные мячики моих предков сваливались с неба сплошь в титулованные тела. Правда, в связи с последней исторической реконструкцией классовых слоев, у меня больше нет фамильного герба – кроме смайла на черной майке.

Менеджер безнадежно махнула рукой.

- Интернет хотя бы иногда читать надо, - обронила она через плечо и выплыла из кабинета.

Я скривила губу. Очередной всплеск истеричной активности? Убили литературного негра? Правительство вывело МВД из страны? Обстреляли желтый дом помидорами?

- Что стряслось?

От волнения я распечатала дезодорант-новинку и набрызгала в крышку. Запахло новейшими технологиями. Нота сердца – ультразвук. Последняя выжимка из тонковолокнистого уса.

- Вчера начали показ сериала, - объяснила фоторедактор, - молодой муж, глава перспективной телефонной сети типа этих, которые всю РФу покрыли...

- Тарифы снижают, - подсказала корректор.

- Они все молодцы... Короче, эта дрянь спит на работе, ест на работе, домой приходит только галстук менять, - продолжала фоторедактор про мужа из нового сериала, - изнасиловал так всю семью, дети скатились на подарки учителям. И тут он понимает, что надо брать отпуск и ехать с ними...

- Но в этот момент показ сериала прервали, - корректор полезла в рукав за одноразовой ароматизированной салфеткой и вытерла ею глаза.

- Да вы что в самом деле, гайз! – воскликнула я, - его, что, больше не будут показывать?

Я хотела добавить что-нибудь про трагедию современной культуры, но не успела.

- Не будут, - промычала корректор и уткнула лицо в ладони.

Из коридора послышался крик: «Врача! Врача!».

- Война, Лопухова, - сказал арт-директор, так и не долечивший прыщи, и выключил свой компьютер, - четвертая мировая. Красную площадь вчера расколбасили подчистую. От Василия Блаженного отвалились все купола.

Я офигела.

- Ты ж в телевидении работаешь! Какого черта ни хрена никогда не знаешь? Ты вообще какая-то странная, знаешь! Температура вот у тебя. Может, к врачу?

Я стояла за своим столом, с вонючей крышкой от дезодоранта в руках. Главный (он вернулся из ветеринарной клиники, где усыпил своего бассет-хаунда), нервно вынимал из сумки йогурт, лилипутский творожок, газеты и прозрачные файлы, потом складывал все это обратно, и, наконец, выудил словарь иностранных слов.

- Это я вам купил, - он положил его на стол корректору, - а, Лопухова?

- В котором часу? – спросила я.

- Что?

- Расколбасили Красную площадь? – повторила я слова арт-директора.

- К концу третьего акта, - сказал он, - мы домой пешком шли.

Должно быть, вчера он водил подружку в театр, подумала я.

- Скажите, - я повернулась к вздрагивавшей плечами корректорше, - вам знакомо имя Флэгра?

Корректорша перестала вздрагивать.

- Это не имя, это остров, где жили титаны до битвы с богами. Позже... я хочу сказать, когда правитель Македонии построил там город, остров стал называться Кассандрой.

- Боже мой, - сказала я.

Из редакции, чтобы ехать домой, я, корректор и фоторедактор вышли только под утро. Главный разрешил до конца недели взять отпуск, с условием, что мы все будем постоянно созваниваться.

- Чтобы мозг не опух.

Во время войны в СА люди тоже проявляли свои редкие качества. Полные суки по мирной жизни оказывались героями. В мародерстве из эмигрантов были замечены только два неизвестных и один детский врач.

Ренаты дома не было. Я обошла всю квартиру и потрогала ее вещи. Я дарила ей кое-что. Под кроватью в спальне я нашла новый рисунок. На нем был нарисован мой бойфренд. Он был нарисован в профиль, так что я не уверена.

- Сука, - прошептала я и в пальто рухнула на кровать...

Меня разбудил неоновый свет. Он заливал всю комнату и казался

бы лунным, если бы его не было так много. Я потрогала лоб, голова горела.

Позвонил главред.

- Ну как там?

- Здесь все спокойно, - я пожала плечами.

- А. Я уж думал, у вас сражения...

Нравятся мне его шутки. С другой стороны, он жил в Кыратском.

Если мерить моим отсталым временем, почти Аляска.

- Нет, - подтвердила я, - тишина.

Он попрощался. На самом деле стояла прекрасная тишина. Комендантского часа, кажется, не объявляли. Возможно, соседи просто тоже спали в пальто на кроватях. Насколько я понимаю, сериалы больше никому не нужны.

Хорошо, что ты не дожид до этой минуты. Я подняла с полу портрет моего ангела. На картинке он казался старше, чем был. Ну, разумеется, столько лет прошло. Несколько. Я снова улеглась на кровать и положила рисунок рядом, на вторую подушку. Скоро мне стало холодно. Пальто было жестким и ни фиги не грело. Очевидно, температура моего тела поднялась будь здоров. Я потянулась и накрыла свободным концом покрывала лист с нарисованным бойфрендом. Самой забираться под простыни было лень. Нам нравилось спать вместе, вспомнила я и снова уснула.

Меня опять разбудил свет в окошке. Было похоже на дежавю. Иногда для тебя прямо наяву наступает полнейший бред. Полнейший – это, когда ты смотришь на происходящее не как будто немного со стороны, а, кажется, что только сторона для тебя и осталась, причем – обратная.

Не выдержав, я позвала его в тишине, предателя, убийцу беспечных чувств. Почему он не додумался в тот день сентября заболеть, прикинуться валенком? Разве это много ради счастья любимых? Что ему стоило, например, прогулять работу – попереться к терапевту, дантисту, к проктологу, наконец – только подальше от башен. Зачем надо было ползти на самую кручу Нью-Йорка, разве еще не ясно, что сентябрь полон магнитных бурь и аномалий? Школьникам в этом месяце просто не охота учиться. Как известно, если мечтать толпой, мечты когда-нибудь сбудутся.

Задолбал меня этот свет.

Я встала задвинуть шторы. Когда мы были вместе, это было его полуночной обязанностью. Я хочу, чтобы весь мир был передо мной виноват. Как говорил режиссер с телеги: если мне плохо, пусть ведущий шоу тоже стонет и плачет. Интересно, он говорил буквально или метафорически?

Передвигаясь как в киселе из-за своей горячки, я кое-как доползла до окна. Покрывало потащилось за мной, с ним мой нарисованный бойфренд. Когда я была у подоконника, он дополз до

края кровати и стал на нем, наклоняемый натянутым покрывалом. Получалось, что он как бы пошел вместе со мной закрывать окно. Чертовы глюки.

Я кивнула портрету и улыбнулась. Я смахнула со щеки воображаемую слезу и обернулась к окошку. С улицы на меня смотрел большой рекламный баннер с Ренатой, лежащей вдоль нижнего края на светящейся леопардовой шкуре...

Когда я очухалась от небольшого стресса, шока, транса, не знаю, что это было, то вспомнила, что за несколько дней до появления в моей квартире Ренаты за моим окном был этот самый плакат. Потом его сменили белым баннером «здесь должна быть ваша реклама».

Я пожала плечами и попыталась восстановить все, что было связано с ее появлением, до мелочей, до нитки. Сначала в голову мне лез мешок картошки из Липецка. Потом я вспомнила звонок в предбанник и пропуск. Рената принесла мой утерянный пропуск в Останкино, и я хотела всучить ей вознаграждение.

Я поплелась в прихожую и раскрыла рабочий кофр. Во внутреннем кармане лежало два пропуска. Я сравнила их, поднеся к настенной лампе – оба были одинаково потерты и погнуты по углам. В Останкино выдают только один. Это всем известно.

В дверь постучали. Я была уверена, что это она. Я открыла. На пороге стоял мой сосед, монгол. Левым плечом он опирался о косяк.

- Ты зачем в пальто-то? – буркнул он удивленно и сунул ладонь подмышку.

- Проходи, - пригласила я и отступила.

Мы оба знали, что причину его визита объяснять не надо. Сейчас война, и мы все будем вести себя по-другому. Заваливаться к соседям в ночи, отдаваться первому встречному, бить витрины и после, возможно, никогда не жалеть об этом. Если бесчинствовать можно тем, кто и в мирное время нарушал оказанное доверие, почему нельзя нам, простым смертным?

- Слышь, мои рванули на родину, - сказал монгол.

- Ну и зачем? – спросила я, - легче от этого будет?

Он выпятил губу.

- А хэээ, но там зданий меньше.

- Ты что в степи собираешься жить?

- Нет, бля, в Улан-Баторе! – он глянул на меня так, словно я собираюсь чистить котел после свадебного ужина обычным моющим средством, - поехали тоже.

Я скривилась.

- А чё, слышь!

- Не, у меня работа.

- Какая работа нах! Кому щас нужны твои... перья? – он, очевидно имел в виду, пузыри, понты или пыль в глаза. Не думал же

он, что журналы пишут чернилами.

- Не скажи! Для поднятия морального духа всегда... в первую очередь важно искусство.

- Искусство! – передразнил он и закурил, - курить у тебя можно?

- Бросай. Скоро не будет, - некоторым доставляет удовольствие пугать ближних.

- Не, сначала с соли начнется, - со своим легким монгольским акцентом он походил на ребенка, - потом картошка пропадет и мука. А это, где твой мужик-то?

- Картошка? - я сделала холодное лицо. Я пошла в спальню и принесла монголу моего нарисованного бойфренда.

- Ага. Хорошо зарабатывает? – монгол прислонил картинку к стене.

Я уставилась на него в полном ужасе. С улицы в мое окно не мигая смотрела Рената. За столом в профиль к нам сидел мой нарисованный пастелью любимый.

Оптимисту достаточно и постера Пэм Андерсон на стене...

Неделя прошла во сне. О том, как она началась, я старалась не думать. Я продолжала упорно не читать новостей и узнавала о событиях в мире от коллег в трех редакциях. Мы, как и раньше, много работали, приносили с собой йогурт и ходили обедать. Нам даже выдали деньги в срок. Правда очередь в банкомат была длинней и мрачней, чем обычно. На лицах было написано «получаем в последний раз».

У меня не поворачивался язык сказать: «Да бросьте вы, люди!». Как будто, чтобы заявить это, мне нужно было сначала что-то для них сделать – спасти мир, выдать наличку на год, погрузить детей на корабль и увезти на райские острова. Меня грызло чувство вины. Я смотрела на лица и чувствовала себя донельзя похабно.

- У меня к тебе предложение, - толкнула меня в бок малознакомая тетя. Я видела ее в коридорах, и мы даже здоровались, но сказать, кто это... ну, как бывает...

Я была следующей в банкомат, поэтому ответила:

- Да, давай через 10 минут, подходи в редакцию, - ждать ее, глядя на очередь, мне не хотелось.

- Ну, ты что, еще подумают.

- Никто ничего не подумает. Ладно, в курилке, - предложила я. Мне не нравятся мутные предложения. О меде из Краснодара или черной икре с Сахалина можно говорить при всех, не стесняясь. Должно быть, у этой тетки некачественная икра.

Я вышла в курилку ровно через 10 минут, как обещала. Тетя ждала меня между лестниц.

- Тут такое дело, - начала она, - моя подруга собралась открывать журнал.

Из меня вырвался свист удивления.

- Да, все понятно, - проямлила тетя, - но деньги дают, тема есть, не вечно же это будет длиться.

Я неуверенно скрючилась. Во вторую мировую тоже никто не верил. Я спросила:

- А что надо делать?

Тетя просияла.

- Им нужен главный.

- Бюджет? – спросила я.

- Встретишься, они все расскажут, - она сунула мне в ладонь визитку, - но не парься, я ей скажу, они сами отзвонятся.

- Они? Она? – спросила я, - их несколько?

- Она и ее парень. Крупный дом под их тему дает бабок. Ну, не брать что ли? Я бы тоже не отказалась, - она завистливо засмеялась.

Я улынулась тоже, но кривовато. Интересно, под какую тему можно сейчас отмочалить на хороший бюджет отдельного СМИ, который еще даже без документов? Женский, глянцевый, надо полагать, если меня зовут. По нулям бюджет будет пессимистично через три года, до стандартной отдачи все пять. При оптимистичной политической обстановке. Рекламу оружия будут давать?

О теме я скоро узнала. Она оказалась эротической. Как подсказал мне внутренний голос, на данный момент это было даже круче, чем спорить, чья красная кнопка мощнее. Хотя, морально отдает показом Трамвая Желания на следующий день после урагана Катрина. Говорят, некоторым в войну удастся делать большие деньги.

Мы встретились с дамой лет 45ти и ее парнем чуть помоложе, в кафе на кольце. Напротив за столиком кто-то напился. Два человека в черных пальто, с кофрами Конте Макс надрались в такую дугу, что даже сидеть у них расплзались ноги. Официанты давно убрали с их стола, не уносили только бутылку и стаканы. На опьяневших смотрели сочувственно, как во времена сухого закона смотрят на валявшихся под столбом. Как и тогда, все понимали, что не от хорошей жизни эти двое потеряли человеческий облик.

- Мужики в эротических съемках, как ты понимаешь, военные, - рассказывал про идею журнала парень дамы.

Меня немного тошнило. От пирожного я отказалась.

Я подумала о том, как покажу первый номер Ренате. Ей нельзя, она ненормальная. Я все еще думала про нее, как про свою оступившуюся сестру. Как бы мне самой не оступиться...

Передачу на ТиВи закрывали. Это и решило дело с новым журналом. Я взялась собирать эротический номер с голыми мужиками в галунах. Чтобы преодолеть грызню любопытства и совести, под статьи я подвела какую могла идейную базу. Де секс – это здоровое увлечение человека, я найду Диму, друга олигархов и проституток, и мы научим

читателя светлым и вечным физическим чувствам. Рисовать иллюстрации я попросила художника, который рассказывал про службу в Чехословакии. Все равно, сейчас каждый берется за любую работу. Тем более, если это моральная помощь ближнему, за нее не стыдно взяться звезде.

Дима от темы слегка опух. Это было видно по тому, как он тормозит с ответами. Честно говоря, я не надеялась даже надыбать его в Москве, но оказалось, что его подружка недавно купила особняк, и Дима помогал ее желанию все переделать и перестроить и при этом не споткнуться о первый же художественно-бетонный блок. Вместе они уже две недели перестраивали забор.

Когда Дима немного привык к эротическим очертаньям идеи, из него полились названия статей и номера телефонов людей, у которых мы возьмем интервью. Первым мы нашли педофила в Морской Тишине. Не понятно было, как его отнести к военным. Но Дима предложил назвать репортаж «Детству – мир».

За информационным дополнением (в журнале это часто называют «подвалом». На нашей странице подвал выглядел черным боксом, залитым «независимой» информацией под основной статьей), так вот, за подвалом я отправилась в переулки вверх от Мясницкой, где однажды случайно наткнулась на педофильский клуб. С улицы на клуб не указывало никакой вывески, кроме потертой «Эксченч», оставшейся, наверное, со времен первых московских свободных долларов. На вывеске были выбиты лампочки и вместо курса доллара зияли пустые квадраты. Как и прежде в клуб вела затертая бетонная лестница, музыки не было слышно. У гардероба меня спросили пароль.

- Вы охренели! – ответила я, и меня запустили.

К тому времени, когда принесли и положили на мой стол салфетки и кружок под пиво, мне уже почти продали троих детей: 17-летнего мальчика, который выглядел на 13, детдомовского вида дитя непонятного рода и жеребца лет 20ти, судя по мышцам.

В дальнем углу за одним столом сидели несколько седых джентльменов в кремовых костюмах. Я видела их и раньше. Странно, что клуб не назывался «У Пяти Толстяков». Вокруг толстяков время от времени вились стайки малолеток. На каждом было подобострастное выражение лица. Джентльмены похлопывали их по плечам и по попам. Как в кабаре, труппа соблюдала особый фирменный стиль – большеватые модные майки.

Программа была насыщенной – сначала выступал дуэт травести, одетых в аль-каидовские напыльники. Дуэт пел частушки. Потом на сцену выплыла местная Верка Сердючка. Не знаю, кто завоевал народные сердца раньше: Верка или ведущие нетрадиционных клубов, но пропев «раша гудбай» на украинском конкурсе, Сердючка снова переместилась в подполье и расплодилась фальшивками. Пока на подиуме выступали с танцем стриптизер и партнерша, фальшивая

Верка комментировала в микрофон из угла. В темноте виднелись только ее перья.

Со мной за компанию в клуб притащился монгол. Он подошел позже, к самому концу стриптиз данса, заказал себе пиво и стал оглядываться. Через полчаса сын степей изнахратил всю малину. Он вдруг сорвался с места и куда-то пропал. Я полезла искать его через толпу, по темному коридору. За дверью, куда я случайно вломилась, на низком диванчике валялся степенный мэн, рядом на полу на корточках сидели две девочки. Они подняли на меня глаза, и я поняла, что мне страшно.

В основном зале в этот момент поднялась кутерьма. Оказалось, что монгол привел с собой двух милиционеров. Монгол еще хотел повыступить, повозмущаться и набить морды, но я уговорила его скромно ретироваться и не называть фамилии спасателя.

Над клубом, откуда мы сбежали и где торговали детьми, шумела Москва. Обычный мирный шум, с наступлением войны, кажется, стало даже больше огней и рекламы.

Мы вернулись домой. Монгол попросился переночевать в Ренатиной комнате.

- Искусство! – презрительно бросил он мне, вместо спокойной ночи.

Я долго стояла у окна своей спальни. Над дорогой напротив больше не было гламурного баннера с Ренатой на леопардовой шкуре. Не знаю, когда его сняли. Вместо него висели три золотые шпильки, замаскированные под пули.

Почти до утра я прислушивалась, не топчется ли кто-то за дверью, робкий и виноватый...

Следом за детской темой Дима вдохновился цирковыми интригами и притащил в редакцию гимнаста со сломанной ногой. Но не потому, что в лучшие времена тот мог занимать 33 позиции на перекладине, а потому, что однажды был любовником монахской принцессы. Потом к нам пришел человек, который знал святого гуру Оле Нидла, когда тот еще торговал наркотиками. Потом в Москве оказался парень, который зарабатывает тем, что тестирует новые модели дизайнерских резиновых кукол для секса, прежде чем выпустить их на конвейер. Мы встретились с ним и записали все его ощущения от резиновых кукол и экспертные советы по выбору лучшей.

Короче, дел было много и все интересные. Фронтовые будни для меня все больше походили на возрождение жизни на Марсе. Я уже свято верила, что наступил именно тот момент, когда надо научить человечество правильно размножаться.

Перед Новым Годом между платной стоянкой и подъездом меня встретила Рената. На ней была шуба из какого-то пятнистого зверя, правда, с размытыми, словно полинявшими пятнами.

К светским манерам я отношусь так же, как к остальному – могу иметь, могу не иметь. У меня вызывают уважение люди, про которых можно сказать: «Он был всегда неподкупен» или «Самообладание для него было делом чести». Слава моим университетам, если спустя 9 дней после моей кончины кто-нибудь скажет «Она делала все, чтобы не умереть».

В руке у Ренаты болтался пакет апельсинов.

- Где ты была? – спросила я, - почему ты ушла?

На мне были высокие каблуки, а на асфальте под пушистеньким новым снегом – раскатанная дорожка, поэтому вопросы я задавала, поднимаясь со льда.

Рената внимательно разглядывала меня сверху вниз.

- Послушай, возьми компьютер, - попросила я, - или я его раскурочу.

Она наклонилась и взяла у меня кофр.

Навстречу нам по дорожке шли два жильца. Они тащили коробку с плазменным телевизором. С началом войны люди стали скупать технику активней. Когда жильцы, тащившие телевизор, приблизились к скользкому месту, я крикнула «Осторожно!», и они оба, как по команде хлопнулись вниз.

Рената уронила мой компьютер в палисадник и бросилась им помогать.

Апельсины она купила хорошие.

После горячего чая и по куску пиццы мы, как бывало раньше, устроились в общей комнате, только я села на другой диван.

- Ты не собираешься праздновать? – спросила Рената, не поворачивая головы от окна, - у тебя даже елки нет.

Я смутилась.

- Ты хочешь? – спросила я. Вообще-то я собиралась работать.

- Было бы неплохо, - сказала она.

- Послушай, – попросила я, немного помедлив, - расскажи о том, как ты была маленькой?

Елку нам было уже не достать. Я подумала, что воспоминания о приятном могли бы заменить ей праздник.

В дверь позвонили.

- Это елка, - сказала Рената. Я кивнула и пошла открывать. Я могла поспорить, что это – монгол.

- Привет! – обрадовалась я его круглой и плоской роже. Мы прожили на одной площадке почти четверть года очередной мировой. Из-за спины монгола торчало что-то зеленое.

- Ты принес елку, - безрадостно сказала я.

Я уже почти привыкла к тому, что между Ренатой, Кассандрой и бабушкой Вангой есть что-то общее. Не могу сказать, что мне это нравилось.

Почему монгол не уехал на родину, я могу догадаться. Кроме

золотого черепа на его правой руке появилась бриллиантовая печатка, на запястье тоже что-то скромно сверкало каратами и вообще, он весь как-то похорошел и налился благородными соками. Я не стала спрашивать, что он замутил в сложившейся ситуации. Я как бы сама не тачала на заводе болванки снарядов.

Новый год мы встречали втроем. Монгол приглядывался к Ренате, а я думала, что отвечу, когда он спросит, есть ли у нее молодой человек.

Утром первым делом я позвонила, чтобы поздравить моего знакомого, который родился 1го января. Козерог. Мой бойфренд родился 13го. Это два дня рождения, о которых я вспоминаю без опозданий.

Принимая душ, я услышала смех. Веселились монгол и Рената. Я испугалась – слабоумные девчонки в психушках – жертвы склонных к размножению санитаров. Слабоумие, наверное, заразительно. Наспех смыв пену с волос, я выскочила из ванной.

- Seriously? Ну и ну! – донеслось до меня.

Под собственный смех монгол вышел из комнаты и деловито взял меня под локоток. На кухне он посерьезнел. Рената объяснила ему, что обычной наряжать зеленые елки пошел от лидера технократического движения, испытателя-экстремала по имени Сання, который выращивал и раздавал елки причудливой формы, чем и обратил в свою веру сердца избирателей. Традиция украшать дома елками установилась после скандала. Дама Санни оказалась переодетым мальчиком. Те, кто продолжал верить в его идеи, доказывали свою преданность елками. Отсюда же Санта.

- Как ты запомнил всю эту чушь? – спросила я.

- Не знаю! – страстно зашептал он, пожимая плечами, - она сказала, что там, откуда она, имена обычно кончаются на «я» или на «о». Дома ее зовут Рено.

Я потрясла головой. Я подозревала, что монголы до сих пор верят в духов, но чтобы в марсиан – не догадывалась.

- Да, у дамы тамошнего Санты было домашнее животное, козел, его звали Меня. Такие детали... - он развел руками.

- Надеюсь, ты понимаешь, что все это... - строго спросила я.

Я представила себе девчонку, годами слагающую свой собственный мир. За 25 лет должно было накопиться немало деталей.

- Хорошо, что ты сам все узнал, не надо тебе объяснять, - вздохнула я.

- Ты, это, если надо, за помощью обращайся, - монгол вертел в руках золотой брелочек, - я это оставляю себе?

Я взяла посмотреть. В центре золотого брелочка хорошей работы была изображена рельефная маленькая елочка с бантиками. Я покачала головой.

- Она подарила? Конечно, оставь.

Он крикнул Ренате «пока» и ушел. 1ое близилось к вечеру.
Я потопталась на пороге.

- Рената, - позвала я.

В конце концов, надо было как-то решить проблему. Я не имею права воспитывать чужих сумасшедших.

- Рената, где ты живешь?

- Монгол и тот слушал. Почему ты не задавала мне этот вопрос раньше?

Действительно, - подумала я, но тут же спохватилась. Не хватало мне подростковых истерик и возгласов «это ты во всем виновата!».

- Задаю сейчас. Где ты живешь?

- На Плюке, - она смеялась.

- Понятно. А в Москве - где ты живешь?

Почему к полоумным не цепляют металлические таблички с выгравированным адресом?

- У тебя.

Я решила ее проверить:

- Назови адрес?

Она назвала мою улицу, дом и квартиру. Умница девочка. Так я ничего не добьюсь.

- Ты знаешь, здесь я чувствую себя новорожденной, - вдруг сказала она и положила голову мне на плечо, - мне приходится адаптироваться. Как тому твоему солдату, художнику.

Я отстранилась.

- Откуда ты про него знаешь?

По моим мыслительным органам пронеслась какая-то жуть.

- Твой плакат висел у меня за окном. Ты снималась в рекламе? У кого? Можешь показать, где это было? – я вскочила, - давай, поедем туда прямо сейчас! Где ты видела моего жениха? Рылась в моем компьютере? Но у меня такой фотографии нет!

Вопросы сыпались из меня, как мюсли из прорванного пакета.

Через полчаса мы неслись по кольцу в сторону Тверской. Рената согласилась показать мне студию, где снималась для рекламы.

Я вспомнила, что в компьютере у меня вообще нет ни одной фотографии.

В старом доме на Фадеева, к которому мы подъехали, не горело ни одно окно, хотя на улице было уже темно.

- Ты уверена?

Рената кивнула. В подъезде тоже было темно. Дом был вообще похож на заброшенный. Пока мы на ощупь поднимались по лестнице, я соображала, что буду делать, если мы случайно попадем в жилую квартиру и поднимем на уши незнакомых людей. И дальше – что я буду делать, если мне ничего не удастся разведать. Кто ее родственники, где документы, чем ее лечили и не надо ли держать на тумбочке таблетки

от ишемии. Я о ней ничего не знаю. Она жила у меня, кажется, больше месяца. Наконец-то я удивилась своей легкости в отношениях.

- Тут, - сказал она и отступила перед высокой деревянной дверью, состоящей из двух половинок. Над ручкой стоял сувальный замок повышенной надежности.

- Я тебя накажу, если ты меня обманула! – от нервов я сорвалась на угрозы.

- Окей, - шепнула она, - входи!

Я обернулась и посмотрела на нее как на полоумную. То есть... Как на полоумную, у которой вообще не все дома. Я толкнула дверь. Она, понятно, не поддавалась. Я плюнула на все и постучала. Вместо кнопки звонка из косяка торчали оголенные на концах проводки. Очевидно, чтобы получить сигнал, их нужно было свести вместе. Но если меня шибанет током, я так и не узнаю, удалось мне что-то узнать или нет.

Дверь открылась. В проеме стоял заспанный парень, он, прищурившись, посмотрел на меня, словно я была яркая лампочка, а он подозреваемый. Гейским голосом парень спросил «вам кого».

- Простите, - сказала я и вытащила из кармана случайную бумажку, - у нас по этому адресу фото-студия. Мы – модель.

- А! А у нас тут новый год, заходите, девчонки!

Мне реально хотелось ее отлупить. Я понимала мамаш, которые с отчаяния втыкают своим недоумкам без надежды на то, что в голове у тех прояснится.

По дороге обратно я зашла в магазин, замкнув Ренату в машине, и купила большую бутылку виски. Надеюсь, что у меня на него все еще аллергия, и я распухну раньше, чем умру от передозировки. Прилавок, у которого меня обслуживали, выглядел сиротливо.

- Разобрали? – весело похвалила я, - новый год!

Продавщица посмотрела на меня, как на чуму. Мне подумалось, что отныне все на свете я буду измерять степень умственных отклонений.

- Вы когда последний раз в магазине были? – спросила меня продавец.

- Не знаю, вчера, на позапрошлой неделе. Я не питаюсь дома, я...

- Ну-ну, - она кинула на прилавок чек и отвернулась. Я поняла, что продажа закончена и, пятясь согбенной спиной, отступила к двери. Если в камеру меня видит охранник, то подумает, что я долбанулась. Я быстро вернулась и забрала чек.

В соседнем магазине я хотела купить большой торт, но мне удалось отхватить только четыре маленьких. Я не стала спрашивать, когда именно опустошили прилавки.

- Ты вообще где? – спросила меня Рената, когда я включила мотор.

- Я в магазин ходила. Купила торт. Ы.

- Живешь где, я спрашиваю?

Я устало вздохнула.

- У меня выходной. Иди наф!

- Прости!

Я кивнула.

- Никакой студии не было. Просто спорить с тобой – это труба. Ты не в реальности, - Рената распечатала верхнюю коробку с тортом и отковыряла глазурь.

- Я счас заплачу! – буркнула я.

Рената запела песенку, которую пел мой бойфренд. Голос – это не лучшее, что в нем было. Я почувствовала, что из глаз у меня что-то капает.

- Ну что ты рыдаешь? – спросила Рената, - сколько можно тебя убеждать?

- В чем?

Мы стояли перед дверью моей квартиры, и я никак не могла попасть ключом в замок. Замучившись париться, я отдала ключ Ренате. Она быстро открыла дверь, пропихнула меня вперед, взяла мою сумку и сняла с меня пальто.

- Не надо! – крикнула я, когда она нагнулась расстегнуть мои сапоги.

Вдвоем мы быстро накрыли кофейный столик. Рената распечатала сразу все торты и повтыкала в них свечи.

- Пусть тебе кажется, что это умершие души, - отряхивая пальцы, сказала она.

- А можно еще раз, вот это место, про телевизор, - попросила я, - не вкрутило.

Я, правда, ничего не поняла. Пока мы ехали, а потом стояли, припарковавшись на обочине, потому что я не могла рулить, Рената рассказала мне немного дикие вещи. Она рассказала мне, чем я занималась в тот момент, когда за моим окном висел плакат с девушкой на леопардовой шкуре — еще до того, как Рената принесла мне мой пропуск. Дома я бываю редко, и если бы она описала мои обычные домашние будни, как будто видела их в окно, я бы вряд ли расстроилась. Но как раз в то время у меня началась температура и красные пятна.

- Ты каждый вечер пихала под мышку градусник. И мазала кожу из баночки так, как будто это тебя убьет. Очень прикольный вид... Знаешь, ты не умеешь лечиться... Потом к тебе приходил какой-то мужик... сутулый...

(Настройщик компьютеров).

Рената рассказывала мою жизнь, перемешивая события в моей квартире со своими впечатлениями – о погоде, о местной моде, о

потоке машин, которые пробегают вниз. Она рассказала о марше мира, который по традиции проводится 7го ноября. О том, как с утра щитами прикрывали витрины, как от толпы отделялись люди и бегали в подворотню пос..ть, а потом возвращались, о репортерах, курящих на крышах траву.

- Как ты поняла, что это трава?

- На сигаретах написано «блант», - она хихикнула и повторила слово, почти пропев гласную, как будто читала для ребенка.

Потом она объяснила, как добыла мой пропуск.

- Ты бы не повелась на картошку из Липецка. Кстати, а чего мы ее не жарим фри?.. Что мне оставалось придумать? Сестры Иеговы, перепись населения?.. Как было к тебе попасть? Тебе до звезды жизнь страны, максимум, на что ты способна, это подобрать какого-нибудь чучельника, взять, но никогда не напечатать с ним интервью.

Я понуру слушала. Вот так, наверное, и бывает последний суд.

- И ты все время думаешь о деньгах. О них говорить надо, дорогая! Думаешь, почему больше всех денег у банков?.. О чем, скажи, вы все время беседуете в редакциях? О словах. Вот и получается, что у вас сплошная брехня. Кто о чем говорит, знаешь... Я сразу поняла, что стоит постучать к тебе в дверь, ты начнешь думать, чем расплатиться. Но ты про это ни в жизни не спросишь. Чтобы узнать мнение окружающих, тебе необходим целый маркетинговый отдел... Но, не важно. Я постучала, ты подумала. Ты подумала о пропуске. Мне было не трудно его воплотить. С чужими мыслями вообще проще, чем со своими.

Как бы пританцовывая, она качнула ладонями в одну сторону, в другую, а я как бы растворилась в происходящем и посмотрела на себя со стороны... Гипноз.

- Наверное, тебе кажется, что ты пропустила первую серию? – спросила Рената, когда мы сели пить кофе.

У меня, действительно, было такое чувство. Потому что сразу вслед за паранормально подделанным пропуском Рената перескочила на тему о том, почему она меня выбрала. С причиной я худо-бедно разобралась, на механическом уровне, как запоминаешь какую-нибудь теорему, но смысла в ней все равно не видишь. Зачем меня вообще надо было выбирать и кому – так и осталось загадкой. Должно быть, в моих мозгах уже кончился бюджет на исследования.

Когда я много работаю и устаю больше, чем обычно, мне представляется, что мой мозг сужается до иглы. Не то чтобы от этого он становился острым, как у главы департамента разведки, — форма и протыкающие способности здесь как-то не связаны между собой. Иголочный мозг только вспарывает мою голову изнутри. И по ночам от этого мне начинают сниться кошмары. Я их боюсь, но научилась справляться.

Сравнивая свои кошмары с кошмарами моих коллег и друзей, я

поняла, что такими вещами либо не делятся, либо у меня уникальный случай. Дело в том, что события моих кошмаров происходят не в каких-нибудь падающих лифтах или фантастических городах, а прямо у меня на кровати, и я как-будто даже не сплю. Должно быть, от усталости мой мозг не осиливает выдумывать нереальные условия и пользуется теми, что есть. Но от этого все становится только страшнее. Возможно, Рената была одним из моих кошмаров наяву, и я решила просто плыть по течению — когда проснусь, тогда проснусь, там разберемся. Я снова спросила Ренату, чем заслужила ее появление.

- Ну, в некоторых кругах нормально бить журналистам рожи, - сочувственно объяснила Рената, - в некоторых — взрывать все подряд... Считай, что ты из того круга, где в порядке вещей посещение марсиан.

- Ты с Марса? — спросила я. Она наклонила голову набок.

- У тебя заскок, дорогая. На-ка вот, выпей, - она отвернулась к мойке и немного погремела стаканами.

Если не ждать, пока взгляд на себя со стороны появится произвольно, а заставить этот взгляд появиться силком — как бы переместив внутреннюю камеру куда-нибудь вбок, наверное, можно увидеть даже то, что в обычной ситуации увидеть невозможно, если ты, конечно, — не главный пророк методики эгрегора, где-нибудь в монастыре Лао...

Мне представилось будто, стоя ко мне спиной, Рената держала перед глазами колбу и что-то переливала в нее из мензурки. В колбе забурило, и из горлышка вырвался мимолетный дым.

Рената повернулась и передала мне стакан виски с тоником.

- Получается, что не все подходят для данной миссии, - возвращаясь на свое место за столом, сказала она, - сначала я даже думала, что мне вообще не удастся найти нужного человека... Но нам повезло, - она хлопнула в ладоши, - ты не смотрела телевизора, дорогая!

- Я в курсе.

- Придется смотреть, - посерьезнев, сказала она, и я подумала, что, возможно, меня примотают к стулу.

Я кивнула.

- А с работой как, — спросила я, - взять отпуск или справку дадите?

Настала очередь Ренаты каждые пять минут смотреть на меня как на больную. Никогда не знаешь, где прилетит в ответ. Оставалась небольшая надежда, что мне зачтется — все-таки вначале я относилась к ней как к самому Дастину Хофману (в человеке дождя).

- Только ты, плиз, без настроения на легкие деньги! — Отвечая на мой вопрос про работу, воскликнула Рената, - никаких отпусков. Думаешь, отключили электричество — уроки делать не надо? Хлопнули главного — не пишем статей?

- Можно мне позвонить? — глухо спросила я.

Рената прыснула. Ломанувшись в прихожую, я зацепила штаниной стул и рухнула вместе в ним. В этот момент телефон зазвонил сам. Я схватила трубку.

- Ну, ты как? – услышала я. Главный был жив и здоров.

- Я нормально.

- Ну, с Новым годом! Слушай, я завтра на Байкал, хоть там отдохнем пару дней. Буду 17го. Вы, как обычно, 12го все в сборе. Захвати еды. Столовые закрываются. И предупреди остальных.

Я обещала все сделать, как надо, и пожелала хорошего отдыха. Хорошо иметь главного, когда местечковые новости не передают даже по телевизору.

Я вернулась к Ренате, словно уже дала подписку о невыезде. Она налила мне еще виски.

- Так что ты не поняла про телевизор?

Я опустила лицо на стол и оттуда попыталась еще раз втолковать ей, что именно мне не понятно. Чудес и фокусов мне было достаточно, но отчаянно не хватало здравого смысла. В машине, когда мы возвращались домой после неудачной попытки найти ее родственников, Рената объяснила мне, что происходит. Оказывается, нелепица, которая творится в мире последнее время, - это всего лишь следствие того, что нашей технологически захудалой звезде, которую мы называем «Земля», кто-то там угрожает, беспринципный и мощный, как я поняла, интергалактический монстр — не совсем чтобы однозначно бессмертный, но есть маза загасить этого чувака только на ближайшую тысячу лет. Потом история повторится, однако, вероятней всего, не на этой планете.

Чисто непроизвольно сравнивая ее рассказы с малобюджетными сериалами сай-фикшн, я сгоряча я подумала, что если внесу свой вклад в спасение старой и, видимо, отжившей планеты, то мне застолбят на новой земле акров 300 как ветерану. Я буду жить за забором, а перед воротами поставлю свой монумент, чтобы проходящие могли приложиться и не забывали меня хотя бы лет сто. После этого человечество под эгидой более развитых пришельцев, наконец, научится не сорить, не хамить и толковому менеджменту. И тогда я без опасения опять выйду к людям и буду работать ожившей легендой, которая однажды спасала мир...

Рената рассказала мне, что для борьбы с выше объявленным узурпатором, которому человеческий род вдруг ни во что не уперся, требовалось существо с особым состоянием ума и сознания. Замутненным, как сказала Рената. То есть, как раз таким, как у меня.

- Видишь ли, - объяснила она, - я старалась найти подходящего человека. Я начала с мужчин.

Я вздрогнула. Во времена, когда моя старенькая преподавательница истории, была молодой, большинство ее современников мужчин было отстреляно или оттеснено к зоне тайги.

Поэтому старушка внушала нам, что юношей надо беречь. Однако, с тех пор, как Работницу и Крестьянку сменил Вог и Гламур, мы разобрались, для кого из полов предназначена мода, а кому уготовано отрабатывать на себе экспериментаторские лекала. В тему сказать, тот кто, кто путает штаны на женщинах с феминизмом, непростительно ошибается. Мы просто ждали, пока этот вид одежды откатается на мужчинах и станет максимально удобным. Вы замечали, что с тех пор, как женщина надела штаны, их фасон принципиально уже не менялся?.. Но что говорить о фасонах, если даже природа отрабатывает на мужчинах новые гены. Это явное доказательство того, что они сильнее, и их не надо жалеть.

- Большинство кандидатов-мужчин, - продолжала Рената, - оказалось неспособными даже увидеть проблему. Представления о добре и зле очень узкие. Я плохо знаю историю Земли, может быть, так было всегда. Но мне кажется, что путать добро с должностью зама отдела, немного ошибочно. Я не говорю, что представления современника о добре ограничено только карьерой. Я сравнивала. Например, в более развитых обществах в понятие добра входит дизайнерский парфюм для домашних рыбок и запасные органы, начиная с трехлетнего возраста. Однако, спасение отдельного галактического вида можно доверить только тому, у кого вообще нет четкого разделения вещей на добро и зло.

У меня есть, - хотела завопить я и задрать вверх руку, как на уроке в начальных классах.

- У тебя в голове пока полная каша, - остановила меня Рената, - по части добра и зла ты на уровне неандертальца. Тебе все еще кажется, что хорошо должно быть всем и всегда, и что воровать место под солнцем – стыдно, тем более в особо крупных размерах.

- Не стыдно, - пробормотала я и упрямо склонила голову.

- Зря ты рыпаешься, - немного разочарованно проговорила Рената, - будет весело, не сомневайся.

Я и не сомневалась. Чтобы у кино был кассовый сбор, должно быть весело. Поохочем.

- Наиболее продвинутая часть человечества, которая со всем этим добром и злом разобралась, старается донести правильные идеи до остальных. Не всем же сидеть на разработке идей, правильно? Кто-то должен с утра развозить клубнику по супермаркетам. Для того, чтобы он мог это делать, его сознание должно быть чистым, незамутненным. Он должен четко понимать, что хорошо, а что плохо. Но поскольку у него нет времени самому во всем разобраться, то тем, кто сидит на разработке идей, приходится брать на себя задачу его обучения. Думаешь, все заканчивается обмыванием диплома? Нет, все только начинается. Человек проходит серьезный путь – много лет он учится читать и писать, чтобы дальше без проблем воспринимать передовые идеи — читать статьи о научных открытиях, экономические

прогнозы, статистику... — все эти носители идей нужно уметь раскодировать. Ты, возможно, слышала, что человек получает образование, чтобы легко ориентироваться в современном ему мире. Посади дурака в автомобиль, он же устроит затор, верно? Это неэффективное поведение, оно всем мешает. Но — хорошая новость — и дурака можно обучить водить готовый автомобиль, который придумал кто-то другой. Еще ты, должно быть слышала, что родителям будущих членов общества говорят: мы научим ваших детей думать. Это, действительно, крайне необходимо. Потому что пищи для размышлений будет достаточно — программы мировых новостей, аналитические передачи, культурные обозрения. Каждый человек обязан правильно понимать чужие идеи. Для этого его сознание должно быть чистым, правильно ориентированным.

- А я при чем? — буркнула я. Мне показалось, что Рената намекает на мою безграмотность.

- Смотри, - с готовностью сказала она, - ты где училась?

- В СА.

- Правильно, в школе для малолетних преступников.

- Не правда!

- Правда, правда. До тебя, как обычно, ничего не дошло. Вас именно так и воспринимали. Ну, к примеру, скажи, кто преподавал вам литературу?

Я залилась краской стыда.

- Комсомольский работник Жанна.

- Видишь, а у нее даже не было высшего образования. А кто вел историю?

- Двоюродная сестра директора завода.

- Ага. Химического. А они с братом, кстати, учились вместе, на бухгалтеров. Только он закончил, а она — нет.

- А кто занимался с вами физкультурой.

- У него было образование, - вскричала я, - я точно знаю!

Рената ласково на меня посмотрела.

- Конечно, было. Физический труд и движение — благотворно влияют на умонастроение отщепенцев общества.

Я сникла. Мне стало себя жаль.

- Ты хочешь сказать, я теперь типа рекламы в почтовом ящике? Беспольный ломоть?

- Абсолютно бесполезный.

Рената подлила себе горячего кофе.

- Ни одно хорошее дело тебе доверить нельзя. Ты опозлишь любую идею. Вот, скажи, зачем было писать в брошюре про средства для похудения, что уникальная формула — тот же бергамот? А запатентованный бустер снижения веса — всего-навсего кофе?

Я краснела уже непрерывно.

- Так клевый же факт.

- Да, только продажи повысились не у средств для худения, а у чая и кофемолок.

- Это не конкурирующие группы! – возразила я, - и вообще, кожа и кости уже не модно.

- Ага. Половина населения стала так мало есть, что производители многократно обработанной калорийной пищи обеспокоились. К тому же на пошив 48го европейского размера идет значительно больше ткани, чем на тех, кто болен анорексией.

Рената выразительно оглядела объем моей груди.

- Кстати, для успешного выполнения миссии, надо будет поправиться. У тебя весы есть?

Я послушно запихала в рот кусок торта.

- Ну, теперь тебе все ясно? – спросила Рената и зевнула.

- Да, - правда мне еще хотелось добавить «А что конкретно ты имела в виду?».

Рената обещала больше не уходить без предупреждения. Хотя я была бы уже не против. Впрочем, я не уверена. Я попросилась немного покататься на роликах, и Рената оплатила за меня четыре часа без проката – кто не в курсе, это дороже. В перерыве она устроила небольшой пир из картошки без кетчупа, свиных шпашек и шоколадных батончиков. К трате собственных денег, которые касаются не имиджа, а личных пристрастий, я отношусь с аскетическим подозрением.

- Мы возьмем тебе личного тренера, - сказала она, трогая мои мышцы, - танец на роликах развивает упорство и смелость.

Я почувствовала, что продаваться приятно, пусть я даже не знаю, кому и на что.

За новогодние каникулы нам с Димой предстояло сделать исследование рынка презервативов и понять, что двигало г-ном Данте – который лет 10 назад собрал первый электрический стул в помощь фригидным женщинам, и с тех пор стал процветающим бизнесменом в области эротических прибамбасов на принципе тока. Мы также взяли на себя роль независимых экспертов, решив докопаться до истоков отечественного электросекса. Нам хотелось понять, кто вообще первым придумал электросекс – американцы или мы. Мой американский коллега завез письмо от имени журнала в лабораторию Данте в Лас-Вегасе, с просьбой об интервью. Я тем временем нашла старого московского спеца по низковольтной установке для секса – что-то вроде виртуального вибратора. Роль виброэлементов в приборе исполняли небольшие разряды тока. Они усиливают удовольствие. Говорят, можно обалдеть от электрооргазма, всего лишь взявшись за проводки. Неудобство по сравнению с промышленным токовым вибратором у модельной установки было только в том, что она включалась в розетку. Пользователю приходилось находиться где-то в непосредственной близости к источнику питания. По словам спеца

последний раз он пользовался такой штуковиной примерно 20 лет назад, то есть, раньше, чем Данте. Лет 10 назад игрушку откопал в старой мебели его дедушка и собрал из нее радио. Таким образом, мы выяснили, что в электросексе мы тоже были первой страной на планете.

В общем с идейным наполнением первого эротико-военного номера все было нормально. Сложность создания эротического журнала заключалась в съемках и привлечении рекламодателя. С непривычки никто не бросался на новую тему с выпученными от вожделения глазами, как мы наивно предполагали. Напротив, каждый хотел пропустить вперед конкурента. Тем не менее, после распространения пресс-кита с рекламщиками завязалась бурная переписка. Всем хотелось увидеть номер в глаза. Каждый второй, кроме того, почему-то стремился поучаствовать в его создании и подключался к творческому процессу. На почту шли письма со ссылками на интересные источники в Интернете, рассказы о собственном опыте и намеки на то, что если нам надо, есть связи с производителями подпольной амуниции для садо-мазо, дизайнерами по коже, специализированной дизайнерской мебели и, конечно, студиями порно. Причем, письма даже не были анонимными. Видимо, дама-издатель и ее парень, все-таки выбрали подходящее время.

Рената заказала нам плазменный телевизор. Каждое утро и каждый вечер она включала его, и мы садились напротив, как до этого перед окном.

Уверенности в том, что у людей, как у скопления наций и экосистемы, будет будущее, не было ни у кого. У меня хотя бы появилась занятая миссия — сидеть с Ренатой и делать вид, что я готовлю себя к борьбе с межгалактическими захватчиками. Как прежде работа, важная миссия помогала мне отвлечься от чего-то неизбежного и непонятного.

- Зачем ты раздолбала мой компьютер? - спросила я, вспомнив, как Рената бросила кейс с моей рабочей машиной в палисад и кинулась помогать упавшим на лед мужикам с телевизором.

- Это чтобы ты почувствовала, как плохо бывает, когда тебе отказываются помогать ради всякой ерунды, - отвечала она.

- Разве я отказывалась тебе помочь? — я пожала плечами.

Она повторила мой жест.

- Ну, возможно, тут была и доля моей вины. Я все спланировала — явилась к тебе при загадочных обстоятельствах, сделала все, чтобы меня приняли за придурка, попыталась открыть тебе великую тайну и продемонстрировать мистические способности... Что еще должно было тебя убедить?

Кажется, я поняла, что она имела в виду. Это всколыхнуло во мне зачатки злорадства. Похоже, я начинаю вести себя как нормальный

заложник. Если мне удастся освободиться еще до того, как у меня появится синдром обожания, я сама себе отолью орден Совета Безопасности ООН.

- Хммм, - сказала я, - первое, что ты должна была сделать, это заявить, что ты с планеты Ка-Пэкс. И только потом все остальное...

- Я идиотка! – взвизгнула Рената и вскочила.

Я решила, что она подпрыгнула от досады на себя за то, что сделала все неправильно. Но она стремглав бросилась вон.

- У меня же тосты горят! – услышала я ее голос уже из кухни.

Я плюхнулась обратно перед телевизором. Показывали устройство ракет «Ас-касан-4». К новостям и популярным программам я только привыкала и еще не умела определять передачу по интерьеру в студии. Но, кажется, именно так раньше выглядел Клуб Путешественников. Ведущий объяснял принцип сборки ракеты с милым мягким придыханием.

Честно сказать, новости действовали на меня угнетающе. Первые два дня или три я вообще ничего не могла понять, и находилась в прострации. Много неизвестных имен, дат и прочих, кажется, всем знакомых, символов сбивали меня с толку так, что я чувствовала себя отморожком. Словно давно-давно я заболела неизлечимой болезнью, семья сдала меня в приют для коматиков, где психиатры по два раза на день экспериментировали на моем бездыханном теле электрошок, я поседела, состарилась, потеряла последний разум и вот сейчас очнулась. Но при этом, транс был не полным. Где-то с боков сознания сгущались мрачные тучи и клубились тревожные дефиниции: блокирование, спад, политическая цена и хартия энергетиков. От этого всего мне делалось не по себе.

Я уменьшила звук, надеясь, что тосты важнее, и мне простят. Последив немного за беззвучными людьми на экране, я удивилась тому, что Ренаты долго нет. Я пошла ей помочь.

До сна мне еще оставалось просмотреть новости в Интернете – читать было немного легче, в крайнем случае, можно было остановить процесс и долго всматриваться в непонятное предложение, пока не начнет кружиться голова и пробьет на тупейшую зевоту – верный знак того, что труба, пора переходить на сплетни о звездах.

Ренаты в кухне не было. Проходя по коридору, я почему-то заметила, что свет в ванной не горит, а дверь в комнату Ренаты не открывали уже три часа – ровно это время назад я уронила рядом с ней нитку от пледа. Разноцветная нитка до сих пор лежала на месте. То ли на мое замутненное сознание оседает всякая всячина, то ли в осадном положении просыпаются дополнительные таланты. Я дрогнула сердцем. Если я правильно поняла, Ренаты в доме вообще не было. Я ринулась к входной двери – на всякий пожарный на цыпочках – и быстро повернула без того закрытый замок на два лишних оборота. Насколько я уже поняла, появляться Рената могла только нормальным путем.

Потом я все-таки проверила ванну и спальни, и даже все шкафы.

Мне не верилось в свое счастье. Я вынула из тостера свежие теплые хлебцы и принялась кусать один за другим, словно давая себе гарантию, что мне не придется делиться. Я сгребла хлебницу и пошла досматривать новости. Передавали о новых возможностях ноут-буков. Плоская невесомая книжечка, ничего лишнего — дизайн для брюнеток — и он мог работать без зарядки 108 часов. Я решила заказать себе такой компьютер...

Несмотря на то, что мы с Димой работали все каникулы без остановки, получалось, что редакция не успевала сдать номер. В последний момент наклюнулись модули и неверстанные макеты. Потом на три дня отключали электричество (оказалось, что оно у нас не оплачено). Потом фотограф запорол съемку моделей, раскрашенных под военных медбратов.

Потом у издателя кто-то съел хлеб. Я пожалела о том, что радовалась исчезновению Ренаты.

- Ты не можешь даже унять своих троглодитов! — вопила издатель, наша дама. Ее парень мотался где-то по эротическим галереям. Редакция быстро ушла курить.

Из шкафчика, где обычно стояли чашки и кофе, с утра пропал кирпич хлеба с какими-то модными зернами. Оказалось, что другого наш издатель не ест. Может, в принципе, но сожранный кем-то хлеб был уникальный. Мы провели, запершись в моем кабинете, два часа. На последних минутах первого часа мне хотелось удавиться, потом прошло. Если смотреть на людей, как на новости в телевизоре, станут по боку, наверное, даже маньяки-убийцы. Чтобы хоть чем-то себя развлечь, я придумала не моргать. Я сидела на столе, следила за перемещениями ее тела в розовом трикотаже от кутюр и не моргала. Я даже забыла, что это издатель. Я вообще не помнила, кто она. Или он. То, что на теле юбка, говорит только о том, что на нем юбка. Через полчаса громкие звуки стихли. Я очнулась, когда издатель сказала:

- Ну, я пойду? Работайте тут, я буду позванивать.

- Конечно, - ответила я и моргнула.

Когда издатель ушла, я попросила редакцию отныне лепить на свою еду стикеры и без них не есть. Все бросились выбирать цвета. Итого, три часа мы не делали номер. До сдачи оставались последние сутки. Дальше мы попадали на бабки из-за нарушения договора с типографией. Беда изолированных изданий в том, что продукта мало, а геморрой тот же.

Утром издатель пришла с четырьмя водителями. Один был ее, другой ее мужа, третий — брата. Последним зашел водитель директора блатной торговой сети. Каждый нес по вороху огромных пакетов. Издатель сияла, как невеста миллионера. Я мрачно уставилась на кучу тряпья. Кажется, никто еще не понял, что нам предстоит сделать.

- Смотри, какой прикольный! – издатель достала из чехла малиновый зонт со стразами.

- Ты хочешь все это снимать?

Она захлопала глазами.

- Мы можем выкинуть эту пошлую статью про электрический стул или оставим ее на следующий номер. Женский журнал должен быть с картинками, все так говорят.

- Окей, - сказала я и вытащила из пакета детский горшок, - это эротичная вещь, как ты считаешь?

Издатель сказала снимать. Девочка по картинкам села вызывать студии, я попросила стилиста переписать марки одежды. Мы с редакторами ушли курить и думать концепцию. Съемка получалась размытой тематики. В рабочем варианте мы дали ей название «Все ее барахло».

Собрать журнал – это как из ничего построить домик и поделить границы государств одновременно. Или лучше так: это как при узком бюджете сгношить себе вечерний наряд. Все равно в последний момент окажется, что сумка, по любому, не катит с этим колье.

Студия для съемок барахла нашлась где-то по Ярославке. Доехать без пробок, с учетом того, что пятница, был полный облом. Фотограф пригрозил, что времени у него до шести. Подвести вещи надо было максимум до обеда. Позже – можно даже не рыпаться.

Понятно, что мы опоздали. Издатель захотела вести шмотки сама. Вместе с основной кучей пакетов в багажнике она по ошибке не вписалась в Проспект Мира и встала где-то на кольце. Оттуда она звонила мне каждые пять минут, и от ее номера на экране телефона ближе к шести меня уже стало колбасить.

За время ожидания я обнаружила, что с тех пор, как я смотрю телевизор, мне стало легче общаться с людьми – не надо было искать тему для разговоров, я просто вспоминала последнее новости. Это вызывало куда больший энтузиазм, чем все перепробованное мной до сих пор. Ибо сказано, будьте проще...

Когда фотограф начал орать матом, потому что мы не прислали стилиста (места в машинах не хватило), я использовала этот трюк.

- Хаха, - сказала я, - у тебя интонация сейчас была, как у Владимира Соловьева! Слышал, вчера он говорил о вводе войск?

- Ой, не то слово! Как они затрахали уже с этими новостями!.. – откликнулся с другого конца города практически незнакомый мне человек, и мы поболтали еще пять минут.

К восьми вернулась издатель. До студии она не доехала, развернулась.

Водитель внес за ней в два раза больше пакетов и еще подозрительные коробки. Я пала духом.

- Съемку можно забрать завтра в 12, - тараторила я, вертясь вокруг нее, пока та снимала шарф, - мы быстро заверщем на 6 полос,

почистим картинки и отправлять. Попадаем на бабки.

Водитель достал из коробки профессиональную камеру. Прибежал дизайнер сказать, что слетел почти готовый макет – в последний момент рекламщики засомневались, но обещали в другой номер ту же рекламу + заднюю обложку, если мы дадим 5% дисконт. Вбегая в кабинет, дизайнер споткнулся о треног, обмотанный пленкой с воздушными пузырями. Треног стукнул ножкой о ножку. Я вспомнила Пушкина. Издатель достала и расправила золотой отражатель, встряхнув его как зонт после дождя, полюбовалась и полезла монтировать стол.

- Что ты хочешь этим сказать? – я была почти в панике.

- Лопухова! Ты знаешь, сколько я отдала за камеру и все оборудование, знаешь? – и она радостно назвала сумму нашего месячного бюджета, включая оплату электричества.

Я села на стол. Повторить фокус с не морганием почему-то не удавалось. Монтаж фотостудии у меня в кабинете задел меня за живое. Водитель устроился в моем кресле и читал инструкцию к софт-боксу.

Всю ночь мы снимали. Дизайнер сгонял за фруктами — для красоты. Сейлзы нахлобучили шапки и молча ушли домой. Редактора по очереди повязывали на ананас галстуки, девочка по картинкам меняла апельсины, когда очень большой или недостаточно оранжевый портили композицию, секретарша была за 911 – она висела на телефоне и спрашивала своего папу, фотолюбителя, как снимать прозрачные банки с духами, чтобы не отвечивали. На снимке они выходили похожими на солнечных зайцев. Издатель ползала вокруг фонов на коленях и дергала затвор. Я держала настольную лампу (галогенную забыли купить). Через полчаса лампа приплавилась к корпусу.

- Творчество! – шептала издатель, прижав нос к камере, - вот о чем я мечтала всю жизнь!

Я мечтала, чтобы вместо видеоискателя у ее глаза оказался вдруг затвор нового пневматического ружья. Я за мир, мне просто интересно, как бы она смотрелась со свежим фингалом...

Когда был снят последний башмак, было утро. Наш офис размещался на втором этаже коммерческого банка и, если мы оставались после опечатывания дверей, то не могли уйти уже до открытия обслуживающих залов. Издатель запросилась домой.

Дизайнер с риском сигнализации вскрыл окно над козырьком, пролез в него и прыгнул на снег. Сначала он принял комп и сумки, потом мы спустили издателя. До сих пор удивляюсь, почему я просто не ушла из журнала, увидев неоплаченный счет за электроэнергию. На войне все выглядит как-то не так.

Верстальщик сел обрабатывать картинки. Мы тупо стояли за его спиной и смотрели в экран. Дизайнер лежал на диване и изредка всхлипывал. От табачного дыма в спертom воздухе у него началась аллергия. Он сказал, что всяко-разно не начнет делать материал, пока

не подвезут остальную часть съемки. Это будет не раньше обеда.

Мне вдруг пришло в голову, что смыться надо было еще тогда, когда Рената понеслась спасать тосты. Причем, лучше с ней.

После сдачи номера меня уговорили напиться. Я решила сделать это одна. Я сидела в открывшейся забегаловке у меня под домом в трико и шапочке и смертельно не хотела никого видеть. Даже официантов. Я заказала себе пачку сигарет.

Я заметила, что когда очень чего-нибудь хочешь, вдруг начинают одолевать совсем противоположные твоему желанию мысли. Я сидела и думала: а вдруг ко мне подойдет кашемировый перец из-за соседнего столика, и старалась сделать все, чтобы не подошел – отводила глаза, не смотрела в его сторону... А вдруг позвонит издатель или главред с Байкала? А что если на кафе вообще совершат налет, обрушится метеорит или еще какая холера. Мне хотелось покоя. Официанты все время меняли мне пепельницу.

Что есть нирвана? Это когда уже сбылись все желания, и нечем даже забить себе голову. Ко мне подошел человек в такой же шапочке, как у меня, только с рынка.

- Разрешите подсесть?

- Подсаживайтесь, - ответила я.

- У нас одинаковый верх, - сказал он.

- Мой фирменной.

- Это фигня. Вам никогда не приходило в голову, что все мы в один прекрасный момент накроемся одним тазом?

Боже, - взмолилась я, - почему ты посылаешь мне своих проповедников?

- Вы не из братьев Иеговы? – спросила я вслух.

- А почему бы сразу не марсианин? – обиделся он, - я могу показать паспорт.

Я закрыла глаза. Не надо, - подумала я, - не надо марсиан с паспортами.

Он порылся в кармане и достал зеленую книжечку.

- Сегодня день рождения моего сына.

- Чего ж вы не дома? – спросила я и тут же испугалась собственного вопроса. Сейчас он начнет рассказывать про то, что сын выгнал его на улицу в дикий мороз. Дядя был, как и я, в беговом костюме.

- Родина-мать! – сказал он.

- Чего? – не въехала я. Собственно, мне все равно.

Он оглянулся, будто боялся, что нас подслушают. Его глаза заблестели.

- Вы окажете мне небольшую услугу?

Я протянула руку к его паспорту.

- Показывайте, - велела я.

Он торопливо, но с сомнением, засуетился пальцами по страницам. Паспорт выгнулся и сложился веером. Я взяла его и открыла на фотографии. Дядя провел ладонью по лицу.

- Правда, он старый. Я его выкрал.

- Где? – опять не поняла я. С листика смотрело тот же лицо, только без шапочки. Под подбородком был симпатичный галстучный узел.

- Неприметный, да? – гордо спросил дядя, - вот такое лицо... Вы можете меня выслушать? Я заплачу!

- Платите психоаналитику. Я – журналист, - предупредила я и только тогда заметила, что паспорт зеленый, дипломатический. Слово «заплачу» заставляет иначе взглянуть на вещи, - так где вы его выкрали?

Дядя молчал. Видимо, собирался духом. Слово «журналист», похоже, тоже не из простых.

- Тем лучше, - наконец, решил он, - пусть узнают.

Он побледнел.

- Оо! – сказала я, - вы уверены?

- Моя семья во Франции.

Я кивнула.

- Сегодня день рождения сына. Как хотите, а я даже не могу отправить ему письмо.

Дальше дядя рассказал, что после окончания института он работал шпионом. Он жил в Женеве, на берегу. По легенде – он был профессором. Собственно, он им и был. Он женился на молоденькой студентке, чтобы все было как настоящее. Родил сына, практически стал французом, начал забывать расположение зданий на Красной Площади.

Мы оба грустно хмыкнули.

- Да, да, - продолжал он, - а потом сеть раскрыли. Мне устроили дорожную катастрофу и вывезли из страны. Я видел фотографии моих похорон.

Он замолчал.

- У вас нет детей? – спросил он немного погодя.

Я молча покачала головой. Чтобы лишние картинки из его судьбы не лезли самопроизвольно мне в голову, приходилось часто-часто моргать.

- И что теперь? – спросила я.

Он вздохнул.

- Уже 10 лет живу тут... По утрам кефир покупаю. У меня пенсия.

Мы одновременно крикнули официанта. Кричать не стоило, конечно, кафе было совсем маленьким и почти пустым. Но мы крикнули. Первый раз в жизни я подумала, а не рассказать ли ему свою историю.

- Вы же знали, что родина вам не мать. Зачем поперлись в

шпионы?

- Знал, разумеется, - сказал он.

Это был Чучельник наоборот — тот, кто заранее со всем согласился. Он даже не пытался придумать причину, по которой типа стоило получать зарплату за то, что он делал. Если представить себе шкалу Чучельников в виде круга, и мы начинаем свой условный жизненный путь в верхней точке, то тот, кто стремится к абсолютному несогласию, покатится вниз. Но и тот, кто согласен абсолютно со всем, тоже будет падать туда же, только с другой стороны. В конце концов, окажется, что нирвана у всех одна. Она же таз.

По моим наблюдениям, есть виды занятий, которые просто есть. Кажется, их большинство — шеф-повар, столяр, компьютерщик... много всего... Никто не слагает про них легенды (разве что в брошюрах для поступающих). Одновременно с ними существует деятельность, по поводу которой надо найти объяснение. Как, например, полицейский. Обычно, объясняя свое занятие, полицейский говорит, что спасает мир от засранцев (не путать с московской милицией! Ни разу не встречала на лице московского милиционера иллюзий). Или прапорщик — он думает, что кует защитников родины. Сексолог — помогает людям любить, психотерапевт — лечит душу, проститутка — кормит маму. Маркетолог — повышает объем продаж. Как-нибудь надо собраться и проверить, сколько процентов из них делает то, о чем говорит.

Мы заказали портвейн, который похуже — омыть сливовые носы в слезах ушедшего времени. Я подумала, что слива на носу — это особый знак. Все знают, как делать сливу? Объясняю. Указательный и безымянный пальцы, согнутые наподобие кусачек, надо держать наготове. Главный секрет искусства сливы — подкараулить момент. Как только собеседник начинает считать ворон, молниеносным движением надо прищемить его нос как можно сильнее. Признак того, что пора отпускать — возмущенный гнусавый вопль и отчаяние в глазах. До вопля может пройти всего доля секунды. Но этого достаточно, чтобы кончик носа стал фиолетовым, как спелая слива. Если твой нос таков, значит, ты дал себя подловить. Настоящая слива бывает только раз в жизни. Никогда не бывает сливы только у тех, кто никогда не дает себя обмануть. Дело в том, что «сливочник» (тот, кто собирается прищемить тебе нос), как правило, сначала дает понять суть. Потому что иначе ты не прочувствуешь, какому позору подвергся. Если же понять сути тебе не дали, предполагается, что ты уже видел, как сливу продельвают с другими. По любому каждый должен быть в курсе, к чему приводит запудривание мозгов: ой, смотри, птичка!.. Как бы там ни было, слива — это признак того, что мозги тебе все-таки продолжали, в какой-то момент ты согласился смотреть на птичку.

Быть шпионом — в этом есть что-то нелепое. Быть рассекреченным шпионом — мне кажется, это слива.

Где-то у апологетов я читала, что термин «промывка мозгов»

произошел от китайского выражения hse nao (буквально: мытье мозга). Особая процедура освобождения сознания от ненужных идей.

В войне с северной Кореей американцы активно использовали психологическое воздействие на противника. Американцы взрывали в воздухе упаковки с листовками, отчего листы рассыпались по территории, на танках стояли громкоговорители и в городах работали радиостанции. Для разъяснительной работы среди населения была сформирована целая рота. Американцы добивались лояльности. Они объясняли, что ведут борьбу против коммунистической агрессии. За добровольную сдачу в плен предлагали взрослые деньги.

Через два года от начала военных действий из американской армии дезертировали почти пятьдесят тысяч человек и продолжали сбегать пачками. Все потому, что Южные корейцы плюс СССР тоже вели психологическую обработку пиндосов. СССР распространял среди амеров листовки, похожие на любимые американцами газеты. В листовках говорилось о расовой дискриминации в американской армии, дискредитировалось американское правительство и высмеивались толстопузые империалисты. Солдатам вручали рождественские открытки с пожеланиями вернуться домой в новом году. Кажется, мы уже проделывали такое перед революцией. Моральный дух вражеской армии был промыт. В корейской войне пропало без вести 8000 американских солдат.

Китайские коммунисты подвергали взятых в плен в Корее американцев hse nao. Пленных заставляли долго-долго бежать и потом объясняли устройство мира. Из некоторых делали Маньчжурского Кандидата, однако.

После войны в Корее США пересмотрели свой взгляд на психологическую атаку. Говорят, что в знаменитом артефакте «Наставление FM-33-5», слова «политическая информация» были исправлены на «идеи»: «Психологическая война - это мероприятия, при помощи которых передаются идеи». Примерно так.

Я подумала о том, что и в этот космос мы полетели первыми.

Когда в лаборатории Павлова случился потоп, выжившие собаки вдруг забыли свои условные рефлексы. Павлов сказал, что у них промылись мозги. Еще я вспомнила, что в немецких концлагерях пленным лили на голову холодную воду. В Китае термин hse nao появился только в 50м, то есть, позже.

Бывший шпион и я оказались стойкими к алкоголю. Невзирая на то, что после портвейна мы перешли на польский абсент без сахара, все, на что нас проперло, это уговаривать друг друга спасти бедное человечество. Шпион он был или нет, мне было его жаль.

Первый номер эротического журнала, несмотря на самодельную съемку и прочие происки издателя, все равно получился хорошим. Мы

почти не давали рекламу, период после нового года известен спадом потребительских мотивов, но тираж, тем не менее, разобрали на 80%. Для никому не знакомого издания это сумасшедшая цифра. Да еще в военное время.

Перебегая от стоянки к подъезду, я часто представляла, что стою под громкоговорителем и слушаю новости с линии фронта. Странная какая-то война. Жизнь не замерла, а наоборот. Я не вижу, чтобы мужчин забирали в армию. Вспыхнувшая было истерия по поводу еды как-то схлынула. Прилавки, как прежде, стояли полными, никто не скупал консервы и спички, производители продолжали дарить 20% бесплатно. Только по телевизору объявили о раскрытии преступных махинаций какого-то комбината, который за Можайском взрывал собственную же колбасу.

- Обнаружено 80 захоронений продуктов, - сказала диктор и перешла к обзору театральной недели.

Вернулся с Байкала главный, загорелый. Отдыхающие проходили в тайге курс молодого бойца – входит в стоимость путевки.

К арт-директору приставили наставницу из крутого глянца. Издательская жизнь Москвы похожа на Нарцисса и озеро. Только влюбляется не он сам, а отражение. Каждый журнал покрупнее имел своего спутника помельче, иногда не одного, а нескольких. Основная причина понятна – разделение предметов народного потребления на эксклюзив и масс-маркет. Кто-то должен покупать дорогие товары, а кто-то дешевые. Соответственно, кто-то должен все это рекламировать. Но мерс, как средство от депрессии, с негрустином на одной полосе с-ть не сядет. Не поймут. Поэтому для мерса нужен свой журнал, а для негрустина такой же, но подешевле.

Наставница из глянца (дизайнер) должна была научить нашего арт-директора верстать. Наставница спускалась к нам из своей редакции и терпеливо учила. Через две недели безуспешных занятий нам прислали еще более крутого верстака, чтобы он просто сделал за нашего арта макет.

Журнал, по-моему, стал еще хуже. Раньше он походил на старую Крестьянку, с новым макетом стал походить на новую ПТУшницу.

Но я не разбираюсь в дизайне.

Пришло какое-то поветрие экспериментировать с форматом книг и журналов. Типографии терпели убытки, потому что под давлением моды срочно переходили от условного А4 на размер «мини-пocket» и загадочный F33. Пока о нем только ходили слухи. Издательский мир спорил, похож ли F33 больше на французский батон или кирпич. Кто-то говорил, что это детская книжка «мишка» с прорезиненной обложкой, чтобы было удобно читать журналы под душем. Спорили, кто первым таким выйдет.

Эротический издатель тоже решила сменить лицо журнала. Она подбивала меня уволить дизайнера, доказывала, что он делает

«кошмар» и «стыдобищу».

- Все над нами смеются.

- Кто? – спрашивала я.

Издатель тушевалась. Через полчаса вскрикивала:

- Петра Новик!

(Ник популярной дизайнерши времен отдыха олл инклюдид в Турции).

- А! Так она сейчас без работы, - говорила я и утыкалась в статьи.

Петра таки нас достала.

Когда до 14го февраля оставалось меньше, чем три недели, она позвонила и пригласила меня в ресторан.

- Тут, не далеко, выходи из редакции и сразу направо, за магазином лифчиков увидишь. Мы тут сидим.

Я надела пальто и вышла. На улице пробрасывал снег. Он делал городские сумерки тихими и сухими.

За столиком меня ждали издатель и Петра. Они смотрели так, словно я должна была принести какие-то нервные новости.

Странно, что надо было не дойти до редакции два шага и встретиться именно здесь.

- Лопухова, ты как всегда, с новой прической, - издатель начала нервничать первой, - где волосы-то, Лопухова, а? Что делать-то будем?

- Ты имеешь в виду дизайн? Я с этой головой уже год.

- Да какой дизайн, ты очнись, - издатель засмеялась и толкнула в бок Петру, - дизайн. Вот так и знала, что с тебя никакой помощи. Ты скажи, название будем менять?

Я не въехала.

- Эотику запретили?

В разговор вклинулась Петра:

- Напрочь! – рубанув дизайнерской легкой рукой, она свалила под стол укус и масло.

Я на всякий случай поставила ноги на планку стула, чтобы не испортить ботинки, а издатель стала путано объяснять, что ее парень, наш второй издатель – дерьмо. Эотику не запретили, но делиться она с ним не хочет. Его надо грамотно выжать. Она уже пыталась, но он полтинничек просит прислать – за моральный ущерб. Выход один – поменять название, типа такого журнала не было, а тот, что есть – совсем новый. А парень, который придумал эотику в войну, вообще не при чем.

- Да что он сделал не так? – воскликнула я, - зачем его выжимать?

- Да он вообще, посмотри на него, с ним же уже никто не хочет работать! Я прям даже не хотела идти в редакцию, я, как увижу его, трясет! Все, как только слышат его фамилию...

- Кто? – по привычке спросила я.

Издатель посмотрела в окно.

- Да все.

Я прикинула ситуацию.

- Что ты от меня хочешь? – спросила я.

- Ты со мной или с ним?

Я кинула взгляд на Петру. Она смотрела в окно. Мой бойфренд говорил, что никогда не делает рассеянный вид, когда хочет скрыть, что ему интересно. Кажется, она тоже ждала моего ответа.

- Я с редакцией, - сказала я, поднялась и на всякий спросила, - чья идея?

- Журнала? Моя! – усмехнулась издатель, - ты мне звякни, если он там. Все его ненавидят.

Насчет идеи журнала она врала. Это была не ее идея.

Насколько я в курсе, даже милиция воротит нос от семейных разборок. Но когда человек говорит «все ненавидят», для меня это жуткий признак. Ненавидеть все могут фашиста в деревне. После того, как ее сожгут. И то найдется всепрощающая душа. Значит, «все» по любому брехня.

- Чья идея? – спросила я, как только увидела ее парня. Он понуро сидел на диване и пытался подключиться к Интернету через мобильный.

- Ну как ты думаешь? – не то спросил, не то слегка пожаловался он.

- Твоя.

Я перезвонила издателю и сказала, чтобы не приходила. Типа здесь он, и все страшно.

- Ой, Лопухова, ты там давай держись, если что, мы поможем! – она засмеялась, типа поставила смайл после неприличной просьбы.

Мы проговорили с ее парнем какое-то время. Я напомнила про съемку в редакции и еще разную мелочь и спросила, хочет ли он, чтобы его идея загнула. Он ответил, что ему все равно. Просто обидно.

- Пусть она не думает, что я буду как-то там вставлять палки или тащить сюда ребят. У меня таких идей, как эта... Ну, еще будут.

На середине разговора в кабинет ворвалась издатель. За ней следом неслись ее муж, пара водил и еще какие-то буйволы.

Я сразу подумала, что нам копец, и никаких идей больше никогда не родится. Но ничего, больше криков не было. Хватание за грудки не считается, в особо нервной ситуации это даже особая этика.

Парень отчалил с нашего горизонта, и названия журнала нам менять не пришлось.

- Ты смотри, какой падал, соточку он хотел! – от радости победы издатель слегка заговаривалась, - ты только людям ничего не говори, пусть не волнуются. Да, кстати, ты выбрала себе туфли из тех шмоток, что мы снимали? По-моему, там не было твоего размера...

Я вышла из кабинета, редакция сидела, как будто на ее глазах произошел взрыв Хиросимы. И очередь за Нагасаки.

Трудно быть подчиненным. А туфли на каблуках в военное время я не ношу, даже халявные.

Хорошо, подумала я, что в другой редакции я могу почувствовать себя еще подчиненней.

- Слышала? – спросила с утра фоторедактор. Она уже привыкла, что я нормальный человек, и со мной теперь можно поговорить о новостях, - шпион повесился.

Я плеснула немного кофе себе на джинсы. Она протянула салфетку.

- Как повесился? Какой шпион?

- Да хэ их сейчас разберешь. Вроде, бывший. Дня три назад пришел домой и, кажется, по пьяни. Вчера нашли. За бывшими же следят...

- Фотка есть? – спросила я.

- Издеваешься? Какая фотка?

Меня это не успокоило.

- Я домой, - заявила я и покидала все, что попало под руку в сумку.

- За фиг?

- Свидание. Личная жизнь.

- А мой сосед по даче свою собаку убил, - как бы нехотя сказала она мне вслед.

Я зацепила с вешалки курточку и вынеслась из редакции. По дороге на светофоре я сообразила, что телефона Ренаты у меня нет.

Домой я доехала в глубоком стопоре. По дороге Рената представлялась мне то последней надеждой, то первым врагом одуревшего человечества, то персональным глюком давно не спавшего журналиста. Но самое ужасное — что-то заставляло меня бояться. За нее, за себя или за всю планету — не знаю. Какая-то часть моих замутненных мозгов, наверное, начала проясняться.

Три дня назад я могла бы помочь человеку, с которым пьянствовала в кафе, но он показался мне повернутым брехуном. По идее все, что он говорил, было бред, и я даже не знала, был ли он тем самым шпионом, который повесился. Я не знала ничего, но, если бы я поверила ему хоть на момент...

Сруливая с кольца, я боялась опоздать — правда, куда именно, я пока еще не представляла. Возможно, мое сознание, правда, замутнено. Я никогда не очищала его накопленным опытом мудростей, оно не прозрачно, и теперь я не в состоянии отличить правду от глюка и хорошее от плохого, как дальтоник светофорный сигнал. Вокруг меня происходят вещи, которых не должно быть в реальности, но при

попытке определиться в ряду и выстроить значимости, в моей голове случается сбой. Три дня назад я могла помочь человеку. 6 лет назад я могла бы отправить письмо. Год за годом я могла бы публиковать интервью. Но все, что я делала — верила, что человечеству нужен полный и беспробудный глянец.

Итого, год за годом я жила с ощущением того, что прав кто-то еще, но не я.

Общее сознание, как давно говорил мне художник, — чистое, и потому там все понятно и просто. Нужно только немного равняться. Каждый может проверить и скоррелировать твою адекватность, подсказать, куда двигать, и, если попросишь, подтвердить: да, шпион повесился. Почему? Хм. Наверное, предал родину. Да, какой-то производитель колбасы валял дурака и закапывал свою продукцию за Можайском. Должно быть, он хотел уйти от налогов. Да, издатель вывела на чистую воду подонка, который просил соточку за свою же идею. Но это случилось просто потому, что его все ненавидят.

Все, что я могла сказать себе о текущем моменте: этого не должно быть в реальности. И, наверное, мне захотелось хоть что-то исправить...

- Ну где ты носишься, - обиженно воскликнула Рената, едва я распахнула дверь. Она стояла в пеньюаре поверх майки и джинсов и держала в руках хлебницу с тостами.

- Твоя любимая еда? — буркнула я. Рената растерянно отступила. Я убрала ее с дороги и ломанулась к нашему телевизору.

Мысленно оглянувшись назад, я увидела, что Рената изо всех сил хлопает недоуменно ресницами, за моей спиной. Мне даже показалось, что она слегка не похожа на себя, будто стала еще красивее. Но это особенности освещения при взгляде со стороны да еще на секунду в прошлое ...

Я включила канал новостей.

- Столичные мародеры выламывают пластиковые окна, - энергично вещала диктор, - сотрудники органов безопасности предполагают, что нападения на частные квартиры связаны с недавней разборкой между конкурирующими фирмами «Московские Рамы» и «Волька»...

- Ты видишь, - не отрываясь от экрана, спросила я, - глянец закончился.

- Популярная английская молодежная группа разгромила студию в Лондоне, - продолжал телевизор, - в числе жертв: продюсер группы Алан Фаркер, звукорежиссеры и фанат, который зашел попросить автограф. Лидер группы, получив многочисленные ранения, госпитализирован. По словам очевидцев, при виде фаната, входящего в студию, музыкант пытался раздавить себе горло снятым с ноги кованым сапогом...

Я повернулась к Ренате.

- Ты можешь себе это представить?
- Могу, - она хрустнула тостом и сделала несколько быстрых шагов по комнате, - я к тебе когда, бля, пришла?
- Да иди ты!
Мы едва не подрались.
- Ну, довольно, - крепко держа меня за запястья, сказала она, - давай за работу.

Она заправила белые пряди за уши и стащила с себя дурацкий пеньюар. Потом она присела и извлекла из-под кресла тот самый компьютер – дизайн для брюнеток, который я не так давно хотела себе заказать. От восторга я ойкнула. Рената откинула крышечку и провела по кнопкам. Комп мгновенно вспыхнул экраном и издал преданно-сдержанный звук. Я подтащила его к себе. На ощупь он был вроде мраморной столешницы в лобби дорогого отеля. Между клавишей и крышкой в панели было круглое углубление, очевидно, для чашки кофе.

- Составляй план, - велела Рената.

Виндоуз на брюнетке не стоял, зато посреди экрана анимировано вращалась вокруг своей оси жирная красная кнопка. На боку кнопки было написано «Жми». Я нажала. Экран рассыпался звездами, потом звезды собрались в небольшие галактики. Между ними возникло пустое черное место. Оно inferнально подрагивало очертаниями, напоминая не то злобещий треугольник, не то жерло унитаза. Я сообразила, что это выход или спящий режим.

Вордом на брюнетке работала какая-то очень похожая программа с благородным интерфейсом и желтоватыми страницами под Moleskine. Вместо опции «Открыть файл» в программе была функция «Ляпнуть слово». Вместо «Сохранить как» - «Обос-ться, какой шедевр». Я быстро разобралась.

Я «ляпнула», потом тут же обос-лась и быстро напечатала список вопросов. Я подумала, что перед составлением какого угодно плана целесообразно хотя бы сформулировать, что тебя гнетет. Я озаглавила вопросы «К представителю дружественной планеты. Re: Homo Pease». Первым риторическим пунктом в списке шло «Что происходит». Последним – «Что делать?».

- А я знаю? – покачала головой Рената, прочитав. Она смутилась.

- Чего ты не знаешь?

- Да всего. Сначала у меня был план, но когда подгорели тосты...

Я нахмурилась.

- И что? Где ты, кстати, была? Ты обещала мне не смываться без предупреждения! – я не без раздражения вспомнила, как она умотала. За минуту до ее исчезновения мы говорили про психов и планету Ка-Пэкс, потом она убежала за тостами и пропала с кухни.

- Медиа-планера увольняла, - Рената шмыгнула, - халявщик недоскриненный. Он оказался беглым!.. Но я же не могла нанять

легального иммигранта!

Она в чем-то оправдывалась.

- Зачем тебе вообще нужен был медиа-планнер? – спросила я. Я представила нелегального гастарбайтера со знанием PR, GR и медиа планирования — и все это на фоне общей космополитической канители. Рената мотнула челкой.

- А кто, по-твоему, разрабатывал эту придурочную стратегию? По-твоему я должна с рождения понимать обычаи каждой вселенной? Знаешь, каждого в учебке учат своей специальности...

У меня закружилась голова.

- Рената! Ты кто? Нет, ну на самом деле...

Брюнетка ушла в заставку. Рената отбросила волосы и кивнула.

- Посмотри на меня, - пригласила она, - кто я?

Я на секунду задумалась и вспомнила свое первое впечатление.

- Девушка с рекламы.

Рената вдруг завизжала от счастья и бросилась меня обнимать.

- Правда, ты правда так думаешь? – в ее голосе были все оттенки модели, которой надели на голову диадему мисс Мира. Все-таки, медиа-планнер хорошо поработал.

Отстав от меня, Рената посерьезнела.

- Ты угадала, - сказала она, хмурясь, - в этом-то вся проблема.

- Господи! Какая проблема? У нас тут полстолицы таких! Ничего! – кажется я говорила не то, что думала, как обычно и бывает, когда надо кого-то утешить.

- Давай попьем кофе, - попросила она, - и я тебе все расскажу.

Мы так и сделали. Пока целлюлитный напиток булькал в кофеварке, Рената подготовила дидактический материал. В программе, очень похожей на Фотошоп, только с небольшим аккуратным мужским половым органом вместо кисти, Рената нарисовала что-то напоминающее молекулу. Такая молекула стоит на одном из верхних этажей МГУ. Когда линия получалась недостаточно изящной и округлой, орган сникал.

- Что это? – спросила я.

- Это – я, - любясь, сказала Рената.

Приехали. Я отобрала у нее мышку и нарисовала сбоку молекулы разъяренного бегемота в очках. Вышло похоже на бухгалтера Аль Капоне в фильме Неприкасаемые.

- А это – я.

Рената наградила меня невеселым взглядом.

- Думаешь, почему я никогда не моюсь? – спросила она.

- А ты не моешься? Eeeee..

Она стукнула меня по лбу, слегка, и скорбно сказала:

- Я нарисованная.

- Да, я вижу, - я поводила членом по бегемоту. Ластик в программе изображала задница. Я стерла бегемотику половину очков.

Он, как бы ослеп. И тут до меня дошло, что по крайней мере, половине слов Ренаты до сих пор приходилось верить.

- Как нарисованная? – осторожно спросила я, бросив мышь.

- Красками. А каркас из пластилина Джой. Он отличный, яркий и не липнет к рукам.

Я невольно осмотрела ее грудь.

- А мне это самое, подлепить чуть-чуть можно?.. – меня заворожила эта идея. Наверное, я постепенно начала поддаваться массовой истерии разрушать то, что до сих пор приносило пользу и удовольствие. Рената вдруг пихнула мне в ладонь телефон. Он уже набирал номер. По ходу, мы собирались потревожить кого-то из моей телефонной книжки. Я приложила трубку к уху. Пошли гудки.

- Спроси... - Рената запнулась, - скажи: «что ты рисовал в выходные»?

В трубке послышался голос.

- Давай! – шепнула она. Мне оставалось послушаться.

- Эээ... Привет! – мажорно крикнула я неизвестно кому и растянута рот в улыбке.

- Эээй! А я хотел тебе набирать!.. – ответили мне, - ну что, может привезешь гонорар?

Я опешила. Рената подбадривала меня обеими руками. Я плюнула на приличия и честно спросила:

- Ты кто?

На другом конце трубки не удивились. Неизвестный шмыгнул и просто ответил:

- Я – Руслания, художник. Как там наши мемуары про советскую армию, пригодились?

Я схватилась за голову. Мои мысли закрутились, как осенние листья. Я вспомнила, что моя издательша, действительно, должна художнику гонорар. Я даже вспомнила точную сумму и вид подписанной ведомости. Месяц назад художник рисовал для нас большой и красочный эротический комикс.

- И что дальше? – шепотом спросила я Ренату, зажав микрофон.

- Ты спроси, спроси! – она гнала меня назад в разговор.

- Ээээ, - опять сказала я, обращаясь к художнику, - вот, звоню спросить, когда ты можешь подъехать. И... говорят, в выходные у тебя был крупный заказ.

Художник снова не удивился. Это в его манере. Мало ли, кто мог мне сказать. Если ему захочется знать, он спросит.

- Ага. А откуда ты знаешь?

- Да у меня заказчица тут сидит. Хвалит.

- Заказчица? А у меня был мужик.

- Ты не путаешь? – спросила я не то его, не то Ренату.

- Неа, - сказал он. Рената тоже покачала головой, - мне написал дядька прямо на сайт, сказал, что переведет веб-мани, но потом

передумал и положил бабки в почтовый ящик. И квитанцию. Странный какой-то счет. Но работа мне даже понравилась. Я даже, знаешь, взял новый рубеж в творчестве.

Мне мучительно захотелось попросить его сохранить этот счет и показать мне в ближайшие дни, завтра, или даже лучше прямо сегодня. Но рядом сидела Рената. Мне не светило показать, что я все еще не доверяю ей несмотря ни на что.

- Окей, - сказала я, - давай как-нибудь встретимся... В смысле, подъезжай, заberi гонорар. А кого рисовал-то?

- Девушку. Для рекламы. Ну, короче, я не рисовал, а подрисовывал, - он засмеялся, - реставрировал малость. Ну, знаешь... Мужик прислал мне как бы три-ди макет, ну, это выглядит как лекала, видела может, для компьютерных игр такие рисуют?

Я закивала.

- Отдельные части картинки. Как выкройка утепленного ботинка, только еще хуже. Все отдельно, ничего непонятно. Но если собрать вместе правильно, должна получиться картинка. И вот, под этот заказ я должен был сообразить, что имелось в виду, в полный рост. Кажется, я ее даже улучшил. Знаешь, так прикольно, как собирать пазл. Я потом накладывал эти разные фрагменты на целое. Все воскресенье. У меня осталась фотка, я тебе покажу. Или, хочешь, вышлю? Напомни адрес.

- Вышли, - закричала я и тут же спокойно добавила, - вышли, пожалуйста, - я шепнула Ренате заговорщицки, - пригодится! Мой адрес: лопухова собака ёрс точка нет.

До меня вдруг дошел смысл послесобачей части моего е-мейла — «земли нет».

- Выкладывай, - приказала я Ренате, когда попрощалась с художником. Один из нас троих, похоже, свою миссию выполнил. На данном этапе. Кто его знает, как у них там, на Ка-Пэксе, с вербовкой... - что случилось, когда ты ушла, когда ты пропала с тостами?

- Я рассыпалась, - отвечала Рената и густо покраснела. Я еще никогда не видела, чтобы ее кожа меняла цвет. Мне почему-то вдруг стало жаль художника, потому что, получается, его обманули. Нехорошо, что творец не в курсе, где используется его талант. Разве он не достоин знать, что его творение живет и может краснеть? Я вздохнула. Он всегда мечтал нарисовать сказочный мультик. Рената, действительно, стала еще красивее. Теперь я в этом не сомневалась. В ней появилось нечто такое, что в женщинах любят не только женщины, но и мужчины.

- Как так?

- Ну, понимаешь, - Рената замялась, - переход сюда оттуда, где я живу, само по себе сложное дело. У статичной единичной системы — то есть, того, чем я являюсь на самом деле, без тела, — короче, у этой холеры довольно сложно внутренняя структура, - Рената кивнула на картинку молекулы на компе, - у нее есть личность, - Рената ткнула

повисшим курсором в ядро, - эмоции, мысли, - она водила крохотным членом по картинке, словно указкой, - а вот здесь собран опыт.

Я решила удивляться потом.

- Как в резюме? – спросила я и подумала, каково это должно быть, называть себя статичной единичной системой. Возможно, в оригинале они используют аббревиатуры или родной язык Ренаты гораздо компактней нашего.

- Что-то вроде того.

Опыт молекулы на компе был изображен темным пятном. Рената продолжала.

- Опыт статики — это огромная тяжесть, просто нереальная, то есть реальная... По любому, он отягощает перемещение вокруг нее пространства и времени.

- Не въехал! То есть, ты – статика, и ты остаешься на месте, а это мы вокруг тебя вертимся?

Рената взглянула на меня немного удивленно.

- А как еще?

- Ну не знаю, вот я, например, хожу. Если я захочу, скажем, обойти вокруг дома, вечером, я сверюсь с расположением звезд на небе... то есть, я увижу, что темно и раз-два, вызову лифт...

Я запуталась.

- Вот, видишь. У вас точно так же. Ты стоишь, а лифт едет... - она лукаво улыбнулась, - но не суть. Чтобы разговаривать здесь с тобой, я должна сначала выкинуть в пространство свою... притягивающую присоску. Давай называть это... рукой, нет, ногой, - она провела указкой по самой длинной перемычке молекулы, - потом я закрепляю эту территорию, которую захватила ногой, в непосредственной близости от себя, ну как бумажку на клей. Вот этого устройства здесь не нарисовано. Я сама плохо представляю, как оно выглядит.

- А пользуешься.

- Пользуюсь. Все это делается... как бы тебе сказать?

- Усилим воли?

- Нет, мысли. Иногда эмоции тоже в ходу.

Я припомнила, как добиваются своего. Кажется, еще до процесса надо чего-то там захотеть.

- Скажи, - торопливо спросила я, словно боясь, что забуду, - а вот у тебя никогда не бывает, что ты хочешь-хочешь, но тебе тут же кажется, что все бесполезно? Ну, ты, там, идешь на встречу с хэдхантером, и тебе лезет в голову, что ты зря надела пальто с распродажи и бабушкин шарфик, что тебя пошлют вместе с ними, и еще занесут в черный список. Или бежишь в кино и думаешь, что билеты все равно кончились, или какой-нибудь гад обязательно купит последний у тебя перед носом?

- Конечно, - подтвердила Рената, - вот это и есть опыт.

- Опыт? Это опыт? Ты хочешь сказать, что опыт мешает нам

получить то, что хочется? А как же большое красивое резюме... неее! – захихикала я.

- Да, - сказала она, - моя мысль – это мое движение вперед. Когда мысль поворачивает назад, то вместо нужной территории я могу схватить и притянуть что-то другое. Особенно, если знаю, что шит хэппенз. Иногда результат бывает печальный, - она вздохнула.

- Так у тебя и произошло?

Ее кивок вышел совсем ребячьим.

- Обычно мы очищаем опыт, примерно раз в месяц, иногда реже. Но я нацепила себе на хвоста нелегала. Я наняла его на работу. Это нарушение, я стреманулась с этим пройти очистку. Ну вот...

- Погоди. То есть, опыт – это, скорей, твоя совесть? – с неохотой предположила я. Вид у нее был виноватый.

- Скорее, балласт. Ваша планета, например, сильно опытная. Никакой санобработки!

- Погоди-ка, - я снова засомневалась и решила разобраться с совестью потом (хотя все это было странно), меня взволновала другая вещь. Я ткнула пальцем в темное пятно на картинке молекулы, - ты хочешь сказать, что у нас тоже, эээ... опыт, который тормоз и... мы одинаковые? Похожи на вас?

Рената кокетливо заерзала на стуле и спросила:

- А ты можешь нарисовать себе грудь? И бедер побольше?

Мне стало обидно за державу. Было бы куда удобней, если бы мы тоже могли рисоваться.

- Почему же ты не заказала себе фигуру там, у себя? Почему ты предпочла пихать нашему автору деньги в ящик. Он, между прочим, в мой журнал тоже рисует. Только не говори мне, что ваши мужчины любят... инфузорий!.. Страшных таких, - я с отвращением указала в компьютер.

- Да, не говори, одноклеточные приятней, - со знанием темы сказала Рената и мечтательно намотала на палец локон, - сама я людей рисовать не умею. А заказывать у нас было бы подозрительно.

Я хмыкнула, но тут мне пришла в голову еще пара вопросов.

- А! А как вы там, люди, размножаетесь? – мое любопытство было точно по Фрейду. Перед лицом спасения планеты современную девушку не волнуют такие вопросы.

- А чего нам размножаться, если мы все и без этого есть? – недоуменно спросила Рената. Очевидно, на ее планете не было белых пятен в вопросах устройства мира.

- Ну тогда – как вы хотя бы любите? – я умоляюще заглянула в ее глаза.

- Это другой вопрос. Любим мы нежно, - Рената больше ничего не сказала. Я подумала, что у них эта тема тоже табу. Или нежность не нуждается в рекламе. Или, елки-палки, что может быть сексуального в присосках? Или эмоциях? Или мыслях?.. Странное общество.

- Ладно, поехали дальше. Вот, ты присосала себе наше пространство. Вот... Слушай, а кто тебе старое тело делал? – я вдруг опять сбилась. Так мы никогда не дойдем до самого главного и навсегда останемся в прошлом, - ну еще до того, как случилась осечка с тостерами.

- А, - она махнула рукой, - то я стырила. В рекламном агентстве. Ну, плакат же ты видела — вот. Самое жуткое оказалось в том, что в старом теле не оказалось спины. Иллюзию красиво уложенной макушки я себе кое-как создавала (хотя, если ты заметила, у меня там волосы были не блестящие), на остальное у меня не хватало мозгов. А потом рекламные воротилы что-то не поделили в своем шоу-бизнесе, ну, ты слушаешь новости, знаешь, что сейчас творится. И от меня остались одни лекала. Рожки и ножки. Пришлось по новой заказываться — твоему художнику.

- Даааа, - я покачала головой, словно она сказала, что в салоне ей сделали некачественный акрил, - а как ты считаешь, это из-за войны? Моральный дух падает?

- Поединок в стиле китайцев. В той зоне гороскопа...

Я нахмурилась, поэтому она решила объяснить.

- Ваши расы — желтые, белые... — попадали на Землю не одновременно. Мы тоже различаемся по неким признакам. Ваши желтокожие — из дома Венеры. Это мощные мастера иллюзий.

- А Россия? – спросила я.

- Не то не се. Здесь как-то вообще все двусмысленно. С одной стороны Венера, и на нее еще ее давят Рыбы в квадрате с Плутоном. То есть весь ваш мистический асцендент запутался в должниках, кредиторах и конкуренции. С другой стороны, здесь мало Козерога, а он отвечает за стратегию менеджмента. Здесь ни фика нет Луны (Луна формирует корпоративную культуру). Но, в общем, все неплохо, неплохо...

Она вдруг стала похожа на Жириновского. Удивительной гороскопо-политической каши про нашу реальность намешал в ее мозги медиа-планнер. Про Америку я спрашивать не стала. Боялась услышать про Ближнецов.

- Ну, так ты начала про китайцев.

- Ах ну да. Ну так вот. Сейчас наступило время борьбы иллюзий.

- У нас вроде уже было такое - холодная война, Брежнев-Рейган.

- Тогда все было примитивней. Не доставало настоящих технологий, все строилось на материализме... Кажется, так. А сейчас к вашим иллюзиям присоединились еще планеты, того же уровня развития. Истерия наберет обороты и... С нашей стороны, это, конечно, каждый раз выглядит иначе, не так, как для вас.

- Как именно?

Она нахмурилась.

- Ну, нам тоже все объясняют народу и раскладывают по полкам.

Это то, это се. И только когда ты абстрагируешься и замутишь ядро собственными мыслями...

- Рената, - я остановила ее и сама сделала паузу. Я приложила ладонь ко лбу и, наконец, спросила, - ты тоже с мутной головой, как и я?

- Ага.

- А остальные? – у меня закрались такие большие сомнения, что на секунду стало страшно дышать.

Она пожала плечами.

- Они - с чистым.

Я хлопнула себя по колену. Ужасная истина пронзила меня как строка из хита в десятке. Мне стало холодно и одновременно жарко.

- Так какого ж фиги! – прошептала я, - ты мне парила все это время мозги! Венера китайская! Я ведь тебе уже верю, я думала, за тобой серьезные силы...

- Войска союзников? Ты хочешь, чтобы я тебе показала лицензию на спасение Земли? У меня ее нет, - она заткнулась так же резко, как начала.

- Ты что, сама все это затеяла? – угрожающе спросила я.

Рената почти кивнула. Я взвилась.

- Это хрень собачья! Девушка! Это баян! Прикатила оккупировать третий мир на такси? Че Гевара! Генерал экстремист! – я кричала, - откуда я знаю? Может, у тебя ПМС! Двоечница! Неудачная звезда сериала! Глобалистка!

Рената прикрыла глаза, потом открыла, но перестала моргать. Я закашлялась. В ее взгляде мимолетно сквозануло опять что-то идиотическое.

- У тебя вообще спины нет! – закончила я и без сил опустилась рядом с кулером.

Следующее, что я увидела вслед за тем, как попрощалась с надеждой, была Рената. Она стояла надо мной со стаканом воды.

- Может, аспирин растворить? Разжижает кровь... Кисленько.

- Инфузория-туфля. Всё. Иди на фиг.

Я с трудом поднялась и нашарила на столе телефон. Я хотела позвонить на работу и сказать, что выезжаю. И катится все густым лесом. И не буду даже звонить. Мне стало грустно. Мы не идем в зоопарк. Я поняла, что испытывал Ленин от мысли, что будет поздно. Начатая революция обязана идти твоим чередом. Иначе это чревато чувством глубокого стыда и личной несостоятельности.

Еще немного, и я засмеюсь. Весь этот космический бред слишком долго для бреда удерживался в моей голове. Она и без того мутная. Иногда бывают промашки. Иногда ты тайком от всех покупаешь антицеллюлитные джинсы и свято веришь, что это работает, и кожа на твоих бедрах с каждой минутой все больше натягивается. Тпффу.

Когда я оделась, из кухни раздался какой-то набрякший шум. Я

оглянулась. Будто включили старый булькающий проигрыватель. Возможно, это моя Рената телепартируется вместе со всеми своими ложно-лапами. Невольно меня вдруг заполнила гордость. Можно считать, что я потурила Чужих. И подались они до городу до Парижу. Я решила взять отпуск.

- Как бы потом не пришлось кричать «Рено, я ваша навеки!». Я тоже люблю этот мультик! – крикнула из кухни Рената.

Я вспомнила, что этим автомобильным именем «Рено» ее типа зовут в семье. Однажды в раннем возрасте я прочитала фантастику в стихах — поэму про летающего мальчика, правда, на обложке не было написано, что эта поэма — фантастика. Вернув книжку в библиотеку, я долго ходила в смущении. Сказки мне были понятны. В них все происходит на фоне другого времени, герои носят кафтаны, и, от этого само собой допускается, что драконы могут говорить, а на спине пони растет два горба. О мальчике, который тайком вылетал в окно пятиэтажки с центральным отоплением, я долго не могла решить — надули меня, или современники, действительно, могут летать, но по большому благу, а поэма — просто скандальное разоблачение империалистов, и с атакой Рейгана на нашу Родину все изменится. Весь мир.

Из кухни зазвучал знакомый мотив. Как крыса на дудочку я подошла к двери. Рената развернула ко мне компьютер. На экране что-то мелькало, будто камера въехала в дождь. Голос с помехами мурлыкал без слов. Приглядевшись, я увидела, что какой-то парень покупает что-то, похожее на презервативы, и бутылку воды. У меня екнуло сердце.

Над головой у парня, в облаке, какие рисуют в комиксах, колебались очертания собора Василия Блаженного. Вот он рухнул, вот снова восстал, и так много раз.

Я села. Парень из клипа был моим бойфрендом. И он пел его голосом, его песню. Только видно и слышно было очень нечетко. Как будто куски изображения размазали, как в передаче «Криминальная хроника».

- Что это? – у меня даже не хватало сил ненавидеть ее за эксплуатацию образов.

- Очевидное-невероятное.

- Дерьмо! – прорывала я, но, кажется, уже купилась, как солдат в корейском плену, - он жив?

- Все мы живы.

~~Ночью меня мучили кошмары. Я совсем не спала.~~

Я легла в ванну и лежала там, и ждала, пока вода дойдет до ушей, и я утону.

Я не могла ответить на сотню вопросов, а многие из них порождали ответвления, целые алгоритмы в виде лесенок со ступенями

«if-да», «if по»...

Так же, как на уроке информатики в моей бандитской школе, алгоритмы невозможно было решить. Слишком шумно. Посторонние звуки, саунды моей прошлой жизни вились вокруг, как стая мух. Я почти успела их позабыть. То есть, я никогда не вспоминала с такой отчетливостью. Я подумала, что, наверное, их всколыхнула эта песня на моем новом компьютере – дизайн для брюнеток. Мой первый вопрос в связи с этим: как эта песня там очутилась?

Когда и зачем записали файл? Кто ее пел? Если мой бойфренд, то как он оказался при своем прежнем теле, разнесенном на молекулы взрывом Бена? Как он попал туда, где мог петь, как живой, и покупать презервативы? Была ли эта неизвестная планета страной 3D мертвых, куда мне теперь надо переться, как Орфею за Эвридикой? Или это вообще всё сказки о летающем мальчике. Или мой возлюбленный вовсе не там, а где-то еще, и все это просто плохой монтаж.

Больше всего на свете мне хотелось поверить в то, что он жив. И я себя за это даже не осуждала. Я раскиселилась, как соль в моей ванне. Подозреваю, что Рената сильно рассчитывала на эту запись. Утром она постучала в дверь.

- Кто там? – спросила я и почувствовала, что вода, в которой я лежу, сильно остыла. Кажется, даже соль кристаллизовалась обратно и теперь колола спину и зад. Тем не менее как-то улучшить свое положение мне не хотелось. Я нехотя выбралась и медленно замоталась в полотенце.

От холода меня колошматило. Рената сунула мне в руки чашку горячего кофе.

- Не переживай так, пожалуйста, - попросила она, - я понимаю, что тебя это все касается лично, и я перегнула палку в колесах (иногда она путала наши крылатые выражения). Лучше бы это было сюрпризом после удачного завершения операции.

- Так я увижу его?

Она грустно на меня посмотрела.

- Ничего гарантировать я не могу.

Виндоуз тоже не гарантирует. Но все время предлагает обновляться. Я вдруг вспомнила, что среди странных программ, установленных на моей брюнетке, была одна, которая называлась Пинк Некс – розовые шеи.

Я спросила о ней Ренату.

- Архиватор, - махнула рукой она.

Я типа удовлетворенно кивнула и села перед большим окном в позу лотоса.

- Ты чего? – когда Ренату пробивало на любопытство, она начинала пыхтеть. Видимо, она еще не умела достаточно легко для хороших манер управлять своим нарисованным телом.

- Не мешай мне, - я сложила как следует пальцы на коленях (надеюсь, я сложила пальцы правильно, но она все равно не знает). Набрав полные легкие воздуха, я приготовилась незаметно его выпускать, чтобы казалось, будто мое дыхание замерло. Рената отползла от меня на корточках. Я закрыла глаза, но чувствовала ее перемещения. Она села в угол и наблюдала, что будет. Я расслабила все мышцы, какие могла, кроме мозговых — которых не видно.

Розовые шеи — так говорил мой ангел. Я бы никогда про это не вспомнила, если бы не программа на моем новом компе. Бывает так, что некоторые вещи просто вылетают из головы, и если не встречаются возвращающих обстоятельств, то навсегда. Пинк Некс — это особая раса людей. Мой Ангел придумал ее еще до того, как мы познакомились. Эти розовые штуки были для него такой же знаковой символичностью, как для меня мои чучельники, только круче. Хотя, мы, кажется, говорили о них только однажды — Ангел как раз собирался посвятить шеям сайт и выбирал для этого хостинг. Из всей сложной структуры понятия «Пинк Некс» я хорошо поняла только то, что они очень крутые парни. Главным их свойством, которое я запомнила, был талант не суетиться и делать все не спеша. Особенно они смаковали выполнение нужных brutальных вещей, скажем, починку мотоцикла или покупку пива. Дорога с розовыми шеями становилась длиннее. Хотя, в противоположность разным хиппи и байкерам, если розовые шеи снимались с места, то двигались в основном в одиночку...

Я вышла из позы лотоса. Рената уважительно соблюдала дистанцию. Она сидела в углу и терпеливо следила за мной глазами, какими адепт тоталитарной секты следит за вхождением гуру в контакт с духами. Бьюсь об заклад, едва я неуклюже поднялась на затекшие ноги, она уже еле сдерживалась, чтобы не спросить, удалось ли мне пробить у духов благословение на ближайшие подвиги.

- Мне должен прийти файл, - сказала я, для верности слегка качнувшись типа от перехода от одного мира в другой (Ренате это должно быть понятно). Она, кажется, бросила меня поддерживать. Но она не успела — я типа уже пришла в себя. Трагически откинув челку со лба, я зашагала в направлении брюнетки.

Мысли о розовых шеях мне удавалось отправлять в глубокий игнор, как только они приходили (а приходили они непрерывно. Если быть точной, они не покидали меня с той секунды, когда я решила, что это знак). Я боялась, что Рената заметит что-нибудь — не знаю, где они видят мысли — витающими вокруг головы в виде голубо-розовых туч (в зависимости от пола) или, может быть, у человека, когда он думает, что-то происходит с лицом. Я решила во что бы то ни стало сохранить свои прозрения в тайне. Мне достаточно было фокусов, которые, как оказалось, я сама же подсказывала Ренате — типа фокуса с моим пропуском. Я сама все это время подсказывала ей свои болевые точки моим же собственным беспокойством, коллективно-бессознательным

страхом и сентиментальными надеждами. Я подумала, что если мне удастся не допустить розовые шеи скользить по извилинам, Рената ни о чем не догадается и не сможет сотворить какую-нибудь новую иллюзию, чтобы убедить меня в том, что ей нужно.

Короче, я хотела гарантировать полную не утечку информации. По крайней мере до тех пор, пока следствие не сможет обнародовать факты. Не то чтобы мне смертельно хотелось уличить Ренату в обмане. Просто на кон поставлено уже очень много. Мне было важно не ошибиться. Я люблю свою планету или кого?..

- Придется разархивировать, - со скрытой досадой сказала я, быстро скачав в Интернете бессмысленный файл с туманным разрешением и сохранив его в папке «No candles» («Без свечек»). Насколько я поняла, на земной язык это переводилось как «Личное».

Я слегка опасалась, что Рената что-нибудь заподозрит, сопоставив мой недавний вопрос о программе архиваторе с необходимостью тут же что-то распаковать. Но, кажется, она все еще была под впечатлением моего короткого транса в позе лотоса.

- Конечно, конечно, - затараторила она, подскочив, словно охранник мэра Ставрополя, - вот тут. Давай помогу, ты еще не освоилась.

Она понимающе кивнула и принялась тыкать в какие-то звезды-иконки. После того, как программа архиватор «Пинк некс» запустилась, Ренате пришлось нажать еще штуки четыре звезды, на пятой вывалилось окно, и в нем тоже надо было выбрать из списка. За одним выбором, который предлагала программа, шел следующий, и так, по моему, минут 20. Я ждала у нее за спиной.

- Медленно работает, - виновато пожала плечами Рената.

У меня екнуло сердце. Рената продолжала суетливо выбирать какие-то опции в таблицах и списках. Она нервничала. Вероятно, она ничего не знала о том, что дороге с розовыми шеями положено быть длиннее.

Интересно, если бы эта статичная единичная система с домашним прозвищем Рено была землянкой, я бы поверила ей значительно больше? В своем отечестве нет пришельцев. Через какое-то время после объявления войны я столкнулась с таким явлением: девушка сетовала в своем блоге, что знакомые люди перестали давать телефон. Я удивилась. Раньше не давали мобильный, но мало кому приходило в голову скрывать бесплатный домашний. Потом стало наоборот, потому что мобильный можно сменить, а рассекреченный домашний уже не скроешь. Но я никогда не сталкивалась с ситуацией, чтобы номер вообще неприлично было спрашивать. «Узнать телефон нашей компании можно по рекомендации. Пожалуйста, направьте копию документа с печатью по электронной почте. Нам важен ваш звонок»... Может быть, Рената права насчет опыта, который отягощает перемещение вперед? Легче сразу спрятаться, чем потом доказывать,

что ты не верблюд. Мрачный и тяжелый экпириенс лишает уверенности в себе..

Программа, похоже, доконав Ренату до ручки, наконец, изобразила рабочий процесс – отрезок узенькой асфальтовой дороги, по которой равномерно гнали шарики на розовых подставках, похожие не то на лампочки, не то на удушенных шарфами колобков. Если Рената не успела покопаться у меня в мозгах с тех пор, как я решила, что архиватор «Пинк некс» был продуктом мыслетворчества моего бойфренда, сомневаться мне больше не стоило. Оставалось только кое о чем узнать. С замиранием дыхания (тренировка в позе лотоса у окна не прошла даром) я спросила, постаравшись, чтобы вопрос звучал естественно:

- Ей что, двести лет, этой проге?

- Нет. Не все вещи, которые мы создаем, совершенны. Эта программа появилась недавно.

Рената называла примерную дату выпуска – 6-7 лет назад. То есть, как раз когда моего бойфренда не стало.

- Брось ты ее, - сказала я, кивнув на удушенных колобков, - эта дорога будет длинной...

- Кофе попьем? – попросила Рената, послушно отправляя программу в аут. Итак, теперь я генерал. По крайней мере, консультант по земным вопросам.

В мире продолжало твориться что-то странное. Разрушались компании, от «матерей» отказывались «дочки», отцы народа переводили свои счета из Швейцарии обратно в Россию.

Издания уходили с глянцевого сцены одно за другим. Из останков издательских домов можно было строить Лужники-2. Наш держался. Я решила, что перестала приносить разрушение. Так, наверное, и должно было случиться. Когда мое личное сознание было замутненным, оно шло вразрез с коллективным, и как-то негативно влияло на окружающую действительность. Теперь, благодаря просмотру и чтению новостей оно немного расчистилось и сразу перестало противоречить среде.

У меня появился даже особый кайф. Я заметила, что не могу заснуть, не посмотрев что-нибудь страшное, и мой организм не просыпается без Криминальной хроники. Я почти перестала пить кофе. То есть я стала пить его как все нормальные люди – чашку или две в день. Я ощущала гордость за то, что победила первоначальный шок и расстройство нервов от новостей, а также туман в голове из-за кучи незнакомых слов в статьях и обзорах. Какая я умная, думала я. Я теперь даже могу предсказать, насколько поднимется цена на бензин и упадет на нефть — и все это по свежей фотографии президента.

В день получения издатель не появилась в редакции. Люди заскучали и всё спрашивали, чья очередь заказывать пиццу. После

обеда в мой кабинет постучал сисадмин.

- Тут это, - замялся он, плотно прикрыв дверь. Я подумала, что он хочет выпросить новую карту памяти или мышь. Но он назвал имя издателя, - короче, она звонила.

- Хорошо, - ответила я, отвлекаясь от чтения материала, - и?

- И она велела передать, что твоя зарплата урезается в половину.

Я не поверила своим ушам. Много абсурда в этом мире, но чтобы урезать ничего вдвое... Это было покруче, чем увидеть никого против солнца.

- Чего? – спросила я.

- Вдвое, - повторил сисадмин, - как и у всей редакции.

Мне стало еще любопытней.

- Какого хера? – спросила я, - и почему про мою зарплату она позвонила тебе?

- Не знаю.

Я набрала номер издателя. Дома у нее включался автоответчик, мобильный был в зоне «идите нафик». Чтобы подумать, мне захотелось свежего воздуха. Я вышла из своего кабинета в редакцию и спросила, кому заодно купить салату. Из-за компов поднялось 8 рук. Значит, всем.

- И мне, - вяло сказал сисадмин, - и это, новую мышь.

Я кивнула. Может быть, новых мышей теперь продают в отделе готовых салатов.

Пока я стояла в очереди за салатами, позвонила Рената. Она звучала напуганно.

- Что стряслось? - я в ответе за того, кто к нам прилетел.

- Нам нужно торопиться, у нас почти не осталось времени! – крикнула она и отрубилась.

На уровне «привет» и «как дела» общение (даже межгалактическое) не составляет проблем, даже если говорящие передают свои мысли с акцентом. Но если дело касается дела, могут возникнуть проблемы. Иногда мне кажется, что Рената просто недостаточно владеет земным языком. Я пожала плечами. Подошла моя очередь, и мне отмеряли шестой салат. На седьмой банке оказалось, что наполнять ее нечем, потому что остальные виды салатов вчерашние. Я думала о том, что Рената имела в виду. Последнее время каждому не терпится совершить что-то глобальное. Хотя бы урезать зарплату.

Мой бойфренд говорил, что война – это как секс, кому-то кажется, что без нее нельзя выжить. Я начинаю верить.

После того, как я раздала салаты, секретарша дозвонилась до издателя и перевела звонок на меня. Я не успела даже сказать «привет», «как дела».

- Вы опоздали с выходом первого номера. Не воспринимай это,

как что-то еще, я просто думаю, это заслуживает наказания. Я вас наказываю, - выпалила издатель.

Думать «нападение – лучшая защита» в такой ситуации банально. Я подумала о том, будет ли видно ток, если его раскрасить. Напряжение в 220, например, будет красным. 120 – синим, с белыми звездами. Мне подумалось, что, в таком случае уже все-все, даже невидимое, в этом мире станет понятным. Секреты и прятки позволяют некоторым добиться своего – некоторые вещи нельзя различить сходу, и, пока их нельзя различить, они делают свое дело. Так, например, работала советская пропаганда в Корейской войне. Никто не видел ее силы, пока не стал очевиден результат – пятьдесят тысяч американских дезертиров, предавших интересы родины. Невидимые вещи сильнее видимых, думала я. На стене, к которой я отвернулась, слушая издателя, была розетка.

- Это все? – спросила я, когда наступила пауза.

Послушав ее еще немного, я отрапортовала, что до меня дошло, и повесила трубку. Если ты хочешь прекратить разговор, просто скажи «Понятно».

Единственное, в чем я ошиблась, приняв решение, была наиглупейшая вещь. Я наивно предположила, что редакция увидит абсурд ситуации и уволится вместе со мной полным составом. Я ошиблась. У каждого нашлись причины остаться. Я, наверное, ходячий суд Линча. Или я просто ленива, чтобы находить аргументы и объяснять себе, почему человек сделал то или это. Понятия не имею, отчего мне это не интересно.

Говорят, что дети обостренно чувствуют несправедливость. Я много раз читала об этом у детских психологов. Про человека, у которого осталась эта способность, говорят, что он юный максималист. Если согласиться с негативным смыслом этого слова, надо признать, что впадать в рассуждения по каждому поводу – правильная вещь. Вася из шестой квартиры отрубил спящему отцу голову, потому что, очевидно, страдал неспособностью к эмпатии и с детства отличался промискуитетным сексуальным поведением. Ну не дебил ли?

- Понимаешь, у нее сейчас дети болеют. Водитель сказал, что каждую субботу она возит их к психиатру, - сказал мне сисадмин.

Профессионализмом у актеров считается выйти на сцену после личной трагедии и отрабатывать кассовый сбор так, чтобы зал аплодировал стоя. Впрочем, сейчас публика по любому вскошет. Никто не желает показать, что скверно петрит в искусстве.

Если бы умение отличить клинический кретинизм от хронической гипертонии помогало справиться и с тем, и с другим, мы бы никогда не проигрывали в футболе. Потому что кретинов, которые требуют в обмен на ленточку чемпиона огромные бабки, было бы меньше.

- Что ты можешь изменить? – обреченно спросила секретарша.

Я взяла ложку и отгребла у нее хорошую горку салата. Я

осторожно донесла ложку до рта и запихала внутрь.

- У меня будет время на революцию, - с умным видом сказала я, с трудом пережевывая кальмаров с горошком.

Сисадмин был в печали и так глубоко погружен в свои нелегкие мысли, что только уважительно покивал. Секретарша моргала. Главное не слова. Главное интонация.

- А не зря? – спросила Рената, имея в виду мое скоропостижное увольнение, - это не вызовет подозрений?

Мне пришлось объяснять, что в нашем мире человек без работы вызывает подозрения только у менеджера по кредиту. И то только в том случае, если на клиенте нет пиджака из хорошей шерсти.

- Даже покрой не учитывается? – спросила Рената.

- Всегда можно сделать вид, что ты предпочитаешь дизайнерское шмотье. Итак. У тебя был план спасения планет. Но ты его позабыла, когда распалась на части при втором переходе из мира в мир. Но по крайней мере ты можешь отличить, где враг, где наши?

- Ты имеешь в виду, чтобы я назвала тебе виноватых?

- Да, пожалуйста, скажи, с кем нам надо бороться. Кого вызываем на ринг?

- На ринг никого вызывать не надо! – замотала головой Рената, - да, я рассыпалась и теперь ни хрена не помню. До этого все было предельно ясным. Странно, конечно, но это дает надежду предполагать, что наша задача не из чертовски сложных. Раз у меня до этого был план, и я взялась за его осуществление, значит, он был реальным, все было возможным. Только мне кажется, что повернуть дело надо без шума.

- Ничего это не значит, - возразила я, - ты могла взяться за осуществление своего забытого плана с отчаяния. Но, ладно, все, что ни происходит, все к лучшему. Я чувствую что-то правильное, некий знак в том, что ты вернулась с пустой и – чистой – головой. Это важно, да?

- Конечно.

- Но мне нужна информация. Скажем, если я узнаю, кто злодей, может быть, перестану ненавидеть бен Ладена. А просто пойду и кокну того, кто за всем этим стоит.

Рената энергично закивала.

- Скажи, - спросила я, - твой медиа-планнер никогда не говорил тебе эту фразу?

- «Кто за всем этим стоит»? Кажется, да, говорил.

- Понятно.

- Откуда она?

Мне не хотелось лишний раз намекать, что она ни хрена не петрит в наших реалиях, но горькая правда лучше.

- Из кино, - ответила я, - из хорошего кинематографа...

Ренатино лицо просияло.

- Все сходится! – сказала она, - все было связано с телевидением!

- Телевидение во всем виновато?

Рената растерялась:

- Похоже на то...

Похоже, ее голова прояснялась урывками – обычное дело для тех, кто теряет память. Вспомнив какую-нибудь вещь, они не могут поверить, что это правда. Думаю, вполне может быть, что они бывают абсолютно правы.

- Не может быть, - сказала я, - телевидение всего лишь отражает действительность.

Было досадно, что ее медиа-планнер оказался простым компилятором. Наверное, ползая в Интернете и сдал информацию, как достоверную. Все миры одинаковы. Я даже могу догадаться, по каким сайтам он лазал...

С тех пор, как я начала изучать новости, мне стало немного понятно, откуда растут некоторые ноги. Но я все-таки была как бы снаружи. Мне, наверное, было легче судить. Идеи, которые ты впитываешь долгое время, имеют свойство становиться собственными, даже если к тебе не применять методы тяжелого воздействия на мозги. Перед тем, как смотреть новости, мы не бежим стокилометровку в кованных сапогах и складке, не употребляем успокоительных и не слушаем заставку «Ваши веки тяжелые... Вам хочется спать. Все, что вы сейчас увидите – сущая правда». Возможно, принять или не принять идею, зависит от нашего собственного с ней согласия.

Рената слегка покраснела и заерзала.

- Я не говорю, что телевидение – зло. Как бы тебе объяснить, - она покраснела еще больше, - дело в том, что... Короче, наш министр по внешней безопасности... Точнее, не он сам, а его консультант... В общем, он придумал забивать ваши головы всякой фигней.

Это показалось мне очень естественным. Если Рената думала, что я расстроюсь, я, похоже, разбила миф, в который она верила. Я не расстроилась. Вместо этого я поддалась нахлынувшим фантазиям и подумала, вдруг все страшней, чем я представляю.

- Как это происходит? – спросила я.

- Он похищает людей и...

Меня пробило на хохот.

- Похищает людей? В таких космических кораблях, похожих на тарелки? Твой медийный планер, он не...

- Нет. Он не при чем. Про похищения известно всем нашим. Мы голосовали за министра, который все это придумал, только потому что у него была эта программа, с воровством людей.

- А чем она выгодна вашим избирателям? – я нахмурилась.

Когда в дело вмешиваются политические амбиции... Боже мой!

Каждый первоклассник знает, что распахивая листовки в почтовые ящики, тебя пытаются как-то крупно надуть! На этот счет есть не прямая реклама.

- Последнее время люди технически рванули вперед. Это опасно.

- Для вас?

- Да, и не только. Весь цивилизованный мир со страхом следит за развивающимися планетами.

«Знакомо», - подумала я и спросила:

- Но чем мы можем вам помешать?

Если применять аксиомы педагогики, малолетнего хулигана надо сначала отвлечь, а потом занять чем-то полезным.

- Трудно объяснить. Ну, в общем, это влияет на весь мир. Все это знают.

Мне стало обидно. Или она не является политически грамотным представителем популяции, или у них там тоже промыты мозги. Доказать теорему зла не может никто. Пока объяснения дойдут до конца, логика испаряется, и в голове застревает голый и не доказуемый вывод. Поэтому представления о добре и зле, на самом деле, держатся только на вере в свою правоту.

- Ладно. Я верю. Все знают. ОК. А при чем здесь телевидение? – спросила я.

- Я не уверена. Я могу только предполагать. Но мне кажется, что наш этот министр нашел ваше слабое место и использовал его в своей программе... Вы наиболее подвержены особому виду внушения. В смысле, когда они воруют людей, все что с ними делают – это показывают им кадры.

- Картинки?

- Да, кадры, картинки. Как калейдоскоп – большая труба, и в нее помещается...

- Вы совали людей в трубы?

Что за ужасный мир – там, где она живет! Электорат голосует за правительство, которое обещало хватать недоразвитых себеподобных и пихать их в большие трубы. Это как обижать младенцев.

- Да нет же! Мы не пихаем никого в трубы! Не в трубы. То есть, в трубы, но не людей, - она растерянно заморгала глазами. Ей было нелегко объяснить.

- Постой...

- Ты пойми! – она беспомощно взмахнула руками.

Кажется, она хорошо понимала, что я недоразвита, и вместо объяснений, пожалуй, лучше бы запихала меня в трубу, но не могла, потому что после такого обращения я бы не стала сотрудничать.

- Каждое живое существо в мире на самом деле выглядит почти так, как я тебе рисовала. Примерно. То есть, на самом деле оно вовсе никак не выглядит, а...

- Невидимо?

- Ну... Зрение, к которому ты привыкла, это всякие нейроны, рефлексy и хрусталики. У «молекул», как ты нас называешь, ничего подобного нет.

Она откуда-то поняла, что я мысленно обозвала статичные единичные системы молекулами.

- Если нет хрусталиков, как же вы... - я постаралась подобрать самое простое, - тормозите на светофорах?

- Молекулы просто знают.

- Типа как? «За углом пробка, лучше-ка я объеду по МКАД»?

- Типа. Так вот, в трубу, в калейдоскоп с кадрами пихают не людей, а...

Моя челюсть слегка отвисла.

- Амеб? – спросила я и почувствовала себя так, словно меня расчленили. С одной стороны хирургического стола лежало пощипанное блестящими инструментами тело. Штаны были приспущены – ракурс утренней передачи про происшествия на дорогах и бандитские разборки. Тело выглядело не то чтобы безжизненным. Оно было явно живое, но очень несчастное. Меня затошнило. В эмалированной утке, рядом с несчастным телом, лежало что-то совсем невероятное. Изнутри оно было похоже на перезревшее куриное яйцо, которое случайно собрались пустить на яичницу. В помутневшем белке что-то заторможено плавало. Лапы беспорядочно вздрагивали. Самую середину существа опоясывали детские трусики из материала, очень похожего на лепестки белой розы. Понятия не имею, зачем я их представила, наверное, памперсы.

- Рената, - осторожно позвала я. Моя недоразвитость нуждалась в поддержке, - если мы низшие существа по сравнению с вами, может быть, мы выглядим как-то немного что ли иначе?

Я не хотела терять надежду. Я вспомнила про контраст греков с захватившими их варварами. Как на футбольную команду, я бы, конечно, поставила на римлян. Но с эстетической точки зрения были приятней греки.

- Может быть, мы не такие рослые?

Рената огорченно вздохнула.

- А скажи, вот ты сейчас в таком же теле, как у меня, почти что. Скажи, где это у тебя помещается? Твоя амеба?

- Моя амеба? – Рената едва не заплакала, - ты хочешь сказать «я»?! Где я нахожусь? – она подумала и показала себе на лоб.

Я закатила глаза, пытаюсь увидеть свой лоб, и испытала тошноту и головокружение одновременно.

- А я? - спросила я, морщась.

Она пожала плечами.

- Каждый сидит там, где ему приятно. Но вообще-то считается, что мы никогда не покидаем места, где изначально возникли, куда бы дальше ни шли...

Я не поняла, но решила, что моя амeba, наверное, в заднице. Самое лучшее место для возникновения рефлексии. Я ни фигa не разбираюсь в простейших. Но немного привыкнув к своей новой многогранной личности, я даже решилась выпить чашечку кофе. В конце концов, оно тоже состоит из чего-то там очень мелкого, неделимого. В голову сразу полезли вопросы: кто это пьет – я или оно? Не горячо ли. И не вызовет ли четвертая чашка некие амebные ухуждения – целлюлит, ранний климакс...

- Амeбы стареют? – спросила я, думая одновременно про похороны и морщины.

- Нет.

Рената тоже налила себе четвертую чашку. Я немного успокоилась. Хотя мне неизвестно, кто она в своем обществе – амeba, которая ведет здоровый образ жизни или шахидка, которая носит тесную одежду и не кашляет.

- Ладно, - сказала я, - давай дальше про похищения.

- Сначала это были просто эксперименты, - послушно начала она, - людей подвергали картинкам и все смотрели, что будет. Правительство выделяло огромные деньги, но все равно нам пять раз поднимали налоги, потому что бюджета все не хватало. Мы были не против. Каждый патриот понимал, чем грозит ваше бурное технологическое развитие, если не направить его, - она почему-то запнулась, - в нужное русло.

- Знаешь, цивилизации сменяют друг друга, это нормально, - попыталась оправдаться я. Помню, мое детство закончилось, когда я прочитала первое издание Властелина Колец. Мне было лет 9. Толкиен писал: зло с Востока. Я почему-то поверила. Чувство вины перед цивилизованным миром до сих пор примешивается к моей национальной гордости.

- Конечно, - ответила Рената, - но последнее время я почему-то думаю, что вы не стали бы на нас нападать...

Ее взгляд стал рассеянным. Словно она пыталась уловить среди своих мыслей истину, и никак не могла. Странно, что такие развитые существа могут чего-то не догонять.

- Некоторое время назад у нас появилась популярная передача, - все так же рассеянно, сказала Рената, - актеры, наряженные в кольчуги и плетеные налобные ленточки, изображали наших, а темные полчища все пытались у них что-то забрать.

- Кольцо? – как-то само собой спросила я.

- Откуда ты знаешь? – удивилась Рената.

Меня обдало жаром не стопроцентного прозрения. Если бы моя молекула была также продвинута, как Ренатина, я бы просто слетала, включила и посмотрела все эти их передачи – про темные полчища, плетеные ленточки или что то там еще. Лучше один раз слетать, как говорится. С учетом того, что у молекул нет зрения.

- Дорасскажи про картинки, - попросила я, - что именно ваши крутили нашим?

Где-то я слышала, что человек – не создатель. Следовательно, он не может создать то, чего в мире нет. Ему трудно даже вообразить то, чего он ни разу не видел. Это как в журнале, для которого я писала статью про зоофилов – нужно быть спецом в теме, и тогда редактор тебе поверит. Как-то наши миры, судя по всему, странно пересекались. Пока Рената собиралась с мыслями, я успела задать еще один вопрос. Так же как в случае с розовыми шеями, я спросила, когда у нее на родине появились те передачи.

- Не помню, - сказала она, - давно. Но фанаты прочухали фишку недавно. Появилась даже новая тюремная форма – темный.

Слава земному психоделику Толкиену, давшему толчок межгалактической фэнтези - подумала я и стала готова дослушивать про картинки.

- Нам не сообщали, что точно вашим впихивают в мозги. Но из достоверных источников я знаю, что лучше прочих кадров на вас почему-то действует бородатый мужик на облаке и голый на серфинге. Некоторым почему-то показывают мужика в горах. Наверное, хотят посмотреть, который из них эффективней.

- И что мы?

- И вы начинаете искать этих мужиков. Потом, после того, как из труб вас возвращают обратно на землю.

- Рената, - сказала я, отметив про себя, что нас все-таки, возвращают, - ты знаешь, почему мужики разные?

- Почему?

- Чтобы мы соревновались, чей лучше.

Кажется, я объяснила в ее духе. Рената задумалась.

- В этом есть смысл. Хотя, у нас все это называют лечением.

Если подумать, то, в общем-то трубы - не такой уж крутой метод борьбы с межпланетным востоком (то есть, злом). Цивилизованные миры, похоже, жалостливы. Я вспомнила передачу про военный госпиталь, где американцы латали иракскую девочку. Ее родителей шамальнули где-то в Багдаде свои же.

- У вас есть национальности? – спросила я.

- Чего?

- Ну, разный цвет кожи, японцы, русские...

Рената засмеялась и потрясла головой.

- Нет, все, чем мы различаемся, это количеством ног. Чем больше ног, тем больше пространства ты можешь освоить.

- У тебя – длинные... то есть, много?

- Да. У меня очень много, - немного неуверенно сказала она. Может быть, при втором переходе она забыла не только свой план?

Я решила на немного нескромный вопрос.

- В чем смысл вашей жизни? – спросила я и покрылась румянцем.

Вдруг она ответит: в том, чтобы в мире не осталось ни одного недоразвитого...

Рената, как ни обидно, не оценила моей попытки установить редкий эмоциональный контакт.

- Хорошо, - немного погодя сказала я, - предотвратить воровство землян – это все, что нам нужно сделать?

- Не дать процветать киднеппингу – это все равно, что лечить болезнь, а не ее причину, - изрекла Рената, - консультант нашего министра вместо труб придумает что-то еще.

- Да. Вам опять повысят налоги, и вы оплатите исследования по уродованию моих земляков... Предлагаешь замочить консультанта?

- Тогда министр наймет себе еще одного. Министры не могут без консультантов. По статусу не положено.

- Хочешь, чтобы мы ухлопали все ваше правительство? Ты же сказала, что вы бессмертны, кажется.

- Я сказала, что мы не стареем, - загадочно промурлыкала она, - и потом, что за выражения «ухлопать», «замочить»? Мы что – ролевая компьютерная игра?

Я забыла, что у нее нет плана.

- Кстати, - зато я вспомнила кое-что, - почему ты звонила мне на работу?

- Ах да! – вскричала Рената.

Я начинала понимать, почему совет в Филях проводили мужчины. Я подумала о том, что нам, возможно, надо завербовать в свою компанию художника. В крайнем случае, он нарисует нам по паре новых тел, вместо искореженных в пылу сражений. Я начала представлять, какой бы мне хотелось быть.

- Они замочили, - Рената произнесла слово по слогам, - нашего транслятора. «Амебу», которая освещала проведение эксперимента с картинками.

- Боже мой! Транслятор – это правительственная должность или свойство... души?

- Наемное лицо. Что-то похожее на ваше радио, но живое.

«Журналист», - подумала я и разволновалась из солидарности.

- Транслятор – по-вашему обозреватель – он садится к определенному часу суток, сосредотачивается и просто думает, а мы в итоге его думанья получаем последние новости.

- Телепатия?

- Одностороннее вещание идей. Кадры в трубах – не первая попытка внедриться в вашу цивилизацию и спасти мировое сообщество от зла. Эксперименты ведутся, если измерять вашим временем, уже больше двух тысяч лет. Периодически образуются анти-группы, или индивидуалисты (как я), которым все это не нравится. Мы пытаемся что-то сделать, чтобы защитить... недоразвитых, - она слегка запнулась.

- Я же говорю, Че Гевара.

Рената не слушала. Видимо, медиа-планер не глубоко заходил в нашу символику.

- Однако, каждый раз наши попытки проваливались, и вас продолжали уничтожать. А это нарушение принципа соглашения.

- Какого соглашения?

- Чтобы что-то существовало, мы заключаем соглашение. Как только с предложенной идеей согласилось большинство, она материализуется. Возникает, ну, например, парламент или дополнительная планета для проживания – аграрная или какую мы там хотим, курорт... Таким же образом мы можем поменять существующий порядок вещей. Скажем, согласиться с тем, что будем стареть и умирать или, что у нас будет одна конституция. Нарушение соглашения – это, как бы сказать, не принято. Недавно, как ты знаешь, мы согласились с тем, чтобы у вас началась четвертая мировая война.

- И она началась. Судя по всему, вы были за нее большинством.

- Да. Но ваша война, она какая-то странная, да? Это все потому, что кто-то был не согласен.

- А все предыдущие войны – тоже ваших рук дело? – мне стало досадно. Столько лет человечество сражается с этой проблемой. Неприятно, когда твой большой вопрос оказывается чьей-то иллюзией, - черт! А Дон Кихота у вас там нет?

- Чего? Нет, о таком не слышала. Результат соглашения может себя не оправдать, если найдется тот, кто не согласен. Вот тогда все катится ко всем бабушкам...

- И вам опять поднимают налоги, - я не знаю, отчего я такая циничная и раздражительная.

- Да, но в этот раз то, что пошло неправильно, было немного из ряда вон.

- Это потому что у тебя много лап, и ты можешь оприходовать больше пространства.

Рената посмотрела на меня восхищенно.

- Ты хаваешь на лету, - похоже, она снова ошиблась с нашими крылатыми фразами, - но, чтобы несогласие подействовало так быстро! Чтобы последствия единичного несогласия проявили себя так явно? Понимаешь, они замочили транслятора! Такого еще не было никогда! Думаю, в этом есть и твоя заслуга.

Так меня примазали к планетарной трагедии. После этого Рената рассказала, что транслятора новостей замочила до тех пор вполне себе тихая партия из бывших трубных инженеров и программистов. Эксперименты набрали оборот, и обрабатывать землян кадрами удавалось уже не по одному в месяц, а пачками. Трубы-калейдоскопы стали такими большими, что позволяли вести промывку мозгов иллюзиями в промышленных масштабах. На технической поддержке труб трудилось много местных «молекул». Одна из последних партий

наших, которую привезли с Земли, попала на редкость дружная. По словам Ренаты их брали целой толпой где-то в клубе с названием Твердый Орех. Чтобы сэкономить на дорожных расходах и не возить малыми кучками.

- Ты уверена, что этот клуб сам по себе не был картинкой? – засмеялась я.

Рената нахмурилась.

- Иногда ваши шутки меня не вкручивают. Не знаю, может быть, на вашем это звучит, как Крепкий Псих. Что не может быть клуба с таким именем?

Я подтвердила, что может быть, даже есть обязательно. Дальше она рассказала, что эти орехи быстро сорганизовались. Обычно человек с земли, попадая в ситуацию, когда его вынимают из тела, теряется и не знает, что думать. Как показали тесты, обычные мысли в этот момент: я умер, я сильно напился и надо было отнести 10% в церковь.

- Что такое церковь? – спросила Рената.

- Это такое место, где кроме картинок есть маленькие огоньки и дым.

- Не знаю, почему-то я так и подумала, - не то отшутилась, не то всерьез сказала она, - орехи не растерялись. Они похватили наших и запихали их вместо себя в трубу. Потом они включили самый что ни на есть позорный фильм с кадрами. Все кадры, собственно, монтируются исходя из ваших реалий, но с добавлениями всякой чепухи. Так вот, этот старый позорный фильм показывал людей, которые собираются вместе и дружно ковыряют большой участок земли огромными ложками, укрепленными на машинах. Потом эти люди все идут в большой общий дом, и каждый по очереди рассказывает остальным, как удачней расковырять побольше земли до наступления дождей.

Я ржала.

- Зря гогочешь, - почти оскорбилась Рената, - я поздно об этом узнала (транслятора-то замочили), но наши насмотрелись этого фильма и начали строить что-то странное.

- Что именно? – у меня было ощущение, будто меня щекочут.

- Они называют это Светлым Временем. В эту идею уже ушли почти все их ноги. А это были не последние ногастые в нашем обществе.

- «Ушли ноги»? – я подумала, что она хотела сказать «они ушли в это дело с головой», но, поскольку головы как таковой у молекулы нет...

- Не знаю, как вы, а мы строим ногами, - сказала Рената, – ноги как бы средоточие разных наших способностей: иметь, хвалить, создавать, терпеть, знать, притягивать. Максимально 380 самых разных умений. Когда строишь что-то рациональное и полезное для общества, ног у тебя прибавляется. Когда наоборот, соответственно, твои ноги... В общем, ушли в трубу.

- Вот ёлки! – я не могла скрыть того, что мне весело. Мимика получалась, как у насквозь позитивного диктора CNN, когда тот вещает о количестве жертв в войсках противника – не однозначная.

- А что наши? - спросила я.

- Вот это самое интересное. Во-первых, никто до сих пор понятия не имеет, как они разобрались с нашей сложной и незнакомой им техникой. Во-вторых, после того, как они напичкали наших Светлым Временем, ваши растворились. Такой способности у нас еще нет. Никто не в курсе, куда они делись. Я подозреваю, что пошли по своим делам. Может быть, организуют сейчас где-нибудь космический кондоминиум с демократической системой правления. На кой им, после того, что они увидели, возвращаться обратно на Землю? К тому же, я не уверена, что они могли бы найти дорогу домой. Вот так.

- Дааа, дела.

Посидев немного для уважения к потерпевшим, мы обе подумали, что пора обсудить план. Кажется, я стала понимать ее мысли.

Директор издательства, в котором я продолжала работать, кинув на произвол эротический журнал, повысил нашему бестолковому арт-директору зарплату. На корпоративной вечеринке, посвященной 8 марта, говнюку, который к тому времени выжил с глянцевого подмосток уже пятого первоклассного стилиста, дали выиграть последнюю модель дайву. Я подумала, что и здесь недалеко до всеобщего помешательства. На той же вечеринке было объявлено о ребрендинге самого рейтингового женского глянца. Вместо него мы собирались выпускать еженедельник о военной кухне. Идея была встречена рукоплесканием, на закуску подали перловый жульен.

Интересно, сколько процентов нашего населения уже успели посетить волшебную трубу obscura?

- Рената, - спросила я, - а человек помнит о том, что его воровали?

- Частично. Но не все. Некоторые начинают нести что-то о зеленых человечках.

С устройством тамошнего мира мне стало более или менее понятно. С новыми данными план составил практически сам собой. Поскольку мы уже знали, что на молекул фильмы действуют, пожалуй, даже круче, чем на людей, то решили, что это и будет нашим оружием. Нам оставалось выяснить, какие именно кадры дадут нужный нам результат, придумать, как воровать инопланетян и распределить обязанности. Последнее было легко. Нас было мало.

- Послушай, - вдруг сказала Рената, - давай как-нибудь назовем нашу партию.

Я закашлялась.

- Травиаты, Гришки и Шуйского? Или Демона? – предложила я.

- Я думаю о «Вселенском Несогласии». Партия Вселенского Несогласия, как тебе? – сказала она.

- Да, - я подперла ладонью дрожащую от хихиканья челюсть, - идеально.

Рената предложила заказать художнику флаг, герб и еще парочку логотипов.

- Кто платит? - спросила я.

Она закрыла органайзер с началом нашего плана, заложив странички карандашом, и пошла в комнату. Я поковырялась в Интернете. В нашем органайзере было записано, что моя должность называется генеральный стратег. Рената почему-то попросила называться союзником. Я насторожилась и перестала жабиться по поводу славы победителя только тогда, когда Рената объяснила, что на «ю» на ее родине начинаются все разновидности замов, помощников и вайсов.

- Так союзник не начинается на «ю»! – почти согласившись, удивилась я.

- А что у вас вообще на него начинается? Ю-ту? Ю-щенко? Так эти должности уже разобрали...

Я разрешила ей оставаться союзником. Для выразительности мы решили писать «ю» заглавной. СоЮзник. Все-таки, для того, чтобы вершить большие дела, не обязательно быть пятым ангелом Чарли. Я попыталась припомнить великих лидеров человечества, которые не были бы маленькими и страшными или старыми и толстыми. На ум пришла Индира Ганди. Но названия – это, конечно, важно. Особенно должностей.

Рената вернулась из комнаты. В руках у нее был пакет с пачками европейской валюты.

- На обмундирование, - сказала она и преподнесла лидеру революции пакет.

- Чеки собирать? – на всякий случай спросила я.

- Лучше учись, как я, - Рената сделала сосредоточенное лицо (типа на советский паспорт) и вытянула перед собой руку. Я клянусь, сначала ее рука была совершенно пустая. Но через секунду на ладони оказались бабки. Бегло просмотрев пачку, Рената важно кивнула. Не знаю, кто там их ей передавал, но он так и не появился.

- Как это? – спросила я, но от большого удивления тут же догадалась сама, - притянула?

- А как еще делают деньги? – спросила она, кидая купюры на стол.

Я нехотя пожала плечами. Не хотелось посвящать соЮзника в то, что до этой минуты наше финансирование выглядело несколько иначе. Глядя на кучу из ниоткуда, я вспомнила, в самом начале как раз Рената велела не настраиваться на халяву. Я подумала: возможно, медиа-планер научил ее русской традиции бизнеса – менять договор вплоть до

момента взаимных расчетов. На западных компаньонов семь пятниц на финансовой неделе действуют угнетающе, но уж кто, как привык.

Я решила попробовать. Я вытянула перед собой руку. Ничего не получилось – она так и осталась протянутой. Очевидно, чтобы финансировать крупные проекты, надо знать какой-то секрет.

- Не переживай, - Рената подняла ладонь, и на этот раз в ней оказались деньги с исламскими символами, - 30% всех проектов и начинаний убыточны, но со временем у большинства получается. Надо только начать.

Как стратег я решила не откладывать действия в долгий ящик. Я повела Ренату в кино.

Как ни странно для военного времени, никакой патриотически возбуждающей пурги не показывали. Наоборот, в прокате шел стейб – фильм о гильдии парашютистов в костюмах Элвиса. Воздушные Элвисы не поделили что-то с земными и решили создать собственный профсоюз, идейно более прогрессивный, чем традиционный союз Элвис-аниматоров. Парашютисты говорили, что их хохолок точнее передает образ музыкального бога, на том и поссорились.

Рената отреагировала неожиданно – она обиделась. Ей показалось странным, что зал смеялся и ел попкорн. Кстати, на сеанс разрешалось проносить камеры.

Следом за Элвисами мы посмотрели кино о турецких строителях в России. Строителям пытались прищемить хвост поляки, но к середине я запуталась, где кто, потому что прорабы обеих сторон оказались похожи как братья. На стороне турков были молдаване. Их прораба я тоже узнавала через эпизод.

После строителей мы купили билеты на три сеанса подряд. В одном фильме выяснялось, что французский язык произошел от японского, и Токэуса Коносима, президент Японского общества Марлона Брандо, постановил считать оригиналом Декамерона Боккаччо японский перевод. Все это были новые фильмы, снятые уже после начала войны.

Рената понимала все три языка, которые звучали в фильме, поэтому ей было понятней. Кроме культуры конфликт был завязан еще вокруг каких-то островов.

Фильмы показывали нон-стоп. На втором мне пришла идея сценария. Я достала ноут-бук и начала записывать. История была про любовь. Смысл заключался в том, что капитан некоей воюющей армии влюбился в проститутку и решил сделать из нее звезду. Он купил для нее публичный дом, порно-студию и финансировал промо-проекты. Деньги, понятно, воровал у своего же правительства. Думаю, в сценарии сказалось влияние Теодора Драйзера.

К концу показа мне позвонили из банка. Вопрос взволновал меня не на шутку, и я попросила Ренату досмотреть оставшийся фильм без

меня. Мы договорились, что я заеду за ней после сеанса, и она расскажет мне свои впечатления. На случай, если ей захочется что-то записать, я оставила ей компьютер.

В банке мне сказали, что к сожалению, вынуждены прекратить обслуживание моего счета. Последний раз я сняла все подчистую, а новых денег не поступило. Напротив, банку пришло уведомление о том, что вкладчик закрывает операции по данному счету, так как условием вложений была моя финансовая несамостоятельность.

- Поздравляем, - почему-то сказала менеджер. Еще три представителя банка, которые стояли вокруг, закивали так, словно я только что выиграла миллион в Вулкане удачи, - поскольку вы являлись нашим клиентом на протяжении более, чем 7ми лет, банк предлагает вам индивидуальную акцию. Начиная с текущего месяца, вы можете получать 30% годовых и бесплатное обслуживание до... - менеджер заглянула в бумажку, - до пяти пластиковых карт, при случае, если продолжите оставаться нашим клиентом.

- Вы журналист, насколько мы знаем, - мягко сказал другой менеджер, - я читал ваш рейтинг банков с точки зрения дизайна кредитных карт. На бытовом уровне, но мне понравилось...

У меня возникло чувство, что мы обсуждаем план операции по удалению моей селезенки. Все казалось логичным, но я ничего не понимала. Лечащие говорили на своем, банковском языке.

- Вы не могли бы показать мне то... это уведомление от моего, вашего вкладчика, чьим счетом я пользовалась, которое вы давеча получили? – против моих ожиданий, вопрос оказался понятен.

Жестом волшебника менеджер распахнул папку и вынул из нее нужный лист. Это была копия факса.

- Факс, да, но мы получили это обычной почтой, - кивнул другой менеджер. Почему-то из кармана он извлек сложенный вчетверо почтовый конверт, - штамп не разборчив. Возможно, вам он скажет больше, чем нам. Вкладчик с самого начала предпочитал не называть страну проживания.

- Такое возможно? – удивилась я, разглядывая печати. Действительно, разобрать место отправления было нельзя.

- При определенных обстоятельствах, - объяснил менеджер, - когда вкладчик, как бы сказать, не последнее лицо...

- Как его имя? – вырвалось у меня. Менеджеры осторожно переглянулись, - эээ, видите ли, - я облокотилась на стойку и распустила туго обмотанный вокруг шеи шарф. Слава профессии, я умею находить метафоры быстрее, чем более простые слова. В некоторых случаях, это даже понятней, - это было что-то вроде американского дядюшки. Я имею в виду мой счет. Я как бы племянница. Незаконная дочь.

- О! – хором воскликнули менеджеры. Подозреваю, они проходили обязательные тренинги по методике западного

обслуживания, - понимаем.

Тут я заметила на штампе что-то похожее на две башни. Сложив конверт, я быстро сунула его в сумку.

- Так вам тоже неизвестно его имя? – сочувственно спросил менеджер.

- Нет, - покачала головой я. Чувство удаления селезенки сменилось ощущением, будто мне только что объявили сумму наследства, одновременно с датой гибели завещателя, - я внесу деньги, завтра. Не закрывайте счет.

Мне предложили кофе. Но пора было возвращаться в кинотеатр. Всю дорогу я думала о том, существует ли почтовый штамп с двумя башнями.

Дело с моими счетом — насколько я его знала — было следующим: почти сразу после того, как мой бойфренд свалил дурака, став жертвой международного терроризма, один из западных банков в Москве выдал мне карту на пользование счетом. Все это время я была уверена, что деньги мне присылают его родственники. В менее романтическом варианте – преданный бухгалтер, который знал о том, что мы с бойфрендом были женихом и невестой. В любом случае, сказать «спасибо» я могла только через банк, но банки не осуществляют подобных услуг. Ни адреса, ни имени, я, и правда, не знала...

Паркуя машину у кинотеатра, я вспоминала детали разговора с менеджерами банка. Как они там сказали? Условием пополнения счета была моя финансовая несамостоятельность? По-моему, звучало именно так... Чего я, действительно, не понимала, так это того, как мои спонсоры узнали об изменившейся ситуации — то есть, о том, что теперь у меня есть деньги из воздуха и все такое. Хотя, мои благодетели могли и не знать, и факс в банк мог быть простой военной ошибкой... В связи с прекращением поступлений на счет, меня немного беспокоило, что куча денег, оставленных на столе, исчезнет, как мячи с футбольной площадки, куда их накидал Хоттабыч силой воображения.

- Как тебе представление? – спросила я Ренату. Мы встретились на ступенях кинотеатра, шел дождь.

Рената что-то ляпнула, судя по произношению, на венгерском. Очевидно, последний фильм был о графах. Похоже, наше искусство действовало на нее удручающе. Подумав, я решила не водить ее больше в кино, а лучше показывать классику. Я хотела начать с Мистера Кейна, но Рената выбрала Звездные Войны. Я запретила ей жевать перед телевизором.

- Это отвлекающий маневр, - сказала я, - а твои мозги должны быть активными.

Она согласилась. А я задумалась – художник нарисовал только ее внешнюю оболочку. Я уверена, что он не вдавался в анатомические

подробности. Чем же она соображает?..

Вечером я решила за ней проследить. Как обычно, мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим спальням. Я хотела дожидаться, пока она уснет. Не знаю, что я ожидала увидеть. Может быть, как она превращается в молекулу. Или на ночное совещание к ней прилетает кто-нибудь с ее родной стороны...

Вместо этого я заснула. И мне снился сон. Мой бойфренд сидел напротив меня в красном кресле, пил вино и рассказывал о войне.

- Не думай, что война — это носилки и стонущие солдаты. Часть этого так и выглядит, но в общей массе — там яйца, тут кишки, здесь мозги... Уже давно никто не стреляет по врагу из мушкетов. Ты видишь не подстреленных. Не знаю, я бы даже не стал измерять количество жертв. Так же бессмысленно, как вести список своих любовниц.

Чаще всего во сне ты смотришь на происходящее своими глазами. Сначала все так и было. Но потом я вдруг стала видеть из красного кресла. В нижней части кадра я видела бокал с вином, напротив валялась на большой кровати я сама.

Я вдруг поняла, что значит, встать на место другого. Я поняла, что мой бойфренд все еще любит меня. Несмотря на то, что за те годы, пока мы не виделись, у него было много женщин. Ну, девушке легко поверить в зыбкость физической измены. Здесь мы всегда прокалываемся, стоит нам хорошенько запудрить мозги.

Я протянула сама себе цветок.

- Возьми.

Моя рука протянулась за ним с кровати и взяла за колючую ножку.

- Я люблю тебя. И ты нужна мне.

Я проснулась. За плечо меня трясла Рената.

- Эй! Что-то странное происходит с твоим компом!

Я потеряла глаза.

- Взорвался?

- Дура! Не дай бог! Где мы еще такой возьмем? Их же не выпускают!

- Как не выпускают? А где же ты его взяла? Наколдовала?

Мне вдруг стало отчаянно не по себе. Страшно, я бы сказала. Наверное, эффект неурочного пробуждения. Я спустила ноги с кровати и не была уверена, что чувствую пол. Точнее, то, на что я опираюсь вполне могло быть чьей-то холодной выдумкой. Хренова субъективная реальность. Разве можно в таких обстоятельствах быть в чем-то уверенным?

- Что там с ним происходит? — спросила я.

- Мигает, - пожала плечами Рената.

- Ну и х.. с ним! — мои нервы всегда просыпались позже меня.

- Да нет, ты взгляни! — Она тянула меня так, словно я была этому компу родная мать или доктор. Фефочка, скажи ыба!

Когда я, наконец, сдалась и пошла за Ренатой, компьютерный приступ уже прошел.

- Чего было-то? – спросила я, тупо глядя в темный экран.

- Он как-то весь беспокоился, - озадаченно объяснила она, - сияя и пускал синие искры. Ну и шипел, кажется.

Я проверила: брюнетка была отключена от сети, значит, замыканием не пахнет.

- Может, приснилось? – предположила я.

Рената хмыкнула.

- Мне не пришло это в голову.

Как-то быстро она соглашается с тем, что кто-то другой может быть более прав, чем она. Кого-то мне это напоминает...

Мы снова разошлись по своим спальням. Самые крутые фильмы ужасов в конце становятся какими-то кислыми – словно режиссеру на последних эпизодах прикрыли финансирование, и он торопился доснять хотя бы как получается, а не как задумал. Не люблю ужастики. Подскок адреналина во мне вызывают не виды на кровь, а какие-нибудь жуткие идеи, например. Должно быть верно, что женщины лучше воспринимают вербальную информацию.

Мой сон продолжился с того момента, на котором исчез. Только ни красного кресла, ни ангела почти не было видно, словно прибавили звук, а изображение - наоборот.

- Война – это как секс, - трагичным голосом сказал Ангел, - круче, чем инстинкт размножения. Ты чувствуешь, что будешь не когда-то там жить, а живешь.

- Словно оплодотворил уже все на свете? – я услышала собственный голос.

Судя по молчанию, он кивнул. Мне захотелось потрогать его тело. В ответ меня словно обдало волной благодарности. Послевкусием сна под утро осталась тактильная тоска по сильному плечу и уже совсем бестолковая идея о том, что инопланетянам надо показывать Бена Ладена, Санта Клауса и козла с бородой — в отместку за наших трех мужиков.

Мое последнее место работы накрылось. Владелец издательства продал дело двум израильтянам. Новые хозяева решили поменять направление бизнеса в сторону шоу. Вместо журналистов в штат нужны были парикмахеры и вокалисты.

Петь я не умела, стричь – тем более. Я решила целиком сосредоточиться на нашем революционном проекте. Как и обещала, я отнесла в банк часть денег, добытых Ренатой, выпила с менеджерами кофе и даже трудоустроила племянницу одного из них. Она как раз закончила курсы имидж-мейкеров.

- Каждый заботится о племяннице, - подмигнул мне менеджер. Я согласилась. Менеджер предложил подвести до дома. Был конец

рабочего дня, и подождать мне нужно было совсем чуть-чуть. Я спросила, кто же поведет мою машину. «Водилу найдем», - снова подмигнул мне менеджер. Я вдруг осознала, что я – не простой клиент, к тому же, похоже, старый.

- Когда тебя начнут клеить мальчишки, знай, что пора мазаться кремом от старости, - говорила мне моя бабушка.

Менеджер был моложе меня примерно на 8 лет. Он был примерно в том возрасте, в каком был мой бойфренд, когда мы познакомились. Я подумала, что мне может присниться сон про ревность. И решила попробовать. По дороге это молодое не лояльное трепло рассказало, что плохи дела банка.

- Управляющий сбрендил? – спросила я.

- И это тоже... А как ты узнала?

С тех пор, как наступило военное время, я ни с кем не говорила о влиянии войны на планету, кроме как с Ренатой.

- Так ведь, что творится-то! – улыбнулась я.

- А что? – менеджер нахмурился, - просто в прошлом году мы заработали больше, чем думали. И у руководства от этого сорвало крышу. Совет директоров почти весь сменился как раз год назад. Глава раньше был директором сети цирков.

Я подумала, что странные вещи начали происходить, видимо, задолго до того, как я стала их замечать. Удивляло меня только одно – почему остальным они казались нормальными. Я-то ладно, я не смотрела новости.

- И население стало... какое-то жадное, - менеджер с отвращением поджал губу, - суетное. Вот тебе, мы предложили на удачу 30%. Честно скажу, была моя идея.

Он слегка покраснел. Или на его лицо бросили отсвет стоп-сигналы машины, которая шла впереди.

- Ты не выглядишь в курсе событий, - с досадой сказал он, - таким, как ты можно впаривать, что угодно! Тебя легко обмануть!

Похоже, он доказывал, что может стать своим человеком. Я вздохнула. Поцеловать его что ли?

- Наши хотели предложить тебе стандартный процент. Ну, чуть повыше. Сейчас все дают 50-60%.

Я закашлялась. Они все сбрендили. Он воспринял мой кашель, как верный знак.

- Да ты не бойся, доверяй мне, не пропадешь!

Он положил руку на хлястик моего пальто. Потом он понял, что это не колено, но загорелся зеленый, и пора было заняться рычагом передач. Перед самым домом он остановился и купил у обочины коробочку подмороженных орхидей.

- Позвонишь мне, как поднимешься? Я буду волноваться! – сказал менеджер, вручая мне цветы, и поцеловал меня в губы, - не обижайся, малыш, сегодня я немного не готов для импровизаций... Но,

хочешь, мы можем пойти к тебе!

- У меня не прибрано, - опустив глаза, ответила я.

- Та же фигня! – он нежно хихикнул и прижался лбом к моему лбу, - боже мой! Мы с тобой как дети!!!

Кажется, последняя фраза доставила ему особое удовольствие. Я чмокнула его в нос и выпорхнула из машины. Дверь подъезда тяжело бухнула за моей спиной. Поскольку я уже знала, что мысли можно транслировать, я стала тщательно думать: «Какой славный», «ах-ах-ах» и прочую чепуху, какая вертится в голове после первой свиданки. Для достоверности я компульсивно подносила запечатанную орхидею к носу, вдыхала картонный аромат и кружила с ней до лифта в обнимку.

Мне очень хотелось опять увидеть бойфренда хотя бы во сне.

- Посмотри, до чего докатились! – сказала Рената, когда я вошла.

Она сидела перед телевизором. С потерей моей работы нам не грозило оторваться от жизни. У нас был телек. И Интернет.

- Те же клипы по всем блогам, только хуже. У тебя там никого знакомого нет?

Новости показывали разбомбленный завод. По обломкам медленно ходили люди с собаками.

- Где это? – в ужасе спросила я. Рената подозрительно оглядела мою орхидею.

- Владивосток.

- Почему?

- Что «почему»? Не видишь? Кошмар!

Я села.

- Рено, - я почему-то назвала ее домашним именем, - ты же говорила, это виртуальная война, битва иллюзий.

- Я ошиблась, - сказала она, - говорю тебе, что-то пошло не так. С тех пор, как ваши обработали наших, у меня дурные предчувствия.

- Ты что-то знаешь?

- Они обработали почти весь состав, весь персонал, который обслуживал трубы. Диверсионная команда захватчиков прошла проверку: половина из них тоже тронулась после показа, хотя они были далеко от трубы. Вероятно, волны картинок имеют большое распространение. Если так, то обработка наших незримо шла с самого начала экспериментов. Результаты, которых добивались с вашими – полный пофигизм, откат на столетия назад, когда еще не было всплеска технологий, и блок на стремлениях к доминированию. Максимум, на что бы вы были способны, после обработки большей части планеты – это продолжать смотреть картинки. Похоже, все это начинается и у нас...

Я вспомнила про клиповое сознание, марши мира на 7ое ноября и почему-то фэшн-TV. Мне стало дурно. Пожалуй, впервые за время общения с Ренатой я испугалась всерьез. Может быть, она просто ни разу не говорила прямо, что с нами будет. Или в моем замутненном

сознании, наконец, открылась дыра в мир. И в нее вот-вот начнет что-то валиться, как самолеты в бермудскую аномалию.

- Есть на свете хоть какой-нибудь независимый источник, чтобы посмотрел на все это со стороны? – пробурчала я, - ну и теперь что?

- Теперь не знаю. Где я, и где наши? Сажу тут с тобой... - впервые с того момента, как потеряла память и предыдущий план, Рената позволила себе критику в мой адрес, - может, приняли какое-то новое соглашение...

- Послушай, - вспомнила я, - ты, кажется, говорила, что четвертая мировая входила в ваши намерения. А теперь говоришь, что нас хотели сделать просто баранами – блок на стремлениях, пофигизм... Зачем тогда война??? Столько наших погибло!!! За все это время!

Мне было обидно до крика. Она тоже стала кричать, словно мы играли в солдатиков за столом, и никак не могли поделить армии.

- Никто не мечтал, что вы все погибните! Война нужна была для того, чтобы промывка прошла более гладко. Вы занимаетесь своими сражениями, катастрофами, взрывами, погружаетесь в страсти, и не замечаете, что кто-то из вас начинает исчезать. Все больше и больше народу. Это было удобно. Но никто не погибал!

Меня передернуло. Потом, как уже часто бывало от Ренатиных новостей, прошиб жар. Потом холод ненависти. Я вскочила и, давась воплями, истерично тыкала в нее пальцем.

- Вы забрали его! Почему не вернули??? Отвечай или я тебя удушу! – я никогда не верила, что любовь способна на преступления. Пришлось признать.

- Ты что, чокнулась? Как мы могли не вернуть? На фиг нам там долбанутые ваши? Они после этого нормальные члены общества? Мы – здоровая нация! Промытые нам не нужны... Про кого ты вообще говоришь?

Я остолбенела.

- Как это про кого?

Рената хлопала ресницами. Мне показалось, от натуги она стала и правда, как нарисованная. И, похоже, я была права, что внутри у нее нет мозгов.

- А как же этот клип, который ты мне показывала в компьютере, когда вернулась? Там был мой жених!

- Твой жених? – она смутилась, - я не знала...

Я пошла в ванну и зачем-то вымыла руки с мылом. Когда я вернулась, Рената сидела в той же позе и с тем же открытым ртом.

- Прости! Честное слово, - прошептала она, - я... он погиб?

- Ты его смоделировала?

- Я... я просто зафигачила в понятное тебе разрешение одно из твоих наиболее приятных воспоминаний и... оно почему-то волновало тебя не так, как остальные, к нему примешивалось ощущение глубокой досады. И... пофигизма.

Я села. Рената торопливо оправдывалась.

- Я решила, что, может быть, ты тоже одна из тех, кто уже посмотрел наши картинки. Я сомневалась, но... Это было, как живое... Я решила показать тебе это еще раз... Мужика... Я думала, это наш мужик.

- Но он не был ни в горах! Ни на облаке! – как и в тот момент, когда я увидела клип, меня трясло. И я вдруг вспомнила, - да, мы, в самом деле, были в аптеке, здесь, на Земле. Он покупал для нас презервативы и воду.

Она развела руками.

- Мне надо было как-то тебя убедить.

- Этот компьютер, где ты его взяла? – спросила я. Наверное, моя интонация прозвучала обвиняюще. Рената вскричала:

- Я понятия не имею! Он был со мной! - Когда ты пришла второй раз?

Она кивнула. Ноут-бук с того света. Перфект. Самое время пожесть еще чуток свечек.

- Отслужим по нему панихиду, - решительно сказала я и схватила компук.

- Что ты хочешь? – заверещала Рената и вцепилась в него с другой стороны. Я уже замечала, что она к нему как-то странно привязана. Наверное, он напоминает о родине. Я согнула коленку и хряпнула об нее разложенную невесомую книжечку.

Рената заплакала.

- Дура! – сказала я ей, - а вдруг по нему за нами кто-то следил! Теперь мы свободны.

Хотя у меня у самой на сердце лег камень. Наш революционный проект предъявлял сюрпризы. Я не стала рассказывать Ренате про сны и догадке о розовых шеях. Если клип про бойфренда был изначально моим созданием, то в розовых шеях было столько же мало смысла. Я попросила Ренату:

- Расскажи, пожалуйста, что ты почувствовала после кино?

Уезжая в банк, я оставила ей фильмы про Вьетнам — «Взвод», «Апокалипсис сегодня», «Фул Метал Джакет» и, на всякий случай, «Охотников на Оленей».

Рената снова начала всхлипывать.

- Понятно, - сказала я.

- Я не думала, что все так. Я не знала. Твой парень был там?

- Нет. Когда он родился, уже почти все закончилось.

Она вытерла слезы и вытащила из-за дивана целый мешок денег.

- Этого хватит, чтобы все предотвратить? – шмыгая, спросила она.

- Фу-ты нуты! Рената! Перестань грабить мой народ! У нас в банке уже столько, что скоро у меня начнут брать интервью.

- Прости, - прошептала она и опять заревела.

Чтобы исследования были исследованиями, а не гаданием на

намеках судьбы, я прямо спросила:

- Что ты чувствуешь?

- Жаль.

- Кого?

- Всех!

- Ты все еще хочешь, чтобы на Земле бушевала война?

- Ну что ты пытаешь меня, словно тюремный доктор? – неожиданно Рената просохла, в ее голосе не было даже намека на слезы, - это же просто кино! Странные вы тут какие-то, честное слово!

Как стратег я должна была догадаться, что идея воздействия на врага классикой далека от совершенства. Возможно, придется совместить несколько тем. Инопланетяне исследовали нас уже почти две тысячи лет и допускали промахи, а мы собрались найти решение за два дня, да еще при отсутствии докторов.

- Эй, - сказала я, - а может вам всем просто морочили голову?

Рената спросила, насчет чего.

- Ну, никаких исследований на землянах не было. Просто ваше правительство как-то оправдывало налоги.

- Дались тебе эти налоги, - отмахнулась она, - мы не какая-нибудь топливно-перевалочная отсталая нация. Нас не так легко обмануть. Во-первых, наше население не такое тупое. Во-вторых, правительство тоже не рыжее. Никому не охота в дом, где кошки скребут. Я же говорила тебе, что мы периодически чистим свой опыт. Это автоматически уменьшает разные риски в обществе – коррупцию, насилие, недобросовестную, короче, жизнь.

- Ну вот тебе же удалось нанять на работу медиа-планировщика без прописки, в смысле, как ты его назвала, нелегала. И никто тебя за это не чистил.

- Пойми! Чистка – это не наказание. Это как тебе дважды в день чистить зубы. Если не щетка, то кариес, так что зубная паста - это твой собственный выбор. Когда я вернусь, то обязательно все исправлю. Мы просто очень хорошо знаем законы природы. Кошки живут не там, где сорят, а там, где не убирают.

- Ну да, ну да, - покивала я, - будем дальше смотреть кино?

- Смотрим, - решительно подтвердила Рената, словно повязала себе салфетку на шею.

До тех пор, пока у меня не слиплись глаза, я сидела рядом с ней у экрана. От эмоций у нее менялся не только цвет лица и глубина взгляда, но и оттенок волос. Я всегда верила, что искусственная красота богаче натуральной. Незаметно наблюдая за ней, я делала пометки в блокноте. К компам у меня развилось стойкое недоверие. Возможно, если мне доведется попасть в Ренатину страну, я сумею очистить этот опыт. Лечебность времени все-таки очень условна.

Рената намеревалась не спать. Она хотела сидеть и облучаться нашими картинками до тех пор, пока у нас не накопится достаточно

данных, чтобы действовать. Честно признать, я тоже видела в этой жертве смысл.

- «Молекулы» не испытывают усталости, - сказала она, отдирая меня от диванного подлокотника, - иди спать.

Бойфренд, ревнующий к банковскому менеджеру, мне не приснился.

Утром Рената все еще сидела у телевизора. Уходя спать накануне вечером, я посоветовала ей после фильмов перейти на канал для взрослых. На идею о хард-коре меня натолкнули слова моего бойфренда из моего предыдущего сна, где он говорил о том, что война – круче инстинкта размножения. Я объяснила Ренате, где найти каналы для взрослых и подсунула ей чистый блокнот для самонаблюдений. Утром на нем были какие-то графики и координаты со значениями, выраженными в тт.

- Что это? – спросила я.

- Частота моего возбуждения. Тебе как удобней, в виде дробей Архимеда или Гиясэддин Джемшид ибн Масуд ал-Каши?

- Лучше объясни своими словами! – попросила я.

Рената сходила на кухню и вернулась с двумя чашками кофе. Серые кардиналы вечно мудреней внешне видимых лидеров.

- Это банально, - сказала она, не без удовольствия потягиваясь на диване, - я почувствовала особый вид активности, кажется, по вашему она передается словом «лень».

- Нега? – уточнила я, глядя на то, как она потягивается.

- Это приукрашенное понятие. Мне захотелось, чтобы вокруг меня суетились и ничего не требовали взамен. Одновременно с этим я получила посыл к разрушению чужой воли. Мне захотелось кого-нибудь победить. Это оказалось сопряжено с сильным толкательным импульсом в бедрах. Вместе с тем я наблюдала некоторое заведомое разочарование, потому что все выйдет, как обычно не так. Сломив чужую волю шоковым методом, я не заставляю его суетиться с воодушевлением. Вкратце примерно так. Последнее описанное чувство вы почему-то называете «стыд».

Я вздохнула.

В новостях показывали сожженные денимовые фабрики в Индонезии и потопленные искусственные острова в Токийском заливе. Подводные съемки сделал бывший оператор реалити-шоу «Последний Герой». Было похоже на старый фильм «Челюсти».

- Национальность этого ребенка установить не удалось, - перевел слова японского репортера наш диктор, когда камера вернулась на берег, - среди оставшихся в живых, он никого не узнает. Мы обращаемся к нашим коллегам. Если вам знаком этот мальчик, свяжитесь, пожалуйста, с центром спасения.

Камера наехала на подол распашонки, затем показала лицо. Мальчик брел по берегу и повторял русское слово «мама». Затем

показали стенд и написанный на нем телефон.

Мы работали, как угорелые.

Я все чаще вспоминала анекдот про попугая, которого два политических лидера лечили от хандры, ежедневно меняя перед клеткой геометрические фигуры. Один политик говорил другому: попробуй это, попробуй то. Когда птица сдохла, лидер партии (не помню, кажется, она называлась каким-то фруктом) воскликнул: «Эх! А у меня еще столько идей осталось!».

- Рената! – воскликнула я на седьмой день сотворения оружия против космических помидоров, - может быть, выключать звук?

Ночью мне снился Ангел. Я отнеслась к его появлению холодно. Я точно знала, что мне нужна помощь, и я просто подбадриваю себя во сне. Но вместо советов, он предложил мне то, чем когда-то мы с ним занимались при толкательных импульсах в бедрах. Было похоже на первый или последний раз. Я проснулась, словно школьница, которую застали за рисованием поцелуев.

Утром, приняв длинный-предлинный горячий душ, я поехала купить еще фильмов.

По дороге мне пришло в голову, что в целях исследований фильмы можно крутить, пока Рената спит, можно жечь кришнаидские благовония или заставить ее с кульминации поедать чипсы, а на рекламе принимать ЛСД. С нашим теперешним бюджетом можно вообще найти клипы с 27м, 28м и 30м кадром и даже сняться в этих кадрах самим. Я почти готова была дойти до отчаяния. И тут мой взгляд упал на вывеску над черными окнами какого-то кафе: «Крепкий Орешек». Я вспомнила фильм 12 обезьян с Брюсом Уиллисом. Я была на улице Пятницкой.

Припарковавшись (последнее время с этим почему-то не стало проблем), я похлопала себя по щекам, чтобы удалить следы изможденной бледности и открыла тяжелую дверь в кафе. Колокольчик над дверью звякнул наподобие приехавшего лифта в лобби крупного офиса или отеля. Дверь открылась, и я шагнула... в лифт.

Ощущение скоростного подъема было полным. У меня даже возникло чувство, что в спину мне дышит негр в белой униформе. Огоньки под цифрами этажей мелькали, как угорелые. При этом они были единственным освещением в темноте. Повернув голову, я увидела, как в боковом зеркале вспыхивает мое отражение. Я испугалась.

Когда на лбу у меня выступила испарина, кабина остановилась. Двери подождали секунды две и бесшумно разъехались. Навстречу мне шагнул улыбчивый официант в стойке «салфетка на локте». Я услышала за спиной ласковый механический голос: «Добро пожаловать на наш этаж».

- Вы у нас впервые? – понимающе спросил официант.

- Нет, - зачем-то соврала я, - но раньше здесь было по-другому.

Он засмеялся.

- Раньше здесь был закрытый банный клуб Мытые Шеи. Мужской клуб, - со значением уточнил он.

- Я была здесь, - повторила я, - в качестве корреспондента, - и добавила, - в архиве.

Мне почему-то представилось, что «журналист» должно сработать вроде пароля.

- О! – сказал официант и мельком заглянул в кожаную папку, - для вас заказан столик на двоих. Сюда, пожалуйста.

Словно для верности, что я не сбегу, он крепко взял меня за локоть. Я испугалась даже больше, чем в лифте. В предпоследней войне, как я помню, убитых журналистов хватило бы на полный штат 20ти глянцеv. Еще я подумала, что сейчас меня своруют инопланетяне. Это интервью, думаю, мне никогда не удастся опубликовать. Даже если я буду задавать самые невинные вопросы типа «Когда выйдет ваш новый диск?».

За столиком, куда меня привел официант, никого не было. Зато это был отдельный кабинет. Поправив для проформы вилки, официант удалился.

На всякий пожарный я сунула руку в сумку и приготовилась нажать запись на диктофоне. Потом я подумала, что этот жест могут принять за оборонительный маневр. Собственно, он им и был. Чтобы не возбуждать лишних волнений, я потренировалась молниеносно пихать руку внутрь. Каждый раз мои пальцы натыкались на что-то не то. С досады я попыталась нащупать кнопку диктофона через кожу и подкладку сумки. На удивление у меня получилось.

- Ну здравствуй, - услышала я чрезмерно интимный голос и вздрогнула. У столика стоял незнакомый мужчина в черных очках. Дверь за ним молниеносно закрылась.

Я кивнула.

Мужчина снял очки и неловко протянул в пространство руку. На его пальцах сидело много колец. Одно – печатка в виде черепа дракона, какую носил мой монгольский сосед. Разглядывая кольца, я подумала, может быть, он протянул руку для поцелуя? Если я попала в место отправления какого-нибудь нечеловеческого культа, лучше ее поцеловать. Я так и сделала. Привстав, я нежно коснулась незнакомоv запястья губами. Теплых искренних чувств мне придавал страх.

- О! – выдохнул мужчина, - ты помнишь... - И он положил мне ладонь на голову. Вышло немного неуклюже для романтической ласки: между его указательным и безымянным пальцами оказалось мое ухо. В заднюю стенку раковины неприятно врезался шип дракона. Невольно я подняла лицо и поняла, что мужчина слеп.

Сняв очки, он стоял, глядя мимо меня в угол. На его лице было

написано трагичное обожание. Если он не притворяется, то принял меня за другую.

Я помогла ему сесть.

- Калифорнийское? – он кивнул на стол и снова протянул в пространство руку. Из того, что могло быть калифорнийским, на столе было только вино в ведерке. Заворожено глядя в слепые глаза, я направила его руку. На ощупь привычным жестом он откупорил бутылку и направил горлышко в мою сторону. Я подставила бокал.

- Помнят! – сказал он и улыбнулся, изливало аккуратно разливая себе и мне. Улыбка вышла жутковатой. Я подумала, что последнее время моя жизнь проходит под знаком захватчиков.

- Ненавижу! – произнес слепец то ли по поводу происхождения вина, то ли об алкоголе вообще, и с удовольствием отхлебнул из бокала.

Дверь распахнулась, и официант внес на подносе запотевшие баночки кока-колы и небольшие тарелки под крышками. Когда он закончил свой столовый вальс, под крышками оказались биг-маки.

- Кетчуп? – спросил официант.

- Майонез, - проворчал незнакомец, - и пошел вон!

Официант исчез с таким же достоинством, как появился.

- Ешь! – приказал мне слепец, шурша своим гамбургером. Я гадала, не пора ли включить диктофон. Говорят, у слепых тонкий слух.

Немного почавкав салатными листьями и огурчиком, он отложил свой фаст-фуд мимо тарелки и вытер губы.

- Все готово? – спросил он.

Я потерлась лодыжкой о его ногу. Интересно, думала при этом я, какого цвета его носки. Я готова была поклясться, что пятка окрашена под флаг США, символизируя победу над глобализмом. Запихнув в рот большой кусок гамбургера, я выбрала для ответа слово покороче. Я сказала еле слышно «да».

Он засмеялся.

- Ты голодна! – и выдохнул интимно, - как всегдааа.

Если бы ни стол между нами, клянусь, я бы рванула наутек и наделала слишком много шума для его тонких ушей. Хотя вряд ли. В следующую секунду я подумала, что именно с таким лицом занимаются любовью удавы.

- Мы успеем, - сказал он, и его мимические мышцы немного расслабились, - но сначала, - он выдержал паузу, - ты будешь хорошей девочкой.

Принявшись гадать, что это значит: минет или что-то более современное, я почти прослушала следующую фразу.

- Тебе не нужно будет знать, где это. Тебя довезут.

Я едва не спросила, куда.

- Ты не слушаешь! – рявкнул он. Я вздрогнула. Он наклонился к самому столу и зашептал, - детка, пожалуйста, верь мне, я не причиню

тебе вред!

В моей голове зазвучали Биттлз.

- Только не в этот раз! И мы успеем все, что ты хочешь. Почему ты не веришь мне?

Я собралась духом и глухо проговорила: «Ты знаешь». На моем месте, думаю, ни одна девушка не стала бы молчать. Если он обманывал ее не раз, она имеет право хотя бы высказать все, что думает.

- Женись на мне! – неожиданно для себя почти крикнула я, тем же голосом, против которого он только что не имел ничего против.

Его лицо изобразило что-то донельзя странное. Борьба чувств происходила здесь и сейчас. Если бы вместо диктофона у меня была с собой камера, я бы сделала репортаж века. «Спец-выпуск специально для женщин»... «Последнее слово мужского эго»... «Как заставить его сделать тебе предложение: расслабься и начни разводить кактусы»...

- Хочу детей! – прошипела я, тоже склонившись над самым столом. Грудь холодила тарелка из-под гамбургера. Не знаю, поблагодарит ли меня за это его настоящая герлфренд. Мне кольнула женская солидарность.

Я почти увидела мысли слепца. Плотным непромокаемым памперсом они возникли вокруг его головы, абсорбирующие частицы пронизали картины сражений: соски, горшки, кастрюли...

- Нам надо выполнить долг, - с угасающим отчаянием молвил слепой. Наверное, слово «долг» как-то действует на мужчин успокаивающе. Он почти собрал растерянную волю и загнал напряженные чувства в ахиллесову пятку с полосками флага США.

- Тебе всегда надо выполнить долг, милый, - говоря «тебе», я имела в виду «мужчинам». Моя грудь по-прежнему лежала в тарелке, как символ сытого будущего планеты. Я почти ощущала себя mother-earth, - ты вечно думаешь, что ты занят чем-то особенно важным. Ты не сделал ни одного ребенка, - я даже не сомневалась в том, что это было именно так, - но скольких ты лишил крова и тепла!

Я вспомнила мальчишку, бредущего по песку в чужой стране и бормочущего по-русски «мама». Слепец что-то проговорил на монгольском. Я думаю, что на монгольском. Хотя, кто его знает, возможно, это был культовый язык, фраза, которую произносят перед принесением жертвы. Я приготовилась к худшему. В течение монолога я ни раз сорвалась на свою обычную интонацию, слепешарый уже секунды три назад мог понять, что я – это чужой.

- Я обещаю тебе, - тихо сказал он, - про тебя уже знают мои родители...

Я засомневалась: верить ему или не верить. Его лицо в этот момент почти перестало походить на змею. Женская интуиция – великая вещь. Но иногда работает с переборами.

- Ладно, - сказала я. И в следующее мгновение он схватил меня за руку.

- Кто ты такая?

Меня накрыло холодом мучительной, долгой смерти, без последующих похорон. Он дернул меня к себе, и мы зависли над двумя остывшими гамбургерами в немой борьбе интересов.

- Не смей! – я попыталась выкрутить руку. Неужели я лопухнулась, и вместо истерики надо было все-таки устроить ему минет? – не смей со мной так! – я сдавленно выговаривала слова последней надежды.

Неожиданно он отпустил меня.

- Ты – Эльвира, - в его голосе было чисто мужское тепло.

- Да! – крикнула я.

- Ануш нет.

Я смолчала. На его змеином лице отразилась торжественное страдание. Я подумала, что Эльвира, должно быть, сестра, а Ануш – девушка, которая должна была прийти вместо меня. Я надеюсь, ей не было больно (если ее, уже, действительно, нет). Мы оба молчали. Он заговорил первым.

- Усама будет во Внуково. Завтра утром. В левой руке он будет держать голубой кейс Донна Карен. К ручке привязана георгиевская лента. Ты узнаешь.

Мои глаза полезли на лоб. Я едва не заорала: не надо лент! Я сгребла его слепую ладонь.

- Я все сделаю! – зашептала я. Он пожал мои пальцы.

- Я знаю. Передай, что он может ехать на свой остров. Мы благодарны. Он выполнил задание. Мы благодарны.

- Что-то еще? – с надеждой спросила я.

Слепой засмеялся.

- Скажи, что сионистское «УЗИ» и седовласая борода – это было остроумно!

Видимо, он говорил о том, чего я никогда не узнаю.

- Он хотел стать круче Элвиса. Мы сделали его круче, - устало добавил слепой, - как умерла Ануш?

- Она сказала, что будет ждать тебя, - сглотнув, ответила я.

По его лицу разлилась гордость.

- Ненавижу! – слезливо проговорил он и швырнул гамбургер в стену.

Я побоялась ехать домой. Звонить тоже. Я сидела на лавке в кассах Ленинградского вокзала и думала о дочери Болотного Царя. Воистину, пути царей неисповедимы. Я вспомнила, как с одним из моих главных редакторов мы разглядывали монголоидную красотку на проститутчем портале и гадали, как заманить ее на обложку. Если эта девушка была та самая Ануш, которую я только что бесчеловечно отправила в страну теней и вечного сумрака, то, похоже, я пропустила в своей жизни самое интересное интервью.

Еще я думала о седовласой бороде. По идее надо отправить на встречу с Усамой Ренату. Почти с самого начала я заметила, что она похожа на ту Ануш. По крайней мере, было бы больше шансов. Хотя, что собственно, нам это даст? По знакомству он пригласит ее выпить кофе? Или возьмет в секретарши? Насколько я поняла со слов слепого, он вообще уже выполнил свою миссию и валит на какой-то там остров. Сахалин. Мне стало любопытно, кто отправил Наполеона на Эльбу.

Спектакль про человечество начался не вчера и, как утверждает Рената, эта планета не самая большая на свете сцена. Хотя у нас есть и Бродвей, и Манхеттен, и Голливуд. Большой не в счет. Его давно победил Мариинский.

Я поднялась со скамьи и подошла к кассе. Я сунула в окошко деньги и попросила девушку узнать для меня расписание самолетов во Внуково. Она спросила, откуда прилет. И я сообразила, что понятия не имею. Девушка пожала плечами. Я забрала свои бабки и поплелась к выходу. Надо ехать прямо сейчас, решила я. И всю ночь торчать у прилета. Слепой сказал, что меня отвезут. Но он же не знает, куда подавать авто.

Я вышла на дорогу. Что-то показалось мне необычным. Навстречу мне топал гаишник. На запястье у него болтался сиреневый пакет.

- Эпилляторы, Тайвань, 24 часа без зарядки, - вполголоса сказал гаишник, поравнявшись со мной, и настороженно стрельнул глазами по сторонам, - оупен майнд интерфейс.

- Чего? – переспросила я.

- Интуитивное управление мыслью, - подсказал гаишник, - ноу тач гоу&шейв.

Он с готовностью остановился и извлек из пакета круглый приборчик.

Я купила. Гоу&шейв — звучало прикольно. Гаишник аккуратно отсчитал сдачу из сумочки на поясе, запахнул куртку и, вынув из кармана следующий сиреневый пакет, потопал дальше, размахивая им наподобие черно-белого жезла.

Инструкции к прибору не прилагались, и с виду он казался обычной китайской бритвой. Сунув покупку в сумку, я поняла, что меня насторожило в самом начале, когда я вышла на площадь. Мимо трех вокзалов не ехало ни одной машины. На лавках трамвайной остановки не спало бомжей. Из перехода не выходили молдоване с тележками.

Я забралась в машину, нашла глазами гаишника и посигналила. Площадь отозвалась эхом или мне так показалось из-за общего впечатления пустоты. Гаишник втянул голову в плечи и почему-то быстро убрался за ближайший опечатанный киоск.

Я испугалась, что из-под моста вдруг выйдет маршем красная армия.

Я завела мотор и поехала. Город молчал.

Что случилось за то время, пока я обедала гамбургерами со

слепцом? Кстати, хочу есть. Я оглядела обочины в поисках открытых магазинов. Но все, похоже, было закрыто. Я решила, что могу поесть в аэропорту. Я спросила себя, сколько времени? На мне не было часов. Покопавшись на светофоре в сумке, бардачке, на сиденьях и под сиденьями, я обнаружила, что телефона при мне тоже нет. Светофор давно сменился зеленым, но никто еще не врезался мне в багажник. Чувство одиночества пробрало меня до костей. Прижавшись к левому краю, я поехала наугад. В панике я забыла дорогу. Интересно, почему я не заметила перемен, пока добиралась из Крепкого Орешка до вокзалов?

Наконец, в переулке показался прохожий. Я увидела его издали. Боясь, что пока я заторможу и выскочу из машины, он убежит, я погналась прямо за ним. Прохожий остановился.

- Скажите, - отчего-то запыхавшись за рулем, затараторила я, - который час?

- Половина седьмого.

- А число? Какое число?

- 9ое.

- 9ое что? - сердце у меня колотилось, как у размножающегося кролика.

Прохожий не удивился. Он просто сказал: «Мая» и тут я узнала в нем художника, который нарисовал Ренату. Похоже, он тоже меня узнал, но ждал, когда я поздороваюсь.

Когда я входила в бывший закрытый банный клуб Мытые Шеи, был март. Значит, Усаму я пропустила...

Художник был гладко выбрит и хорошо одет, хотя сначала мне показалось, что я пытаюсь спросить который час у бездомного. Должно быть, походка. Мы ехали по пустым улицам и доехали до Пятницкой. Художник сказал, что там еще открыто какое-то милое место. Он попросил остановиться под вывеской джинсового бутика. Оказалось, что это то самое, что он имел в виду.

На входе нас обыскали. Художник показал какую-то самодельную карточку, и нам выдали лист газеты.

- Проходи, - сказал он.

Мы прошли через зал с вешалками. На плечиках висели пальто со стразами и боа из перьев, сумочки прошлых коллекций, по низу стояла ношенная обувь.

- Можно менять, - кивнул художник.

- Что произошло? - мы сели за столик в следующем зале. Окна там были заколочены фанерой снаружи. На подоконниках и оконных рамах кто-то оставлял росписи маркерами и ручками. Были и просто проклятые чем-то острым крестики и другие незатейливые фигурки.

- Здесь надо написать свое имя, - снова кивнул художник, - это

те, кто остались. Поищи, может быть, есть кто-то из твоих.

Он протянул мне фломастер. Я подошла к заколоченному окну и стала читать имена. Кто-то вместо имени написал «Я больше не могу. Простите». Я нашла свободное место и написала «Лопух».

- Припиши число, - подсказал художник.

Я приписала, закрыла фломастер и вернулась к столу.

- Я тебе тоже звонил. Я всем звонил. У меня пока есть работа.

- Что ты делаешь?

- Рисую портреты пропавших, - кивнул он, - ты могла бы писать истории и публиковать в нашей газете.

Он развернул лист и начал читать вслух.

- «Продается машина. Бак полный». «Вчера я вернулся из Харькова. Группа Несогласия благодарит москвичей за оказанную помощь. В городе открыта вторая точка сбора. На прошлой неделе было найдено три возвращенных младенца. Один из найденных скончался на третьи сутки»...

Я закрыла рот ладонью.

- Где ты была? – спросил он.

- Я не знаю, - ответила я. И рассказала ему про банный клуб, - что происходит? Когда я вошла туда, был март.

Художник пожал плечами.

- Начали исчезать люди. Младенцев иногда возвращают. Но мне кажется, что это просто подкидыши. Родители не выдерживают. Я бы тоже не смог. Раньше я каждое утро стучался ко всем соседям. Сейчас перестал.

- А это место?

- Сбор. Но мы почти не общаемся. Только газета. Ты напиши. Ребята, которые ее издают, бывшие музыканты. Ты могла бы помочь.

Я потрогала свои волосы и лицо.

- Как я выгляжу?

- Супер! Тебе очень идет! – у него вошло в привычку все время кивать.

- Поедем во Внуково? – поспросила я.

- Что ты. Его взяли тогда же, в марте. Это был не настоящий Усама. Это был бывший югославский актер. Вышел из самолета в сопровождении двух врачей. Были ли они настоящими, так и не успели выяснить.

- Послушай, а помнишь, ты рисовал гламурную девушку по лекалам?

Он улыбнулся.

- Поедем сейчас ко мне домой?

- Давай, - согласился он.

Мы встали. На выходе мы столкнулись с байкером. На шее у байкера был плотно намотан розовый шарф. От этого байкер даже казался слегка удушенным.

- Что ты так на него посмотрела? – спросил художник, когда мы уже были на улице, - хочешь поменяться?

Я дернула его за рукав, словно хотела пригвоздить к месту, на котором он стоял, и забежала обратно в бутик.

- Простите, - крикнула я и тут же приглушила голос. Байкер обернулся, - вы давно обменяли эту штуковину?

Он вопросительно ткнул в свою куртку.

- Нет, шарф!

Байкер стянул розовую мохнатую ленту с шеи и смял ее в кулаке.

- Берите, - сказал он и помедлил, - это кого-то из ваших?

Из глаз у меня полились слезы. Байкер вывел меня на улицу. По дороге он все время гладил меня по голове. Художник понимающе кивнул, вытащил из кармана фляжку в кожаном чехле и отдал ее байкеру.

- Спасибо, - он повязал на меня розовый шарф, - поедем. Лучше не оставаться долго на улице.

Пока мы ехали, я рассказала художнику про Ренату. У меня выходило немного сбивчиво, но он не задавал вопросов, только один:

- Не понимаю, в таком случае, почему они не возвращают взрослых? – в его голосе прозвучала нарастающая тоска.

- Еще до того, как мы начали эксперименты с картинками на Ренате, там что-то пошло не так. Очередная группа наших киднепнутых подвергла идейному облучению всю смену, которая в тот день обслуживала трубу. Потом облученные замочили транслятора. Для Ренаты это было знаком, что началось что-то неправильное. Я попала в Мытые Шеи, в смысле, в Крепкий Орешек, приблизительно через две недели. Дальше я ничего не знаю.

Я неловко отпустила сцепление, и машина едва не заглохла.

- У тебя не кончается бензин? – испуганно спросил художник.

Потом он спросил меня, где я, кстати, живу, и облегченно вздохнул, когда я ответила.

- А в чем дело?

- Некоторые районы сожгли. Крутые ребята пытались захватить заправки. Предположительно, все это – исчезновения и прочее – началось после того, как подняли цены на топливо. Три раза подряд.

Я представила себе бесконечный космос. В детстве мне никак не удавалось просечь значения слов «никогда» и «нигде». Что значит топливо по сравнению с «нигде». Мне кажется, нам всем просто стало тесно на одной планете.

- Скажи, тебе никогда не хотелось смотреться отсюда? Куда-нибудь. Где не надо делить бензин?

- Что значит «никогда»? – спросил художник, - такого вообще не бывает.

Рената смотрела телевизор. Режим плей был включен на пошаговый кадр. Выглядела она великолепно, что делается с нарисованным телом?

Художник замер на пороге комнаты.

- Она?.. дышит! – пролепетал он. Думаю, это был лучший комплимент его мастерству.

Рената не оглянулась. В углу комнаты были свалены диски. Должно быть, она притягивала их, как до этого бабло на нашу революцию, не вставая с дивана. На экране дергались сцены с людьми в вечерних одеждах. Кто-то играл в казино.

- Что ты смотришь? – спросила я.

И тут произошло что-то странное. Я почувствовала, как меня тянет вниз. Сопротивляясь, я еще могла устоять на ногах. Я сообразила, что Рената меня притягивает. В голове закружились обрывки последних событий. Я увидела слепца, баночки кока-колы, пустынные улицы и розовый шарф.

- Прекрати! – закричала я и почувствовала, как художник вцепился в мою ногу. В тот же самый момент я столкнулась нос к носу со сверкающей оливковой массой, внутри нее колыхалось что-то перламутровое. Оно смотрело во все глаза. Но не обычно смотрело. Как таковых глаз совсем не было. Оно смотрело как бы отовсюду и на меня. Я поняла, что это она. Наша сбрендившая от картинок Рената, молекула, как она есть. Мимо нас несло куда-то черное пространство, испещренное серебряными нитями. Нити колебались как лучи автострადы в невесомости. На застывших снимках с большой выдержкой это выглядит немного иначе. Но если начать вглядываться, кажется, что изображение плывет. Здесь оно плыло стремительно, по бесконечным траекториям, нигде не начинаясь и не заканчиваясь. Я почему-то подумала, я просто узнала, что могу найти среди этих нитей того, кто меня спасет. Я не могла крикнуть «Караул», например, потому что у меня не кричалось. Мне как бы нечем было кричать. Но я точно знала, что могу звать. Я позвала. Я выкинула в черное пространство всю боль, которую когда-то имела и, кажется, даже ту, что буду иметь. Я как бы зачерпнула из вероятного будущего на всякий пожарный, чтобы меня лучше расслышали.

- Эй! – звала я, - хреновы люди! Я тууут!

По законам бетономешалки, крик должен был расходиться кругами.

- Не неситесь как угорелые! Обратите внимание, вот я!

Словно слабое эхо ответные импульсы стали касаться меня один за другим.

- Мы тут. Мы тут, - говорили они, - это ты несешься.

И они убегали дальше. Я напряглась. Я напрягла все, что во мне было – все 380 разных умений, или сколько их там. Плюс эмоции, чувства и волю. Я почувствовала, что у меня много ног. Гораздо

больше, чем когда-либо было на всем белом свете.

Пространство передо мной задрожало и замелькало что-то вдали. На меня вдруг посыпались перламутровые ядра. Я поняла, что научилась притягивать. Я притягивала молекул.

- Шшит! – крикнула я, - что вы все какие-то маленькие? – и отправила их восвояси. Они убрались не очень охотно, словно сначала я предложила им покататься на надувном батуте, а потом прогнала.

- Здесь не играют, - пищали они и исчезали, оставляя за собой серебряные хвостики.

Мне нужен был тот, кто меня спасет.

- Сволочи! – подумала я и успокоилась. Я освоилась. Рената осталась далеко позади.

- Найди меня, - грозно подумала я и как бы зажмурилась. Я подумала, конечно, о нем, о своей главной розовой шее в мире. На меня надвинулось что-то громадное. В тот же момент я вдруг испугалась, что плохо выгляжу. Мне казалось, что я выгляжу взлохмаченной тучей, которая еще не успела умыться и навести макияж. Я прогнала эти мысли.

Я прислушалась. Это точно был он. Я знала. Он не показывался, а только висел где-то рядом. Может, он тоже боялся, что не побрит? Или для меня он значил так много, что я даже не могла разглядеть это с близкого расстояния? Я как бы слегка отпрыгнула, надеясь увидеть, но он прыгнул за мной. Мне показалось, что меня обдало теплом. Он наплыл на меня с нескольких сторон сразу и обволок. Вокруг оказался перламутр. Я подумала, а что если космическое соитие заканчивается так же, как у земных пауков, только съедает партнера не самка? Он выпустил меня и снова вобрал. Мне было не до нежностей. Я постучалась изнутри и напонила, что где-то под нами (или над) есть Земля. Он сказал мне, что делать. Наше общение было настолько естественным, что я удивилась, зачем мы столько раз морочили друг другу головы – карьера, ПМС, я, ты...

- Я пошла, - сообщила я и едва не добавила «вечером позвоню».

На середине моего пути он протянул за мной все свои ноги. Парочка десятков прилипла и так и осталась со мной.

- Елки-палки! Это кошмар какой-то! – кричал художник и бил Ренату по голове, - ну вот, слава богу! Я думал, она удушит тебя.

Он переключился с Ренаты и стал хлопать меня по щекам.

Какая ты бледная!

Я сидела на диване рядом с воплощенной молекулой. Рената по-прежнему смотрела в экран. Я нашарила пульт и щелкнула кнопкой.

- Обойдешься, - сказала я, - у нас есть кофе?

Она не ответила. Должно быть от длительного просмотра картинок ее мутное когда-то сознание стало кристально чистым.

- Пойдем, попьем чего-нибудь. Скоро очухается, - я пригласила

художника на кухню и на всякий случай забрала с собой пульт. Оглядываясь на Ренату, он вышел из комнаты вслед за мной.

- Бредятина полная, - ворчал он, словно за окном уже не лежал пустой город, и вся планета не докатилась до этой жизни, а самое ужасное, что произошло в этот день – были девчонки, которые пытались навалить друг другу по шее. От этого ощущение мира и покоя разлилось по всему моему существу. Бывают люди, рядом с которыми жизнь становится понятна и бесконечна, а, значит, легка. Мой бойфренд не из таких. Ну, может быть, стал только теперь, когда бросил читать газеты...

- Я знаю, - сказала я, когда мы разлили по кружкам горячий кофе, - дело не в картинках.

Художник вопросительно мотнул головой.

- А в чем?

Пожалуй, для него отрицание картинок – было полный абсурд. Но и здесь, по своей старой привычке чучельника, он не сказал мне, что я не права, а просто приготовился слушать.

- В том, сколько именно их показывать.

- Картинко-часы? – ни тени разочарования или криков «ацтой, бескультурщина».

- Важен момент, когда ты уже не вспомнишь откуда какой кадр, а потом вовсе забудешь, что это картинки. Ты выберешь из сюжета роль и станешь ее исполнять. Важно согласие.

- Хм. А как ты узнала?

- Я там встретила кой-кого.

- Крепких Орешков?

- Не совсем. Эти парнишки подключились только на последнем этапе. Их и в самом деле киднепнули – все по стандартной схеме – из местного клуба Крепкий Орех. Там раньше были бани Мытые Шеи. Разница только в том, что это не был заказ тамошнего правительства. Высшие органы власти думали все окей. Но некоторое время назад беспорядки наали возникать повсеместно. На нескольких трубах случился хорошо спланированный переворот. Трубную службу и группы захвата заменили нашими. Началось первое массовое облучение местных. Похоже, что похищение из Крепкого Ореха было подстроено, чтобы незаметно провезти на планету заранее подготовленную крупную группу захвата. Тамошний правитель ничего не знал и сейчас ему трудно спрогнозировать размеры катастрофы. Кроме тебя, меня и еще кой-кого в настоящий момент никто точно не представляет, с какого именно времени ведется подготовка переворота.

- Когда это началось?

- В конце сентября 2001 года.

- Странно, - сказал художник, - я почему-то именно так и подумал.

- Почему?

- Не знаю. Было много ужасных событий. Но именно по поводу того сентября все согласились, что он перевернет мир. Ведь так?

Я нахмурилась и кивнула.

- Действительно, согласились. Рената говорила мне, что для того, чтобы что-то изменило порядок или возникло типа из ниоткуда, нужно согласие большинства, и только тогда всё...

- погоди! – он меня перебил, - ты говоришь, что встретила там кой-кого? Там — это где?

Мне не удалось додумать мысль о воплощающей силе согласия.

- Ну там, куда меня притянула твоя нарисованная, - я немного смутилась. Нормальный чел сейчас бы уже крутил у виска, - после рейда в наш кинематограф у нее с мозгами, знаешь... или что там у нее в голове... Кстати, ты ведь не рисовал ей... мозги?

Он заржал.

- Нет!

- Тем не менее. С соображалкой у нее что-то случилось. Думаю, чисто промыто. А у меня, как она утверждала, в голове никаких писанных норм. Наверное, поэтому я смогла там от нее освободиться.

- Победила?

Я пожалала плечами. Я думала о том, где на самом деле находилась Рената, если притянувшись к ее молекуле, вроде бы сидевшей у телевизора, я оказалась у черта на рогах, а вокруг звезды. Может быть, они только притворяются, что находятся здесь, а на деле, витают по черным дырам и оттуда проецируют на планеты свои иллюзии.

- Фиг зна. Я освободилась, но все равно понятия не имела, куда скакать дальше. Кругом темнота и эти хреновы перламутры.

- Кто?

- Они выглядят, как... ну, я их видела, эти «молекулы», они как перламутры.

- А!

- И потом...

Я осеклась и стала думать о том, как среди звезд оказался мой милый, если по идее он в то же время занимался продвижением восстания вглубь врага. По ходу, с 2001 года его подрывная деятельность кипела и на той, и на нашей планете. Я подумала о загадочном племянничьем счете в банке и брюнетке, которая взбесилась от моих снов. Похоже, он имел с Землей больше, чем чисто молекулярную связь. Жаль, что Рената забыла о совете изначально плане. Могла бы рассказать, кто ее нанял, какие давал инструкции и почему она позабыла только часть истины. Я засомневалась в исключительности своих мутных мозгов и их сугубом значении для спасения мира. За любым событием, похоже, стоят личные интересы.

- Извини, - художник кивнул в сторону комнаты, где мы бросили Ренату очухиваться, - а ты уверена, что все это не были ее навороты?

Вдруг, все, что ты видела – плод ее коварных иллюзий? Ну, как с твоим бойфрендом в компьютере.

Я покачала головой.

- Нет. Если бы она могла воротить крутые массовые иллюзии и прочие коммунальные чудеса, то еще к минувшему рождеству мы бы все просто получили шерстяные носки, набитые акциями нефтяных вышек, а после Нового Года бы наступил коммунизм и каждый РФ-чанин въехал бы в новую квартиру с евро-ремонтom. На молекулярном уровне она неплохая девчонка... Все это затеял кто-то другой, понимаешь?

Художник кивнул.

- Хочешь космическую прогулку? – спросила я, прищурившись и вдруг почувствовав себя смелой.

- Не надо! – завопил он, - хотя, интересно, конечно...

Главный смысл разбежался отражениями вдаль. Мне никак не удавалось его поймать. Я решила мысленно притвориться незаинтересованной – может быть, смысл вернется.

- Ну так вот, - почти бездумно начала я, - как я уже сказала, показывать картинки работникам труб стали еще фиг знает когда. Восстание поднял один парень из группы подопытных. Он захватил управление на своей трубе и с тех пор готовил крупную акцию. Он попал на ту планету 11 сентября. На Земле он подорвался на башнях и...

- Если он подорвался, то как же?...

У меня и самой не хватало фантазии. Пришлось быстро склеивать обрывки.

- Они вообще, насколько я знаю, предпочитали таскать землян из огня. Там, где есть жертвы, пара-тройка пропавших - совсем незаметно. А помнишь, - я вздрогнула, - помнишь, ты думал, почему они не возвращают взрослых, и дети кажутся родителям чужими?.. Видимо, не всех удавалось таскать из огня живьем? Кое-кто по ходу попал к ним уже молекулой... Понимаешь? Взрыв, бах!.. А этот парень, он любил рисковать и ориентировался в дерьме очень быстро.

Я тихонько вздохнула.

- Ты столько всего узнала! А была там всего пять минут.

- Ну, про парня я знала и раньше. И потом, там нет слов.

- Там есть картинки?

Мы оба улыбнулись.

- Не знаю, как это объяснить. Что-то вроде того, что ты просто вдруг - бах – и знаешь.

- Дэцл!

- Ага. В общем, инопланетян обрабатывают уже много лет. Не все время одних и тех же, конечно.

- Понятно.

Мы вдруг, не сговариваясь, обернулись. У двери стояла Рената.

Она была бледна, как московский февраль.

- Не правда! – хрипло сказала она.

Мы с художником переглянулись и разом кивнули.

Часть 3

Нужно было еще много всего проверить.

Мой бойфренд – большая молекула – навещал нас троих каждый день. Или скорее, это мы его навещали. Мне немного не хватало интима. Я скучала. Я досадовала на то, что нам не удалось прожить нормальную жизнь – с двумя гаражами, роддомами и путешествиями в старости. Гипнотические сеансы беглой любви в черном космосе были мне еще непривычны. Я вдруг начала болезненно понимать, чего же мы все лишились. Земли – она могла бы быть радостным местом.

- Не будь мещанкой, - как-то сказал он мне, и я обиделась.

Тогда он обещал, что все будет. И солнце, и море, и купальники от кутюр. Где он, интересно, хотел все это надыбать?

В джинсовом бутике, где ставили подписи на подоконниках, мы начали ненавязчиво консультировать людей, как надо вести себя при нападении. Чтобы не было повсеместного шока, нам приходилось давать схемы и умалчивать о деталях. В частности о том, кто захватчики. Зато мы много талдычили о том, что по любому всех ждет возвращение. Постепенно люди стали больше общаться, забили на росписи подоконников и перестали искать среди вывешенных вещей до боли знакомые. Улицы стали людней. Заработали какие-то магазины, из подвалов вылезли кошки и в машинах откуда ни возьмись появился бензин. Может быть, нашу планету еще удастся взбодрить, Земля не уснула навеки? И может быть, хорошо, что не все, кто уже попал в мозгопромвочную передрыгу, сюда вернутся...

Работа восстания, которое поднял мой милый, была локализована пока довольно узко. Большинство труб продолжало обрабатывать наших в прежнем режиме. Нам предстояло вытащить тех, кого еще не успели изрядно покоцать, и остановить страсть инопланетной высшей расы делать из землян рабов.

Потом, я догадывалась, у нас все-таки будет свой дом.

Только нам нужно было хорошо поработать.

Одного я так и не поняла: кто же все это начал. Мой молекулярный дружок обещал, что я все узнаю – если выберу знать. Наверное, шутя, он говорил, что вместо знания я могу выбрать долгую счастливую жизнь вместе с ним, но одновременно счастливая жизнь и знание не получатся.

К высадке на планету Рено (мы почему-то стали звать планету

Ренатиным настоящим именем) готовили меня. Аргумент был прежним – замутненная голова и идейная беспринципность. Вины мои родители. Это они не покупали мне телевизор.

Зато на месте идейного вакуума у меня была куча ног, и они росли каждый день. Мой бойфренд немного посвятил меня в историю молекул. С тех пор, как он стал космическим повстанцем, ему удалось много узнать.

Раньше, когда мы еще не различали таких понятий, как ветер, песок или война – то есть, когда еще не было разнообразных материальных вселенных – нынешние многоногие существа – то есть, мы – просто ходили круглыми. Как дураки. И все жили счастливо – без времени и расстояний. Каждый понимал другого, как себя самого, потому что мог легко оказаться на его месте. Однажды кому-то это наскучило. Со скуки он принялся менять свою форму. Сначала он стал треугольным, как ухо собаки. Потом квадратным. После ему удалось протянуть с каждой стороны по ноге. Сперва ноги были короткими, как обрубки. Но, ворочая правой-левой, этот меняющий форму перец изобрел стороны света. Так возникло пространство и в нем постепенно планеты, где мы могли кучковаться по интересам.

До войны тогда было еще далеко. Кто-то подглядел за упражнениями первого ногастого и подумал, а ведь такими штуками можно, не знаю, скажем, срывать бананы. Пришлось создавать пальму. На это ушло много тысячелетий. Надо было придумать вещество, из которой состоит пальма, и все принципы – рождения, роста, старения... Над воплощением пальмы в жизнь трудился не один, а множество любопытных с разных планет. Мы вообще были любознательные существа от природы. Мы любили тусоваться и колбаситься. А чтобы тусня была интересней, надо было придумывать много законов. Надо было определить, где ты прав, и когда ты победитель. Кому-то все время выпадало играть роли лузера. Так появилась боль.

Сначала проигрывать было принято только примитивным вирусам. Например, неандерталец мог поддаться возбудителям насморка и слезь под собственный домашний арест. Так было принято, чтобы, как бы, сказать другим – я тут нарушил пару правил, отвяжитесь, мне нужно полежать и подумать. Тогда все еще лично следили за нерушимостью законов тусовки и были сами себе неподкупные прокуроры и адвокаты. Первые хитрецы появились в период становления первобытных родовых общин. Похерив традиции самовзысканий, они свободно хитрили направо-налево, перестали время от времени подвергать себя вирусам в исправительных целях, и по сравнению с простаками стали более крепкими и богатыми. Став богатыми, они выбирали для себя лучших женщин, сытнее кормили детей, и вообще вся их жизнь наладилась. Хитрецы передавали секрет хитрости по наследству. Поначалу никто понятия не имел, как им удалось выйти в члены правительства. Так появились классы.

Был еще другой род хитрецов. Менее прямолинейный. Чтобы скрасить период лузерства, такой жулик создавал для любопытных соплеменников некую тайну. Например, покалечив мизинец на ноге, он говорил, что это особый знак, свыше. Потом, когда вокруг него от любопытства собиралась большая толпа, он нахлобучивал на себя платье до пят и просил никому не рассказывать. Конечно, о его платье сразу начинали ползти слухи. Эти хитрецы называли себя жрецами.

И тем, и другим приходилось потом непрерывно сражаться, чтобы никто не узнал их секрет. С растущим количеством тайн и загадок люди постепенно теряли мозги. Самым заблудшим уже никто ничего не мог объяснить. Они стали отщепенцами общества, и им не осталось ничего другого, как объявить, что это ништяк – особый шик вечно мучиться неразрешимыми вопросами мироздания. Хитрецы их поддерживали. Вот почему жрецы, творческая интеллигенция и правительство всегда знают больше других.

Через много веков, правда, уже ни один не мог вспомнить о первых ногах и своей настоящей форме. Только самая малость продолжала о чем-то смутно догадываться. Но эти догадки вселяли страх. Кому приятно признаваться, что тысячелетия подряд он нарушал порядок тусовки. Чтобы держать остальных подальше от тайн, кому-то приходилось то тут, то там подпаливать ветки. Привыкнув к тому, что все время где-то что-то горит, некоторые даже выбрали себе профессию – тушильщик. Потом забыли и о том, в чем, собственно, ее смысл. Стало казаться, что кроме пожара никакого смысла на Земле и нет вовсе...

Все это, конечно, метафоры. Но я рассказала об этом своим друзьям. Рената обещала, что больше никогда ни о чем не забудет. Художник заверил, что нарисует нас всех красивыми. Чтобы ни у кого не было лучших женщин.

На планете Рено я должна была найти и собрать всех, кого еще можно было реабилитировать. Остальные, как мы рассчитывали, со временем разберутся сами и вернутся на круг естественной эволюции. Рабовладельческое общество, как мы помним, по любому приведет к несогласию. Значит, придется заключать новый эгримент и менять строй на строй. Порабощенные земляне пока оставались квадратными, без единой ноги. Все, на что они были способны, это мелькать впечатлениями о своей прошлой жизни. Инопланетяне уловили особый кайф в рассматривании их мемуаров. Чтобы кадры были более яркими, рабам не тушили воспоминания и позволяли непрерывно горевать об утраченном.

И все-таки я не понимала, кто все это затеял. Отчеты Ренаты немного не совпадали с тем, что говорил мне мой Ангел-молекула. Рената рассказывала, что высшую расу напугало наше развитие технологий, и поэтому нас веками пытались сдерживать, загоняя в сознание идеи о карающем бородатом хиппи на небе. Ангел передавал

нашу историю так, словно мы никогда ни от кого не зависили. Как человеку беспринципному, но стремящемуся к справедливости, мне хотелось точно знать, где враг. Ангел пытался меня сдержать. Он говорил, что вселенная вообще невозможна без хаосообразующих факторов. Если я буду все знать, у нас ничего не получится, говорил он. Но я подозревала, что раз он убеждает меня не знать, значит, сам как раз все знает. Рената и художник его вообще немного побаивались. Я хотела выяснить все сама: всю правду о создании и продолжении. Я хотела знать, кто я на самом деле и какова моя роль в ужасах развития цивилизации.

- Ты так оставишь меня одного, - как-то вызвав меня на свидание без друзей, сказал он, - не надо! Как же море, купальники?

Я побултыхалась немного у него внутри и слиняла. Что журналисту дороже моря? Журналисту дороже, чтобы стрелка совпала с севером.

Я набралась некой решимости. Я даже была готова, если надо подложить под компас магнит. Я была уже почти так же велика, как мой бойфренд. Рената и художник чувствовали что-то и волновались.

Я перебирала в памяти совпадения, которые преследовали меня с тех пор, как появилась Рената и началась война. Я вспоминала все сведения о мире, которые людям удалось сохранить или выдумать задним числом и оставить потомкам в виде пыльных книг и легенд. Я верила, что все наши выдумки – дым от угасшего когда-то костра, и значит, несут долю правды. Я старалась и думала, думала, даже когда не было сил. Это как задавшись идеей, ты перелопачиваешь библиотеки и Интернет, чтобы добыть доказующие факты, и потом сличаешь их с тем, что уже знаешь. Я вспоминала про дом со скребущими кошками, где инопланетяне отбывали добровольное наказание, нарушив какой-то порядок. И программу архиватор пинк некс, и шпиона, который повесился, потому что все мне рассказал, и бородатого мужика. Тогда я вообразила, что, как всякая отсталая популяция, мы обезьяним идеи из космоса, наши крылатые выражения имеют инопланетное происхождение, а осознавать правду просто приносит нам боль. Я тогда поверила, что нам пудрят мозги...

К высадке на Рено все было готово. Мой милый почему-то вдруг решил ускорить процесс. Остановку продолжавшегося порабощения он должен был взять на себя, но ни Землю, ни Рено спасти мы не будем. Он знал, как разрушить трубы, но чтобы промыть все промытые мозги обратно и потом повернуть их в сторону общей дружбы, нам бы пришлось еще долго копить силы. Мы сделаем все постепенно, сказал он. Главное, обрести стабильность и море. Рената и художник неожиданно согласились. Это был уже договор. Наверное, наше море уже где-то плескалось. Мне оставалось только спасти часть наших и увести их с собой. Мы должны были ждать в условленном месте, охраняя ослабших существ от негативного воздействия дикого космоса.

Справившись с трубами, мой бойфренд должен был уйти от преследования и отвлекающими маневрами повести нас в светлое будущее, где мы все станем свободны и приобретем много купальников. Каким-то образом ему удалось сохранить в тайне эту дорогу. Вот это мне нравилось меньше всего. Космос не лежит в сети ДжСМ.

Как бы нам не напороться на чьи-то иллюзии...

Он заверил, что все пройдет гладко. Я уже проделывала поиск и притягивание миллион раз, тренируясь находить Ренату или художника, притаившихся между звездами. Однако мы все нервничали. Я боялась хаосообразующих факторов больше всех. Рената и художник могли бы мне помочь, но они, в силу своих чистых мозгов, поддавались напору чужих идей. Из-за этого могли произойти сбои, как помехи на радиостанции. Мое сознание оставалось тугим и непробиваемым, от него отскакивали самые чудные внушения. Во время испытаний на возможные риски мой ангел пытался заставить меня купиться на рыжую окраску партнера. Бывают такие оранжевые молекулы. Согласно его исследованиям, оранжевый перламутр вызывает в молекуле жизнерадостный импульс, учащает частоту колебаний и побуждает к интиму. Оказалось, что мне это по барабану. Ангел был счастлив, когда из стаи оранжевых оболочек я выбралась одна. Рената прилепила к себе четверых. Думаю, в операции «оранжевый перламутр» мой милый просто использовал служебное положение и хотел отомстить мне за орхидею от менеджера из банка. Кстати, среди тех, кого удастся спасти, я надеялась встретить и менеджера, и еще многих. Анализируя свои чувства, я поняла, что всех жалко. Досадно, что я не знала всю планету в лицо.

Самым непобедимым страхом перед стартом была мысль о том, что придя на Рено, я увижу что-то такое, о чем мне не захочется знать. Что это было, я даже боялась себя спросить. Наверное, все та же банальная тяга земных понятий, откуда мы пришли, куда премся и кому это выгодно. Что бы то ни было, я обещала себе все исправить, даже если то, что я увижу не понравится мне смертельно. Даже если исправление этого бага будет стоить мне возвращения к своим. Пусть даже я лишусь моря.

Я стартанула.

Здесь кому-нибудь доводилось внедриться наподобие реактивного самолета в чужое пространство, охраняемое радарными вековыми соглашениями? Это примерно также душещипательно, как войти в чужой монастырь. Художник, когда он еще был человеком, помню, говорил мне на диктофон, что адаптироваться на освоенных кем-то плантациях труднее всего. Бомбы расставлены всюду. Любое культурное отклонение и тебя пеленгуют – в изолятор, в стройбат, мне было страшно.

Я притянула к себе планету Рено и увидела чужой город. Он был немного похож на Замоскворечье, когда ты смотришь с моста. Над

городом наклонялся огромный экран, сложенный из квадратиков, типа солнечной батареи. На экране что-то мелькало. Я вдруг вспомнила Землю, на которой все еще бушует война, и тянется черно-зеленый дым.

Рената объясняла мне про этот экран. Во время тренировочной ориентировки на местности, она говорила, что на этом столичном экране, висящем над городом, почти круглые сутки крутят музыкально-смысловую рекламу. Реклама попадает к каждому в дом, и экран при этом черен, как радио. Но с самого раннего утра, пока сны населения доверчивы и тонки, как мечты, главный экран неизменно, уже на протяжении многих веков, транслирует первую и главную молекулу всей планеты – правителя Рено, народного вдохновителя, отца всех идей, иллюзий, мира и войн, расходящихся далеко по галактике. Как обычно бывает с лидерами, все его узнавали, но никто не видел живьем. Мне было до коликов интересно, как он выглядит – правитель, внушающий идеи половине космоса, из-за которого все началось и продолжается. Было бы любопытно взглянуть врагу хотя бы в оцифрованное в лицо. С чисто бессмысленной жалостью ко всем живым, я порадовалась, что мы с Ренатой не додумались убить императора, и вот теперь я могу его увидеть.

Приблизив экран поближе, я распахнула свои несуществующие глаза. По квадратикам солнечной батареи харизматичной улыбкой растекалось мое лицо. На главном правительственном экране чужой планеты была я, какой жила на Земле, только на плечах у меня сидел красивый военный китель. Я говорила что-то с экрана, сияя планетарной мудростью и обещанием, что все будет. От понимания, которое приходило ко мне, я вздрогнула и проговорила русское слово «мама». Когда я шептала «мама», мое лицо на экране стало немного растерянным, и губы едва уловимо смазались, словно камеры не успевали за мимикой. Но после я снова уверенно обратила взор на страну, глядя мимо себя, словно в тонкую вечность.

Слов трансляции я не слышала. Вместо них я вдруг различила пение. Оно было похоже на глюк с участием звезд мировой эстрады. Пели трое. Затихая, голоса не обрывались, но словно утекали вдаль на большой, но нарушившей бег карусели. Немного не слаженно они выводили печальный сингл Нейла Янга Round&Round, "it won't be long"... "это не навсегда"... Я не могла заставить себя оглянуться и поверить, что больше никогда не увижу поющих. Я только что узнала, что вернулась в то самое место, с которого я началась. Я больше не могла не знать. Было раннее утро, когда сны доверчивы и тонки, как мечты.

Потом я услышала как бы шум далекого моря. Я слышу его до сих пор.